

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

1/2024

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарлова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логина** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

<i>Моисеев К. В. (Екатеринбург)</i> История ответственности бизнеса за нарушения прав человека	5
--	---

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Жуков Н. О. (Екатеринбург)</i> Роль и актуальные вопросы подразделений собственной безопасности в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации	20
--	----

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Босова Е. Н. (Уфа)</i> Субъекты наблюдения на выборах: вопросы совершенствования российского избирательного законодательства	31
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Даниленков А. В. (Санкт-Петербург)</i> Охрана интеллектуальной собственности в рамках деликтного правоотношения: теория и практика	40
<i>Ковшов Т. В. (Москва)</i> Соглашения о порядке ведения переговоров, их виды и характеристика	54

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

<i>Горобец Д. Г. (Ростов-на-Дону)</i> Когда уклонение от уплаты налогов – дело рук не одного человека	62
---	----

ХРОНИКА

<i>Зипунникова Н. Н. (Екатеринбург)</i> Научно-методические основы преподавания курса «История России» в юридических вузах: обзор круглого стола	68
--	----

CONTENTS

INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Moiseev K. (Yekaterinburg) The history of corporate responsibility
 for human rights violations 5

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

Zhukov N. (Yekaterinburg) Role and current issues of own security divisions
 in the system of compulsory enforcement bodies of the Russian Federation 20

ELECTION LAW AND ELECTION PROCEDURE

Bosova E. (Ufa) Subjects of election observation:
 issues of improving Russian electoral legislation 31

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Danilenkov A. (Saint-Petersburg) Intellectual property protection within framework
 of tort undertaking: theory and practice 40

Kovshov T. (Moscow) Conduct agreements negotiations, their types and characteristics 54

ECONOMICS AND LAW

Gorobets D. (Rostov-on-Don) When tax evasion is the work of more than one person 62

CHRONICLE

Zipunnikova N. (Yekaterinburg) Scientific and methodological fundamentals of teaching
 course «History of Russia» in law schools: round table review 68

ИСТОРИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Моисеев Константин Викторович

Аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0006-6315-8042, e-mail: k.moiseev98@gmail.com.

В статье рассматривается развитие института ответственности бизнеса за нарушение прав человека. Отмечается, что защита прав человека являлась одним из основных направлений развития международного права в XX в., что привело в том числе к расширению состава субъектов, которые несут ответственность за соблюдение прав человека. Упоминается деятельность Центра по транснациональным корпорациям ООН, основная задача которого заключалась в разработке Кодекса поведения для ТНК, который предлагал уважать права человека и основные свободы. Дальнейшее развитие института ответственности бизнеса за соблюдение прав человека связывается с принятием Руководящих принципов для многонациональных предприятий ОЭСР, Глобального договора ООН, а также Норм, касающихся ответственности транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека, на основе которых позже предполагалось принять юридически обязательный документ. Деятельность Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпораций и других предприятиях, кульминацией работы которого стала разработка Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН, оказала большое влияние на развитие института ответственности бизнеса за соблюдение прав человека. Среди других ключевых событий можно назвать борьбу народа Огони с корпорацией «Shell», а также создание Принципов Салливана. Деятельность судей в США и Европе и нормотворчество на уровне ЕС также развивает и расширяет ответственность ТНК. Автор подчеркивает ключевую тенденцию нормотворчества в сфере ответственности бизнеса за нарушение прав человека – борьбу юридически обязательных и необязательных подходов, которая каждый раз приводит к отказу от принятия юридически обязательного международного акта в данной сфере.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, права человека, ответственность

Для цитирования: Моисеев К. В. История ответственности бизнеса за нарушения прав человека // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 1. С. 5–19. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_5.

THE HISTORY OF CORPORATE RESPONSIBILITY FOR HUMAN RIGHTS VIOLATIONS

Moiseev Konstantin

Postgraduate, Ural State Law University University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0006-6315-8042, e-mail: k.moiseev98@gmail.com.

The article considers the development of institution of corporate responsibility for human rights violations. It is noted that the protection of human rights was one of the main areas of development of international law in the XX century, which led, among other things, to the expansion of subjects that are responsible for respecting human rights. The further development of the subject of business responsibility to respect human rights is associated with the adoption of the OECD Guiding Principles for Multinational Enterprises, the UN Global Compact and the Norms on the Res-

responsibilities of Transnational Corporations and Other Business Enterprises with Respect to Human Rights, which were later to become the basis for legally binding human rights instruments. The work of the Special Representative of the Secretary General on the issue of human rights and transnational corporations and other business enterprises, which culminated in the UN Guiding Principles on Business and Human Rights, has been important for the development of the subject of business responsibility to respect human rights. Among other key developments, the author highlights the Ogoni people's struggle with the Shell Corporation, and the creation of the Sullivan Principles. It is noted that the work of judges in the US and Europe and standard-setting at the EU level also develops and expands the responsibilities of TNCs. The author emphasizes the key trend of standard-setting in the area of corporate responsibility for human rights violations – the struggle between binding and non-binding approaches, which each time leads to the rejection of a legally binding international act in this area.

Key words: transnational corporations, human rights, responsibility

*For citation: Moiseev K. (2024) The history of corporate responsibility for human rights violations. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 5–19, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_5.*

1. Введение

Вторая половина XX в. отметилась возникновением благоприятных условий для сотрудничества государств в сфере прав человека. В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций у государств-членов появились обязательства как уважать права человека во взаимных отношениях, так и прилагать усилия для их всеобщего уважения. В данной сфере было принято множество документов, от Всеобщей декларации прав человека до Международного пакта о гражданских и политических правах, которые имели разную юридическую силу, но их объединяла общая черта – провозглашение юридического характера обязательств государств по защите прав человека¹. Так или иначе в ходе развития международного права прав человека происходило расширение сферы ответственности за соблюдение прав человека по субъектному составу, и уже к концу XX в. мировое сообщество надежно укрепило в мысли о том, что ответственность за их соблюдение несут также транснациональные корпорации (далее – ТНК). Под ТНК понимаются субъекты экономической деятельности, действующие в двух и более странах, независимо от того, в какой юридической форме они выступают, в какой стране находятся, а также независимо от того, в каком качестве осуществляют свою деятельность². Хотя ТНК и стали катализатором данных процессов, сегодня возникают проблемы, например, связанные с деятельностью корпораций в Интернете, в котором не существует границ в традиционном понимании, и расширением состава ответственных субъектов. Поэтому представляется логичным отойти от жесткого следования понятиям и говорить об ответственности бизнеса в целом. Как отмечает Далия Паломбо, традиционный мировой порядок, основанный на государственном суверенитете и отсутствии влияния частных субъектов на международные отношения, больше не существует. Он был заменен новым миропорядком, основанным на взаимодействиях частных субъектов³. На данный момент уже нельзя сказать, что только государства подвержены влиянию международного права, а другие субъекты к нему безразличны⁴. Рост могущества ТНК, их причастность к нарушениям прав человека – все эти факторы привели к необходимости решения проблемы ответственности бизнеса в области прав человека⁵.

¹ Карташкин В. А. Права человека. М.: Инфра-М, 2009. С. 24.

² Нормы, касающиеся ответственности транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901925098> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Palombo D. Business and human rights: The obligations of the European home states. Oxford, 2020. P. 24.

⁴ Latorre A. F. L. In defence of direct obligations for businesses under international human rights law // Business and Human Rights Journal. 2020. Vol. 5. № 1. P. 60.

⁵ Weissbrodt D. Roles and responsibilities of non-state actors. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 4.

2. Кодекс поведения для транснациональных корпораций: первые попытки установления связи бизнеса и прав человека

К 1970-м гг. гражданское общество в развитых странах и средства массовой информации начали выражать явное недовольство глобальным масштабом деятельности ТНК. Повышенный интерес к корпоративному управлению и корпоративной ответственности, политические и финансовые потрясения, требования ограничить деятельность ТНК – все это приводило к противостоянию государств и корпораций¹.

Появление концепции связи бизнеса и прав человека в конце XX в. не было случайностью. С одной стороны, это было результатом ускоряющегося процесса глобализации и роста – по числу, размеру и значимости – современных транснациональных корпораций. С другой – общество начало понимать, что государства теряют контроль над данными процессами².

Ранние попытки установить и институционализировать ответственность транснациональных корпораций за права человека уходят своими корнями также в 1970-е гг., когда ООН предприняла попытку урегулировать инвестиционную деятельность транснациональных корпораций. В ответ на нарастающую озабоченность развивающихся стран по поводу усиливающейся власти транснациональных компаний, ООН в 1974 г. создала новый **Центр по транснациональным корпорациям** (далее – Центр).

Создание Центра было ответом ООН на запрос о разработке правил регулирования деятельности ТНК, который возник в 1970-х гг. В 1972 г. Филипп де Сейн, заместитель Генерального секретаря по экономическим и социальным вопросам, презентовал Обзор мирового экономического положения, в котором было отмечено, что международному сообществу еще предстоит выработать позитивную линию поведения и создать эффективный механизм для решения проблем, возникающих в связи с деятельностью этих (транснациональных) корпораций³.

Вместе с Центром была создана Комиссия ООН по транснациональным корпорациям, которая была призвана действовать в качестве форума в рамках системы ООН для рассмотрения вопросов, касающихся международных инвестиций и транснациональных корпораций; способствовать обмену мнениями между правительствами, межправительственными организациями, профсоюзами, деловыми кругами, потребителями и другими группами; оказывать правительствам помощь в привлечении инвестиций и в работе с транснациональными корпорациями; углублять понимание природы транснациональных корпораций и укреплять потенциал развивающихся стран в работе с ними на основе комплексного подхода, включающего исследование, работу с информацией и техническую помощь⁴.

Под руководством Комиссии ООН по транснациональным корпорациям Центр осуществлял деятельность по трем основным направлениям: *осуществление исследований и сбор информации, оказание технической помощи и межправительственная поддержка*. Сами работники Центра выделяли четыре столпа эффективности его работы: во-первых, исполнительные директора Центра были полностью независимы в вопросах подчинения и управления; во-вторых, при подборе персонала главным критерием являлся талант; в-третьих, собственная база знаний дополнялась использованием знаний консультантов, обладающих большим опытом в области экономики и права; наконец, в-четвертых, Центру оказывалась денежная поддержка, в том числе со стороны бизнеса, которая позволяла организовывать работу наиболее эффективным образом⁵.

Главная задача Центра заключалась в разработке всестороннего **Кодекса поведения для транснациональных корпораций**. Среди прочего, проект Кодекса пред-

¹ Hamdani K., Ruffing L. United Nations Centre on Transnational Corporations: Corporate conduct and the public interest. L.: Routledge, 2015. P. 2.

² Research handbook on human rights and business / ed. by S. Deva, D. Birchall. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 25.

³ Hamdani K., Ruffing L. Op. cit. P. 32.

⁴ Report of the Group of Eminent Persons to Study the Impact of Multinational Corporations on Development and on International Relations «The impact of multinational corporations on development and on international relations». N. Y.: UN, 1974. P. 57.

⁵ Ibid. P. 38.

лагал¹ транснациональным корпорациям «уважать права человека и основные свободы в странах, в которых они действуют», способствовать равным возможностям и равному обращению, а также воздерживаться от любой формы дискриминации². Кроме того, проект Кодекса обращался к проблеме режима апартеида в ЮАР: корпорациям предлагалось воздерживаться от действий, поддерживающих расистский режим, соблюдать правила, установленные резолюциями Совета Безопасности ООН, в том числе касательно инвестиций в оккупированную Намибию, а также принимать действия вплоть до участия в инициативах, направленных на уничтожение расовой дискриминации и других аспектов режима апартеида.

Однако не стоит забывать, что основную роль в процессе создания норм международного права играют все же государства. Г. М. Вельяминов отмечал непреложность того обстоятельства, что только воли государств могут служить основой действия норм международного права в связи с необходимостью обеспечения их соблюдения, – идея, которую можно найти еще в работах Бальтасара Айялы и Гуго Гроция и актуальная до сих пор³. Работа Центра столкнулась с противодействием западных правительств и самих транснациональных корпораций, в том числе относительно вопроса юридического характера итогового документа – предполагалось, что Кодекс будет носить рекомендательный характер, но Комиссия ООН по транснациональным корпорациям наделялась полномочиями по надзору за их соблюдением (Центр должен был выполнять функции секретариата)⁴.

Центр, хоть и выступал за принятие Кодекса, всегда стремился предложить компромисс – в формулировках или шаблонах для создания сбалансированного инструмента. Как отмечает Халил Хамдани, бывший директор офиса исполнительного директора Центра, корень всех проблем с нерешенными вопросами, которые мешали принятию Кодекса, лежал в идеологии, а не в их содержании. К 1990-м гг. произошла смена идеологий, и в то время, как развивающиеся страны стремились к привлечению инвестиций и их позиция становилась более гибкой, развитые страны стремились защитить принципы свободного рынка от воздействия какого-либо кодекса поведения⁵.

3. Руководящие принципы ОЭСР и Глобальный договор ООН: подходы мягкого права к проблеме бизнеса и прав человека

В 1976 г. произошло принятие другого документа в сфере прав человека и бизнеса, который показал возможность успешного использования актов, не имеющих юридической силы, для регулирования данной сферы: **ОЭСР создала Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий**⁶. Профессор Р. Блэнпен в своей лекции в 1978 г. отметил, что в них явно была необходимость: государства опасались деятельности транснациональных корпораций, способной повлечь негативные последствия, и в то же время с опаской подходили к возможности принятия решений на национальном уровне из-за риска того, что корпорации сочтут инвестиции в такие страны непривлекательными. Все это делало создание международного акта наибо-

¹ Здесь следует отметить присутствие в различных версиях проекта Кодекса повсеместной дихотомии глагола shall/should, что также говорит о борьбе намерений. Одни стороны хотели придать нормам обязательность, но другие на это были не согласны.

² Work by the United Nations Centre on Transnational Corporations on the Code of Conduct on Transnational Corporations, other international arrangements and agreements, and national laws and regulations relating to transnational corporations. N. Y.: UN, 1986.

³ Вельяминов Г. М. О понятии нормы международного права // Советский ежегодник международного права. 1971. М.: Наука, 1973. С. 135.

⁴ Следует отметить, что отдельные авторы имеют двоякий взгляд на акты, которыми Генеральная Ассамблея ООН декларирует какие-либо принципы, ярким примером которых является Кодекс. Так, Л. Кондорелли указывает, что такие акты могут являться одним из этапов в процессе кодификации, указанием на то, как право должно развиваться, либо же напрямую «устанавливать право», особым образом «кодифицировать» международное право. Однако, как замечает автор, во многих случаях они всего лишь показывают, каким право хотят видеть государства, и провозглашают необходимость изменений. См.: Condorelli L. Custom // International law: achievements and prospects / ed. by Mohammed Bedjaoui. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. P. 200. § 68–69.

⁵ Hamdani K., Ruffing L. Op. cit. P. 24.

⁶ OECD Guidelines for Multinational Enterprises on Responsible Business Conduct. P.: OECD Publishing, 2023.

лее логичным шагом, но правительства не желали принятия жестких правил, чтобы не нанести вред собственным корпорациям¹.

Составленные как *добровольная альтернатива, обращающаяся к государствам, а не непосредственно к корпорациям*, Руководящие принципы ОЭСР оказались более жизнеспособными, чем подход, которым хотели руководствоваться в ООН при разработке своего проекта Кодекса. В первой версии Руководящих принципов ОЭСР также содержался один абзац, посвященный ответственности корпораций за нарушения прав человека, который со временем превратился в главу, соответствующую Руководящим принципам предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН после 2011 г.² Во введении к гл. IV, посвященной правам человека, отмечается, что *государства имеют обязанность защищать права человека, но компании должны³ уважать международно признанные права человека с учетом международных обязательств и законодательства стран, в которых они работают*. Также выделен отдельный пункт по проведению процедуры должной осмотрительности в области прав человека. Уважение прав человека ожидается от любых компаний и в любых ситуациях. От компаний ожидается, что в случае, если нарушение прав все-таки произошло и об этом компании стало известно в ходе проведения процедуры должной осмотрительности, она должна предпринять надлежащие меры по восстановлению положения.

Несмотря на то что Руководящие принципы ОЭСР не имеют юридической обязательности, они содержат мягкий механизм обеспечения их соблюдения, основанный на деятельности так называемых национальных контактных центров (НКЦ). НКЦ представляют собой государственный внесудебный орган, который рассматривает жалобы, поступающие от индивидов, НПО и объединений в отношении ТНК и других предприятий, нарушающих права человека⁴. НКЦ имеют прямое влияние и на экономическую деятельность ТНК: некоторые страны увязывали доступ к внешней торговой помощи и экспортным кредитам с отсутствием заключений против компаний со стороны национальных контактных центров ОЭСР⁵.

В 1990-х гг. происходит специализация деятельности НПО и запуск специальных программ и подразделений с особым акцентом на бизнесе и правах, например Группа бизнеса «Amnesty International» в Великобритании. В 2002 г. Крис Эйвери, американский и британский юрист, занимающийся вопросами прав человека, основал Ресурсный центр по бизнесу и правам человека⁶, который со временем стал самым важным информационным ресурсом в области бизнеса и прав человека⁷.

Корпорации стали все яснее понимать риски, которые несли для них кампании НПО и судебные разбирательства, и начали принимать меры, включающие в себя принятие руководящих документов в области прав человека, участие в добровольных многосторонних инициативах, а также начали включать положения о правах человека в свою отчетность о корпоративной социальной ответственности или устойчивости⁸. В 2000 г. произошло принятие первого универсального документа, который поставил ответственность корпораций за права человека в самый центр, – **Глобального договора ООН**⁹. По числу участников он оказался самой успешной международной

¹ *Blanpain R.* The Oecd Guidelines for Multinational Enterprises – The Badger Case // Journal of the Royal Society of Arts. 1978. Vol. 126. № 5262. P. 327–328.

² Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций в отношении «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». Нью-Йорк; Женева, 2011.

³ Использован модальный глагол «should».

⁴ *Синявский А. А.* Национальные контактные центры ОЭСР как эффективное средство защиты прав человека от деятельности транснациональных корпораций // Международное право. 2020. № 4. С. 49.

⁵ *Cirlig R. E.* Business and human rights: from soft law to hard law? // Tribuna Juridică. 2016. Vol. 6. № 12. P. 233.

⁶ Business & Human Rights Resource Centre. URL: <https://www.business-humanrights.org/en/> (дата обращения: 30.10.2023).

⁷ Research handbook on human rights and business. P. 27.

⁸ *Люттов А. А.* Корпоративная социальная ответственность и американские ТНК // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8(488). С. 119.

⁹ United Nations Global Compact. URL: <https://unglobalcompact.org/> (дата обращения: 30.10.2023).

мягкой правовой инициативой в области устойчивого бизнеса, однако в последнее время все чаще вызывает сомнения его влияние на корпоративное поведение¹.

Глобальный договор ООН был создан для содействия формированию более устойчивой и инклюзивной мировой экономики. Для этого преследуются цели включения Договора в стратегию и операционную деятельность бизнеса и развития сотрудничества между заинтересованными сторонами для совместного решения проблем посредством таких механизмов, как лидерский подход, диалог, обучение и распространение информации².

Георг Келл, бывший исполнительный директор Глобального договора ООН, отметил, что «хотя Договор является прагматичным ответом на ряд проблем, с которыми сталкиваются государства, но он никогда не сможет заменить собой политическую волю и действия государства»³. Считается, что даже если все принципы Договора будут безукоризненно соблюдаться всеми компаниями, под ним подписавшимися, это не приведет к благоприятному развитию событий в свете изменения климата, уничтожения экосистем, пищевого, водного и энергетического кризисов, если ТНК продолжают оперировать в парадигме «*business as usual*»⁴. В то же время нельзя отрицать, что именно Глобальный договор оказал важное символическое воздействие на концепцию связи бизнеса и прав человека. Он показал, что ООН признает важность деятельности ТНК для прав человека не только в сфере трудовых отношений и готова взаимодействовать с бизнесом в отношении его экологического и социального воздействия⁵.

Десять принципов Глобального договора основаны на Всеобщей декларации прав человека, Декларации Международной организации труда об основополагающих принципах и правах в сфере труда, Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию и Конвенции ООН против коррупции и включают в себя положения, призывающие бизнес поддерживать и уважать защиту провозглашенных на международном уровне прав человека, а также не быть причастным к нарушению прав человека. Не оставлена в стороне и охрана окружающей среды, которой посвящены целых три принципа, закрепляющих подход к решению экологических вопросов на основе принципа предосторожности, призывающие к повышению ответственности за состояние окружающей среды и содействию в развитии и распространении экологически безопасных технологий.

Считается, что Глобальный договор ООН стал ключевой инициативой в историческом развитии обсуждения бизнеса и прав человека⁶. Однако его историческая роль изменилась со временем. Если в годы его создания он был символом начала трансформации глобальной экономики, то с годами он приобрел противоположное значение и стал стратегическим инструментом для борьбы с усилиями по установлению обязательных механизмов подотчетности для транснациональных корпораций⁷.

Все громче звучит мнение о том, что Глобальный договор ООН стал для компаний удобным инструментом для показа своей приверженности тем или иным целям, в нем закрепленным, но финансовая отчетность продолжает показывать, что все их заявления о соблюдении закрепленных принципов остаются только словами⁸.

Руководящие принципы ОЭСР и Глобальный договор ООН – две стороны одной медали. Несмотря на все свои различия, они представляют собой самые яркие примеры господствующего подхода государств к связи бизнеса и прав человека в меж-

¹ Voegtlin C., Pless N. M. Global Governance: CSR and the Role of the UN Global Compact 1 // The Routledge Companion to Corporate Social Responsibility. Routledge, 2021. P. 150.

² Kell G. The Global Compact: Origins, Operations, Progress, Challenges 1 // Business, Capitalism and Corporate Citizenship. Routledge, 2017. P. 192.

³ Ibid. P. 202.

⁴ Rasche A., Waddock S., McIntosh M. The United Nations global compact: Retrospect and prospect // Business & Society. 2013. Vol. 52. № 1. P. 26.

⁵ Wettstein F. CSR and the debate on business and human rights: Bridging the great divide // Business Ethics Quarterly. 2012. Vol. 22. № 4. P. 747.

⁶ Research handbook on human rights and business. P. 28.

⁷ Ibid.

⁸ Reflecting on the UN Global Compact: what went wrong? URL: <https://blogs.lse.ac.uk/businessreview/2022/07/26/reflecting-on-the-un-global-compact-what-went-wrong/> (дата обращения: 30.10.2023).

дународном праве – подхода, который основан на необязательных нормах, широких формулировках и отсутствии полномочного надзора.

4. Нормы и Руководящие принципы: дальнейшие шаги ООН в области бизнеса и прав человека

Важным фактором развития связи бизнеса и прав человека является деятельность **Подкомиссии по поощрению и защите прав человека ООН**, которую можно было назвать «аналитическим центром» при Комиссии по правам человека ООН. Главная задача Подкомиссии – помощь Комиссии в работе, связанной с предотвращением дискриминации при осуществлении прав человека и защитой расовых, национальных, религиозных и языковых меньшинств¹. В 1998 г. она начала разработку **Норм, касающихся ответственности транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека** (далее – Нормы)². Эти Нормы предполагались в качестве основы для дальнейшего принятия юридически обязательного рамочного договора в области ответственности ТНК за нарушения в области прав человека, в противоположность подходу Глобального договора ООН³.

В преамбуле к Нормам можно найти множество формулировок, отражающих позицию составителей: ТНК обязаны уважать права человека и несут ответственность в области прав человека из-за своей природы, которая способствует возникновению не только преимуществ, но и рисков негативного воздействия на множество сфер, в том числе права человека.

Нельзя сказать, что Нормы накладывали бы на ТНК широкие и обременительные обязательства: согласно п. 1 от них требовалось лишь поощрять, гарантировать осуществление, уважать, обеспечивать соблюдение и защиту прав человека в рамках своих сфер деятельности и влияния. *Главную ответственность*, очевидно, несли государства. Пункты 15–16 предусматривали создание механизма надзора за соблюдением выполнения ТНК Норм, что выгодно отличает их от документов, направленных на добровольное соблюдение.

Хоть Нормы и были одобрены Подкомиссией, в дальнейшем эта деятельность ни к чему не привела.

Нормы ООН отличает от Глобального договора ООН то, что Договор по своему духу можно считать инициативой в сфере корпоративной социальной ответственности, имеющей более широкую сферу действия и необязательной для исполнения. В то же время Нормы разрабатывались с заделом именно на регулирование посредством *юридически обязательного международного акта*. Таким образом, уже на примере этих двух инициатив можно увидеть, каким образом развивалось регулирование ответственности бизнеса за нарушение прав человека, а именно *конкуренцию обязательных и необязательных подходов*⁴.

В 2005 г. произошло событие, которое сильно повлияло на дальнейшее развитие связи бизнеса и прав человека: был создан пост **Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях**⁵. На него был назначен Джон Рагги, известный юрист-международник⁶. Его мандат включал в себя задачи по определению и уточнению стандартов корпоративной ответственности и подотчетности бизнеса в отношении

¹ Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights. URL: <https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/sc/sub-commission> (дата обращения: 30.10.2023).

² Нормы, касающиеся ответственности транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901925098> (дата обращения: 30.10.2023).

³ В частности, в резолюции E/CN.4/SUB.2/RES/1998/8, которой была создана рабочая группа по разработке Норм, отмечалось, что Рабочая группа по праву на развитие рекомендовала принятие новых международных актов и создание эффективных учреждений, а также возобновление многосторонних переговоров по Кодексу поведения ТНК.

⁴ Research handbook on human rights and business. P. 29.

⁵ UN Commission on Human Rights, Human Rights Resolution 2005/69: Human Rights and Transnational Corporations and Other Business Enterprises, 20 April 2005, E/CN.4/RES/2005/69.

⁶ Джон Рагги (1944–2021) являлся одним из 25 самых влиятельных ученых-международников в США и Канаде согласно опросу журнала «Foreign Policy», в 1997–2001 гг. был помощником Генерального секретаря ООН по стратегическому планированию, а также возглавлял совет некоммерческой организации «Shift».

прав человека, по разработке материалов и методологии для проведения оценки воздействия на права человека деятельности бизнеса и др. Основным итогом деятельности Специального представителя заключался в разработке руководящих принципов, определяющих основные обязательства в отношении прав человека не только государств, но и бизнеса (**Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН**, далее – Принципы)¹.

Как отмечается в комментарии к ст. 2 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в международном праве идея нарушения какого-либо обязательства нередко рассматривалась в качестве эквивалента поведения, противоречащего правам других субъектов, а некоторые рассматривали взаимосвязь между обязательствами и правами в качестве общей характерной черты международного права. Невозможно говорить о существовании международных обязательств субъекта международного права в отрыве от международных прав, которыми обладают другие субъекты или международное сообщество в целом².

Конечно, мы не можем напрямую обращаться к обычным нормам, составляющим право международной ответственности государств для целей определения ответственности ТНК, но на данный момент Статьи об ответственности государств являются лучшим инструментом, репрезентативно показывающим механизмы ответственности, действующие в международном праве.

Ответственность за соблюдение прав человека представляет собой независимую ответственность компаний, которая, хотя и не разделяется с государственным регулированием, тем не менее независима от обязательств государства в соответствии с международным правом прав человека. Несмотря на то что она независима, ответственность корпораций за соблюдение прав человека не изолирована от обязательства государства обеспечивать соблюдение прав человека.

В комментарии к Принципу 1 указано, что государства как таковые не несут ответственности за нарушения прав человека частными субъектами. Вместе с тем государства могут нарушать свои обязательства по международному праву прав человека в случае, когда нарушение может быть им присвоено³ или когда они не принимают надлежащих мер для предупреждения и расследования нарушений, совершаемых частными субъектами, наказания за них и возмещения ущерба. Кроме того, важнейшим вопросом в институте ответственности является квалификация деяния как международно-противоправного. Согласно ст. 3 Статей об ответственности государств для такой квалификации используется международное право и на нее не влияет квалификация этого деяния как правомерного по национальному праву. Нельзя обойти стороной этот вопрос в связи с тем, что представляется вероятным возникновение такой ситуации, при которой ТНК, под давлением развивающегося законодательства в сфере, например, углеродного регулирования, будут искать возможности снизить регуляторную нагрузку, перенося производства в страны с менее строгим регулированием, нанося вред правам человека уже там, как это повсеместно происходило в прошлом.

Государства обеспечивают соблюдение прав человека в сфере бизнеса через «необходимые меры, направленные на предупреждение и расследование нарушений, наказание за них и компенсацию ущерба посредством эффективной политики, законодательства, нормативного регулирования и судопроизводства»⁴.

В Принципах выделено две части, касающиеся корпоративной ответственности за соблюдение прав человека: Базовые принципы (принципы с 11 по 15) и Принципы деятельности (принципы с 16 по 26). Вместе в них систематически утверждается опре-

¹ Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций в отношении «защиты, соблюдения и средств правовой защиты».

² Комментарии КМП ООН к Проекту статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния // A/56/10. 2001. С. 60–61. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

³ Согласно Комментарию к Статьям общее правило состоит в том, что государству поведение других субъектов присваивается лишь в случае, если они действуют по указанию, под руководством или под контролем агентов государства (Там же. С. 70).

⁴ Принцип 1.

деление корпоративной ответственности за соблюдение прав человека: обязанность предприятий по соблюдению прав человека касается всех предприятий независимо от их размера, сектора, условий деятельности, форм собственности и структуры. «Соблюдение» трактуется в рамках первых Базовых принципов, в Принципе 11, как «избегание нарушения прав человека других и устранение неблагоприятных последствий для прав человека оказанного ими воздействия». «Правами человека» названы «международно признанные права человека», включая предусмотренные «как минимум... Международным биллем о правах человека и принципы, касающиеся фундаментальных прав, изложенные в Декларации Международной организации труда о фундаментальных принципах и правах в сфере труда».

Другими словами, бизнес должен уважать *все права человека*. На данный момент отмечается, что Принципы нельзя назвать абсолютно эффективным международным инструментом, закрепляющим стандарты поведения транснациональных корпораций¹.

После ухода Джона Рагги с поста Специального представителя Генерального секретаря его мандат был заменен Рабочей группой ООН по бизнесу и правам человека, которой было поручено поддерживать и продвигать процесс распространения и внедрения Руководящих принципов². В дальнейшем начали свою работу организации, специализирующиеся на вопросах бизнеса и прав человека, как с классическими функциями исследовательских центров (например, Институт прав человека и бизнеса³), так и более практические консалтинговые компании, помогающие внедрять Руководящие принципы (например, «Shift»⁴).

Новые инициативы по созданию юридически обязательного документа не заставили себя долго ждать, правительства Эквадора и Южной Африки успешно начали новые попытки переговоров о создании юридически обязательного документа по бизнесу и правам человека на уровне ООН⁵. Была создана межправительственная рабочая группа с открытым составом, переговоры по договору начались в 2015 г.⁶ По состоянию на 2023 г. было проведено девять сессий переговоров, в ходе которых был подготовлен проект договора, который, впрочем, не находит универсальной поддержки. Как следует из заявлений сторон переговорного процесса, государства стремятся подчеркнуть роль национального законодательства в вопросе бизнеса и прав человека, НКО же выражают свое недовольство «расплывчатым» языком предлагаемых норм и сомнение в том, что они являются адекватным ответом на существующие вызовы в сфере прав человека и смежных проблемных областях⁷.

5. Ключевые кейсы: Нигерия, ЮАР, США и ЕС

Связь бизнеса и прав человека пересекается с другой проблемой – деградацией окружающей среды. Большое значение для обеих данных проблем играет история народа Огони из Нигерии и их борьба с загрязнением дельты реки Нигер в результате деятельности компании «**Royal Dutch/Shell**» по добыче нефти.

История корпорации «Shell» в Нигерии началась в 1936 г., с основанием компании «Shell D'Arcy», первой компании группы «Royal Dutch/Shell» в Нигерии. Спустя 20 лет,

¹ Синявский А. А. Международная защита прав человека и деятельность транснациональных корпораций // Московский журнал международного права. 2020. № 1. С. 58.

² UN Human Rights Council, Resolution adopted by the Human Rights Council on 15 June 2011 – Human rights and transnational corporations and other business enterprises, 16 June 2011, A/HRC/17/L.17/Rev.1.

³ Institute for Human Rights and Business. URL: <https://www.ihrb.org/> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Shift. URL: <https://shiftproject.org/> (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ На 37-м заседании 26 июня 2014 г. представители Эквадора и Южной Африки внесли на рассмотрение проект резолюции A/HRC/26/L.22/Rev.1, авторами которого являлись Эквадор и Южная Африка, а соавторами – Боливия (многонациональное государство), Венесуэла (Боливарианская Республика) и Куба. Впоследствии к числу авторов присоединились Алжир, Никарагуа, Сальвадор и Сенегал. См.: Доклад Совета по правам человека о работе его двадцать шестой сессии, пункт 178, A/HRC/26/2, 20 августа 2019 г.

⁶ UN Human Rights Council, Resolution adopted by the Human Rights Council on 14 July 2014 – Elaboration of an international legally binding instrument on transnational corporations and other business enterprises with respect to human rights, 26 July 2014, A/HRC/RES/26/9.

⁷ Compilation of general statements from States and non-State stakeholders made during the ninth session of the open-ended intergovernmental working group on transnational corporations and other business enterprises with respect to human rights. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/igwg-transcorp/session9/igwg-9th-compilation-general-statements.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

в 1956 г., данная компания впервые обнаружила нефть в общине Олойбери, и в 1958 г. первая нигерийская нефть была отправлена на экспорт¹.

Важным вопросом для Огони и других меньшинств Нигерийской дельты стало распределение нефтяного богатства. Огони, подобно другим сообществам, никогда не получали непосредственно долю от нефтяных доходов. Средства всегда направлялись в федеральный бюджет, правительство обязано было распределить их между регионами страны. Однако большая часть этих средств была растрочена до того, как они могли бы попасть в сообщества. Проекты по развитию были неустойчивыми и реального улучшения не достигли.

Несмотря на потенциал нефтяной индустрии, приносящей государствам такие возможности, как широкая индустриализация и существенные доходы от экспорта нефти и нефтепродуктов, представители Огони утверждали, что их качество жизни не улучшилось по сравнению с другими частями страны².

Воздействие нефтяной промышленности оказало прямое влияние на жизнь народа Огони, принесла с собой как экологические, так и социальные последствия. Сообщества столкнулись с негативными эффектами сейсмических исследований, строительства инфраструктуры и добычи нефти, такими как утечки, разливы нефти и выбросы газа³.

Все это вызвало возмущение мировой общественности, и борьба народа Огони с корпорацией «Shell» и правительством Нигерии, продолжавшаяся несколько десятилетий, в 90-х гг. XX в. оказалась в центре внимания всего мира.

Помимо нигерийской диктатуры, главной целью международных активистов стала «Shell», которую активно призывали вмешаться. Представители «Shell» утверждали, что призвали правительство уважать право на справедливый суд и гуманно обращаться с лицами, находящимися в заключении, однако это не возымело должного эффекта и 10 ноября 1995 г. Кен Саро-Вива и восемь других активистов (теперь известных как «Девять Огони») были повешены нигерийскими властями.

В 1996 г. в Африканскую комиссию по правам человека и народов было подано заявление о нарушении правительством Нигерии ст. 2, 4, 14, 16, 18(1), 21 и 24 Африканской хартии прав человека и народов⁴. Заявители, НКО «Center for Economic and Social Rights» и «Social and Economic Rights Action Center», утверждали, что правительство Нигерии ответственно за деградацию окружающей среды и проблемы со здоровьем у народа Огони, убийства активистов, уничтожение имущества местного населения и другие нарушения прав человека в результате деятельности консорциума с корпорацией «Shell». Комиссия отметила, что государство обязано обеспечить защиту прав человека от посягательства со стороны других субъектов посредством принятия необходимого законодательства и предоставления эффективных средств правовой защиты. Свободная реализация прав и свобод человека зависит от создания соответствующей атмосферы посредством «эффективного взаимодействия норм и законов»⁵. Данная концепция, отмеченная в решении Комиссии, позволяет логично предположить, что ТНК обязаны действовать в подобных рамках.

Казнь Кена Саро-Вивы не прошла незамеченной: считается, что именно это событие положило начало возникновению концепции связи бизнеса и прав человека. Несмотря на то что Саро-Вива возглавил протесты против деятельности «Shell» еще в 70-х гг. XX в., общее понимание происхождения связи бизнеса и прав человека таково, что она получила глобальное значение только тогда, когда достигла международного масштаба уже в 90-х гг. Именно с момента смерти Саро-Вивы и последующих

¹ The history of Shell in Nigeria. URL: <https://www.shell.com.ng/about-us/shell-nigeria-history.html> (дата обращения: 30.10.2023).

² Boele R., Fabig H., Wheeler D. Shell, Nigeria and the Ogoni. A study in unsustainable development: I. The story of Shell, Nigeria and the Ogoni people – environment, economy, relationships: conflict and prospects for resolution 1 // Sustainable development. 2001. Vol. 9. № 2. P. 77.

³ Синявский А. А. Международная защита прав человека и деятельность транснациональных корпораций. С. 63.

⁴ The Social and Economic Rights Action Center and the Center for Economic and Social Rights v. Nigeria, African Commission on Human and Peoples' Rights, Comm. No. 155/96 (2001). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/africa/comcases/155-96.html> (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ The Social and Economic Rights Action Center and the Center for Economic and Social Rights v. Nigeria, African Commission on Human and Peoples' Rights, Comm. No. 155/96 (2001). § 46.

протестов можно отследить развитие международной дискуссии о связи бизнеса и прав человека¹.

Другим примером ситуации, повлиявшей на возникновение дискуссии о связи бизнеса и прав человека, можно назвать деятельность корпораций в Южной Африке во время режима апартеида, которая побудила Леона Салливана создать коалицию бизнеса вокруг того, что теперь известно как «**Принципы Салливана**». Они представляют собой ряд норм, требующих от компаний проявлять гражданское неповиновение, активно демонтировать режим апартеида и в конечном итоге уйти из Южной Африки. Принципы были направлены на полное уничтожение расовой дискриминации на рабочем месте как таковой, и не только: провозглашалась равная оплата труда, справедливые практики найма, прекращение сегрегации в местах отдыха, приема пищи и т. д., а также такие позитивные меры, направленные на выравнивание статуса уязвимых групп, как улучшение условий проживания, отдыха, обучения и др. По сути, проблема, с которой пытался бороться Салливан, была проблемой связи бизнеса и прав человека: компании содействовали нарушениям прав человека правительством, просто соблюдая его законы и политику².

Обращаясь к другим уровням правового регулирования, можно отметить Европейский союз как одного из основных субъектов в деле совершенствования связи бизнеса и прав человека, особенно путем непрерывного расширения режима обязательного законодательства вокруг этой темы. В сфере должной осмотрительности в ЕС существует обширное действующее и перспективное законодательство, а кроме того, есть директива о нефинансовой отчетности, которая обязует компании с более чем 500 сотрудниками предоставлять отчет о том, как они управляют социальными и экологическими проблемами в рамках ЕС. Такие компании обязаны включать нефинансовые отчеты в свои годовые отчеты, а также докладывать о принимаемой политике и действиях по реализации уважения прав человека³.

Нельзя не отметить тот факт, что влияние на проблему связи бизнеса и прав человека оказала прогрессивная деятельность судей в США, например, в рамках дел против таких компаний, как «**Chiquita**» или «**Unocal**»⁴. Подобные пилотные дела привлекли дополнительное внимание к проблеме связи бизнеса и прав человека в середине и конце 1990-х и начале 2000-х гг. и создали основу для подачи исков против корпораций, нарушающих права человека в своей деятельности за пределами страны инкорпорации⁵.

С 1997 по 2004 г. корпорация «Chiquita Brands International, Inc.» (Chiquita) предоставляла финансирование военизированной террористической группировке «Auto-defensas Unidas de Colombia» (AUC), члены которой нападали, пытали и убивали колумбийских банановых фермеров. В 2007 г. «Chiquita» признала данный факт и согласилась выплатить штраф в размере 25 млн долл. по итогам уголовного разбирательства в Окружном суде округа Колумбия, что, в свою очередь, открыло дорогу для гражданских исков пострадавших от действий террористов⁶.

В деле *Doe v. Unocal* было активно применено международное право: так, 9-й окружной апелляционный суд США в своем решении от 18 сентября 2002 г.⁷ отметил, что запреты работорговли, убийств и пыток являются нормами *jus cogens* и за их нарушение наступает индивидуальная ответственность, которая не зависит от действий и от-

¹ Research handbook on human rights and business. P. 23.

² Patten D. M. The market reaction to social responsibility disclosures: The case of the Sullivan principles signings // Accounting, Organizations and Society. 1990. Vol. 15. № 6. P. 577.

³ Directive 2014/95/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2014 amending Directive 2013/34/EU as regards disclosure of non-financial and diversity information by certain large undertakings and groups Text with EEA relevance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014L0095> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Holzmeyer C. Human rights in an era of neoliberal globalization: The Alien Tort Claims Act and grassroots mobilization in *Doe v. Unocal* // Law & Society Review. 2009. Vol. 43. № 2. P. 272.

⁵ Натапов С. Л. Ответственность транснациональных корпораций за нарушение международного права прав человека // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 180.

⁶ Jane Doe 8 v. Chiquita Brands International, Inc., No. 17-11993, Does 1-254 v. Chiquita Brands International, Inc., et al., No. 19-13926 и др.

⁷ John Doe I v. Unocal Corporation, Nos. 00-56603, 00-57197 (9th Circuit, 2002). URL: <https://earthrights.org/wp-content/uploads/legal/Unocal-Decision-0056603.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

ветственности государств. Для наступления таковой ответственности необязательно прямое участие в совершении действий, нарушающих права человека, как отметил суд, для этого достаточно «пособничества и содействия»¹, которые способны оказать значительное влияние на действия субъектов, непосредственно совершающих нарушения прав человека (в данном деле – принудительный труд, убийства, пытки и изнасилования).

Доказательств, представленных истцами, оказалось достаточно для того, чтобы подтвердить, что корпорация «Unocal» имела косвенное отношение к этим актам. Очевиден тот факт, что данные акты произошли потому, что корпорация наняла вооруженные силы правительства Мьянмы для оказания услуг по охране и строительству сопутствующей инфраструктуры, в процессе чего и использовался принудительный труд. Для аргументации своей позиции суд активно обращался к практике международных судов: Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде. Так, для доказывания стандарта «пособничества и содействия» были использованы такие дела, как *Prosecutor v. Furundzija*, *Prosecutor v. Tadic* и *Prosecutor v. Musema*.

В других регионах также можно найти дела, оказавшие влияние на развитие связи бизнеса и прав человека. Ярким примером можно назвать дело *Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell plc.*² Заявители утверждали, что корпорация «Shell» не проявляла должной осмотрительности в отношении своих действий по сокращению выбросов парниковых газов.

В своем решении Окружной суд Гааги отметил, что заявители не могут напрямую обращаться к таким инструментам защиты прав человека, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. или Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., так как обязательства по ним несут государства, что не помешало суду «принять во внимание» права человека при рассмотрении данного дела, опираясь на то, что права человека представляют «фундаментальный интерес и ценность для общества и могут играть определенную роль в отношениях между заявителями и Shell»³. Суд занял достаточно однозначную позицию в данном деле: исследовав в том числе такие инструменты мягкого права, как Глобальный договор ООН, суд пришел к выводу, что компании должны занимать проактивную позицию касательно прав человека, в отношении которых они несут индивидуальную ответственность, отличную от ответственности государств⁴.

Было отмечено, что на частные компании может быть возложена обязанность по принятию радикальных мер и совершению «финансовых жертв» ради ограничения выбросов парниковых газов для предотвращения опасного изменения климата в связи с серьезными угрозами и рисками для прав человека⁵.

Окружной суд Гааги скрупулезно подошел к данному делу, изучив научную базу изменения климата и его международно-правовое регулирование, на основании чего было вынесено решение о том, что «Shell» обязана сократить выбросы парниковых газов к 2030 г. на 45 % по сравнению с уровнями 2019 г., что можно назвать прогрессивным развитием судебной практики в отношении ответственности ТНК за изменение климата, которое влечет за собой угрозу правам человека по всему миру.

С процессуальной точки зрения такие дела, как «Chiquita» и «Unocal», интересны тем, что они являются ярким примером проблем определения подсудности и применимого права, с которыми сталкиваются жертвы нарушений прав человека со стороны ТНК.

В то время как жертвы заинтересованы в том, чтобы привлечь ТНК к ответственности в месте ее инкорпорации (головные офисы, как правило, находятся в странах, в которых область ответственности ТНК за нарушения прав человека урегулирована подробнее, чем в тех, где они предпочитают вести свою деятельность: в данном деле это США и Колумбия), интересы ТНК же противоположны. Например, в рамках дела

¹ Aiding and abetting – англ.

² *Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell plc.*, The Hague District Court, Judgment of 26 May 2021. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:RBDHA:2021:5339> (дата обращения: 30.10.2023).

³ *Ibid.* 4.4.9.

⁴ *Ibid.* 4.4.13–4.4.14.

⁵ *Ibid.* 4.4.53.

Jane Doe 8 v. Chiquita Brands International, Inc., No. 17-11993 судьи 11-го окружного апелляционного суда решили, что должно применяться колумбийское право: «Согласно законодательству Нью-Джерси сам по себе факт инкорпорации стороны в штате не наделяет Нью-Джерси существенным интересом в данном вопросе. Единственная связь между требованиями истцов и штатом Нью-Джерси заключается в том, что именно там зарегистрирована компания Chiquita. Все претензии истцов основаны на колумбийском законодательстве; они возникли в результате преступных действий Chiquita в Колумбии; и претензии касаются только колумбийских граждан»¹. Это в свою очередь влечет за собой проблему, связанную со сроками исковой давности².

Данные проблемы показывают необходимость решения подобных процессуальных вопросов. Установление явных и однозначных правил в юридически обязательном международном акте пошло бы на пользу развитию практики установления ответственности ТНК за нарушения прав человека.

Дела *Doe v. Unocal* и *Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell plc* показывают нам, что развитие практики ответственности бизнеса за нарушения прав человека на национальном уровне невозможно без участия международного права и международных судебных учреждений. Использование инструментов международного права, в том числе мягкого, обращение к прецедентной практике и другие приемы необходимы для надлежащего разрешения таких категорий дел. Так или иначе, международный и национальный уровни правосудия взаимосвязаны и только при их полноценном взаимодействии возможно эффективно удовлетворять требования жертв нарушений прав человека.

Наука в области связи бизнеса и прав человека тоже не стоит на месте, она растет как по количественным направлениям (например, числу публикаций), так и по качественным – происходит ее институционализация как академического направления. С этой целью были созданы специализированные организации, занимающиеся данной проблематикой, и появился специальный журнал – «Business and Human Rights Journal»³. Также значимым шагом явилось создание первой глобальной ассоциации ученых, занимающихся связью бизнеса и прав человека⁴.

Взаимодействие судей, исследователей и законодателей – один из ключевых элементов, необходимых для решения проблем, возникающих в сфере бизнеса и прав человека. Без этого невозможен комплексный подход к решению деликатных вопросов, как показывает практика, самые успешные кейсы равноценно опираются на три данные части.

6. Заключение

Связь бизнеса и прав человека – сложная и актуальная проблема, поиски путей решения которой занимают ученых уже несколько десятилетий. Начиная с 70-х гг. XX в. ООН и другие международные организации предприняли несколько попыток найти выход из ситуации, но многие из инициатив, которые реально могли повлиять на положение дел, так и остались в проектах, например Кодекс поведения для транснациональных корпораций. Но это не остановило других: постоянно сталкиваясь со множеством проблем, включая сопротивление корпораций, государств и даже под страхом смерти, активисты по всему миру и ученые-правоведы стремятся улучшить положение, призвав бизнес к ответу за действия, наносящие ущерб правам человека.

Основной лейтмотив этой деятельности – борьба обязательных и необязательных подходов. Раз за разом попытки создания юридически обязательного международ-

¹ *Jane Doe 8 v. Chiquita Brands International, Inc., No. 17-11993* (11th Circuit, 2022). P. 21. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca11/17-11993/17-11993-2022-09-08.html> (дата обращения: 30.10.2023).

² По колумбийскому законодательству сроки исковой давности – 10 лет для индивидуальных исков и 2 года – для групповых, которые уже вышли в данном деле. Сроки исковой давности по законодательству штата Нью-Джерси еще не вышли, поэтому выбор этого права был бы однозначно более благоприятен для истцов.

³ *Business and Human Rights Journal*. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/business-and-human-rights-journal> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ *Global Business and Human Rights Scholars Association*. URL: <https://bhrsolarsassociation.org/> (дата обращения: 30.10.2023).

ного договора встречают ожесточенное сопротивление, что выливается в невозможность принятия акта такого рода вот уже на протяжении 40 лет.

В XXI в. фокус сместился на принятие мер, участие в которых имеет добровольный характер. Успешные инициативы, имеющие необязательный характер (например, Глобальный договор ООН), показывают, что в этой сфере есть место для компромисса и успешного сотрудничества международного сообщества и транснациональных корпораций. Бытует мнение, что создание юридически обязательного международного договора в данной сфере постоянно сталкивается с проблемами идеологического характера, однако идеология меняется со временем, и если к концу XX в. преобладающая идея свободного рынка не позволяла отдельным государствам пойти на обязательное регулирование на международном уровне ответственности ТНК за нарушения прав человека, к настоящему времени становится понятно, что настало время для более решительных действий.

Ответственность за проблемы, с которыми сталкивается как отдельный человек, так и мировая общественность в целом, несомненно, лежит в том числе на ТНК, постоянное обращение международных организаций, академического сообщества и активистов по всему миру к этой теме показывает, что принятие юридически обязательного международного акта не является невозможным.

Список литературы

Вельяминов Г. М. О понятии нормы международного права // Советский ежегодник международного права. 1971. М.: Наука, 1973. С. 130–140.

Карташкин В. А. Права человека. М.: Инфра-М, 2009. 288 с.

Люттов А. А. Корпоративная социальная ответственность и американские ТНК // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8(488). С. 117–126.

Натапов С. Л. Ответственность транснациональных корпораций за нарушение международного права прав человека // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 180–184.

Синявский А. А. Национальные контактные центры ОЭСР как эффективное средство защиты прав человека от деятельности транснациональных корпораций // Международное право. 2020. № 4. С. 42–59.

Синявский А. А. Международная защита прав человека и деятельность транснациональных корпораций // Московский журнал международного права. 2020. № 1. С. 54–65.

Blanpain R. The OECD Guidelines for Multinational Enterprises – The Badger Case // Journal of the Royal Society of Arts. 1978. Vol. 126. № 5262. P. 326–334.

Boele R., Fabig H., Wheeler D. Shell, Nigeria and the Ogoni. A study in unsustainable development: I. The story of Shell, Nigeria and the Ogoni people – environment, economy, relationships: conflict and prospects for resolution 1 // Sustainable development. 2001. Vol. 9. № 2. P. 74–86.

Cirlig R. E. Business and human rights: from soft law to hard law? // Tribuna Juridică. 2016. Vol. 6. № 12. P. 228–246.

Condorelli L. Custom // International law: achievements and prospects / ed. by Mohammed Bedjaoui. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. 1276 p.

Research handbook on human rights and business / ed. by S. Deva, D. Birchall. Edward Elgar Publishing, 2020. 576 p.

Hamdani K., Ruffing L. United Nations Centre on Transnational Corporations: Corporate conduct and the public interest. L.: Routledge, 2015. 318 p.

Holzmeyer C. Human rights in an era of neoliberal globalization: The Alien Tort Claims Act and grassroots mobilization in Doe v. Unocal // Law & Society Review. 2009. Vol. 43. № 2. P. 271–304.

Kell G. The Global Compact: Origins, Operations, Progress, Challenges 1 // Business, Capitalism and Corporate Citizenship. Routledge, 2017. С. 191–209.

Latorre A. F. L. In defence of direct obligations for businesses under international human rights law // Business and Human Rights Journal. 2020. Vol. 5. № 1. P. 56–83.

Palombo D. Business and human rights: The obligations of the European home states. Oxford, 2020. 280 p.

Patten D. M. The market reaction to social responsibility disclosures: The case of the Sullivan principles signings // Accounting, Organizations and Society. 1990. Vol. 15. № 6. P. 575–587.

Rasche A., Waddock S., McIntosh M. The United Nations global compact: Retrospect and prospect // Business & Society. 2013. Vol. 52. № 1. P. 6–30.

Voegtlin C., Pless N. M. Global Governance: CSR and the Role of the UN Global Compact 1 // The Routledge Companion to Corporate Social Responsibility. Routledge, 2021. С. 150–167.

Weissbrodt D. Roles and responsibilities of non-state actors. Oxford: Oxford University Press, 2013. 553 p.

Wettstein F. CSR and the debate on business and human rights: Bridging the great divide // *Business Ethics Quarterly*. 2012. Vol. 22. № 4. P. 739–770.

References

Blanpain R. (1978) The OECD Guidelines for Multinational Enterprises – The Badger Case. In *Journal of the Royal Society of Arts*, vol. 126, no. 5262, pp. 326–334.

Boele R., Fabig H., Wheeler D. (2001) Shell, Nigeria and the Ogoni. A study in unsustainable development: I. The story of Shell, Nigeria and the Ogoni people – environment, economy, relationships: conflict and prospects for resolution 1. In *Sustainable development*, vol. 9, no. 2, pp. 74–86.

Cirlig R. E. (2016) Business and human rights: from soft law to hard law? In *Tribuna Juridică*, vol. 6, no. 12, pp. 228–246.

Condorelli L. (1991) Custom. In Mohammed Bedjaoui (Ed.) *International law: achievements and prospects*. Dordrecht, Martinus Nijhoff Publishers, 1276 p.

Deva S., Birchall D. (Ed.) (2020) *Research handbook on human rights and business*. Edward Elgar Publishing, 576 p.

Hamdani K., Ruffing L. (2015) *United Nations Centre on Transnational Corporations: Corporate conduct and the public interest*. London, Routledge, 318 p.

Holzmeyer C. (2009) Human rights in an era of neoliberal globalization: The Alien Tort Claims Act and grassroots mobilization in *Doe v. Unocal*. In *Law & Society Review*, vol. 43, no. 2, pp. 271–304.

Kartashkin V. A. (2009) *Prava cheloveka* [Human rights]. Moscow, Infra-M, 288 p.

Kell G. (2017) The Global Compact: Origins, Operations, Progress, Challenges 1. In *Business, Capitalism and Corporate Citizenship*. Routledge, pp. 191–209.

Latorre A. F. L. (2020) In defence of direct obligations for businesses under international human rights law. In *Business and Human Rights Journal*, vol. 5, no. 1, pp. 53–80.

Lyutov A. A. (2010) Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' i amerikanskie TNK [Corporate social responsibility and US TNCs]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 8(488), pp. 117–126.

Natapov S. L. (2008) Otvetstvennost' transnatsional'nykh korporatsii za narushenie mezhdunarodnogo prava prav cheloveka [Responsibility of transnational corporations for violations of international human rights law]. In *Biznes v zakone*, no. 3, pp. 180–184.

Palombo D. (2020) *Business and human rights: The obligations of the European home states*. Oxford, 280 p.

Patten D. M. (1990) The market reaction to social responsibility disclosures: The case of the Sullivan principles signings. In *Accounting, Organizations and Society*, vol. 15, no. 6, pp. 575–587.

Rasche A., Waddock S., McIntosh M. (2013) The United Nations global compact: Retrospect and prospect. In *Business & Society*, vol. 52, no. 1, pp. 6–30.

Sinyavskii A. A. (2020) Natsional'nye kontaktnye tsenry OESR kak effektivnoe sredstvo zashchity prav cheloveka ot deyatelnosti transnatsional'nykh korporatsii [OECD national contact points as an effective means of protecting human rights from the activities of transnational corporations]. In *Mezhdunarodnoe pravo*, no. 4, pp. 42–59.

Sinyavskii A. A. (2020) Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka i deyatelnost' transnatsional'nykh korporatsii [International protection of human rights and the activities of transnational corporations]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 54–65.

Vel'yaminov G. M. (1973) O ponyatii normy mezhdunarodnogo prava [On the notion of a rule of international law]. In *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1971*. Moscow, Nauka, pp. 130–140.

Voegtlin C., Pless N. M. (2021) Global Governance: CSR and the Role of the UN Global Compact 1. In *The Routledge Companion to Corporate Social Responsibility*, Routledge, pp. 150–167.

Weissbrodt D. (2013) *Roles and responsibilities of non-state actors*. Oxford, Oxford University Press, 553 p.

Wettstein F. (2012) CSR and the debate on business and human rights: Bridging the great divide. In *Business Ethics Quarterly*, vol. 22, no. 4, pp. 739–770.

РОЛЬ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Жуков Николай Олегович

Инспектор отдела собственной безопасности Главного управления Федеральной службы судебных приставов по Свердловской области (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-0951-4791, e-mail: zhukovnikolaiologovich@gmail.com.

В статье рассматриваются причины возникновения и особенности деятельности подразделений собственной безопасности ФССП России, раскрываются поставленные перед ними задачи, возложенные права и обязанности. Уделяется внимание проблеме отсутствия у исследуемых подразделений полномочий по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Установлено противотечение неравнозначных друг другу правовых норм, регулирующих осуществление начальниками отделов собственной безопасности ФССП России полномочий начальника подразделения дознания, отраженных в ч. 4 ст. 40.2 УПК РФ. Автор на примере типичных преступлений, совершаемых должностными лицами ФССП России, демонстрирует инструменты по их выявлению и пресечению. Обозначена необходимость создания единого государственного органа собственной безопасности в качестве эффективного способа снижения уровня коррумпированности и исключения влияния на решения рассматриваемых подразделений контролируемых ведомств и органов.

Ключевые слова: собственная безопасность, ФССП России, коррупция, должностные преступления, органы принудительного исполнения, судебный пристав, оперативно-розыскная деятельность, преступления, дознание

Для цитирования: Жуков Н. О. Роль и актуальные вопросы подразделений собственной безопасности в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 1. С. 20–30. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_20.

ROLE AND CURRENT ISSUES OF OWN SECURITY DIVISIONS IN THE SYSTEM OF COMPULSORY ENFORCEMENT BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Zhukov Nikolay Olegovich

Inspector, Federal Bailiff Service for the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-0951-4791, e-mail: zhukovnikolaiologovich@gmail.com.

The article examines the causes and features of the activities of the internal security units of the FSSP of Russia, reveals the tasks assigned to them, the rights and obligations assigned. Attention is paid to the problem of the lack of authority of the investigated units to carry out operative-research activity. A countercurrent of unequal legal norms regulating the exercise by the heads of departments of their own security of the Federal Bailiff Service of Russia of the powers of the head of the investigation unit, reflected in P. 4 of Art. 40.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, has been established. The author demonstrates, using the example of typical crimes committed by officials of the Federal Bailiff Service of Russia, the tools for their detection and suppression. The necessity of creating a single state body of its own security is touched upon as an effective way to reduce the level of corruption

and exclude influence on the decisions of the units under consideration of controlled departments and bodies.

Key words: own security, Federal Bailiff Service of Russia, corruption, official crimes, enforcement agencies, bailiff, operative-research activity, crimes, inquiry

*For citation: Zhukov N. (2024) Role and current issues of own security divisions in the system of compulsory enforcement bodies of the Russian Federation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 20–30, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_20.*

В системе ФССП России, как и в иных правоохранительных органах, под собственной безопасностью может пониматься ее защищенность от угроз дестабилизирующего и разрушительного влияния путем формирования полезных средств противодействия коррупции и иным противоправным деяниям, содействие в инженерно-технической и антитеррористической защищенности объектов службы от преступных посягательств, поддержание исправности работы информационного потенциала, государственной защиты сотрудников органов принудительного исполнения, федеральных государственных гражданских служащих ФССП России и их близких, а также реализация результативных мер по недопущению наступления неблагоприятных последствий и устранению источников и факторов угроз¹.

В 2009 г. в Центральном аппарате ФССП России учреждено Управление противодействия коррупции, обеспечения работы с кадрами и вопросов безопасности², целью которого было выполнение вышеперечисленных задач. Однако в 2020 г. в связи с включением ФССП России в систему правоохранительных органов данное Управление претерпело трансформацию и стало известно как Управление собственной безопасности. Новое Управление осуществляет полномочия как напрямую, так и через свои подразделения, которые образованы в территориальных органах принудительного исполнения 89 субъектов РФ.

Основной антикоррупционный закон³ устанавливает базовые принципы, правовые и организационные основы регламентации данной деятельности, определяет меры по предотвращению коррупции и минимизации ее последствий во всех органах государственной власти РФ.

Создание специализированных структур, в частности подразделений собственной безопасности, может рассматриваться как дополнительный фактор, обусловленный указанной деятельностью государства. Принципы противодействия коррупции определяются исходя из актуальных требований и международных стандартов, включая предупреждение коррупционных правонарушений и их ликвидацию.

В подразделениях, специализирующихся на борьбе с коррупцией, осуществляется систематическая работа по выявлению фактов коррупции, анализу коррупционных схем и разработке мер по их пресечению. Такая деятельность направлена на предотвращение коррупции и устранение ее влияния на государственные структуры и процессы.

Важным аспектом эффективности работы подразделений, созданных для противодействия коррупции, является взаимодействие с другими органами государственной власти. Координация действий и информационный обмен между ними позволяют добиться максимального результата в борьбе с коррупцией.

Таким образом, создание специализированных подразделений, соблюдение принципов противодействия коррупции, установленных Федеральным законом № 273-ФЗ, и обеспечение эффективного взаимодействия с другими органами государственной власти важны для успешной борьбы с коррупцией и минимизации ее последствий.

¹ Приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1 (в ред. приказа МВД России от 28 февраля 2018 г. № 116) «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

² Приказ ФССП России от 1 июня 2010 г. № 253 (в ред. приказа ФССП России от 25 августа 2010 г. № 399) «Об утверждении Положения об Управлении противодействия коррупции, обеспечения работы с кадрами и вопросов безопасности».

³ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. Федерального закона от 10 июля 2023 г. № 286-ФЗ) «О противодействии коррупции».

С самого начала существования Управления организация его деятельности, задачи и полномочия непрерывно преобразовались и дополнялись, имея тенденцию к всестороннему охвату наиболее уязвимых направлений деятельности, подверженных влиянию коррупциогенных факторов, подталкивающих должностных лиц органов принудительного исполнения к совершению преступлений и иных правонарушений.

Характерная особенность Управления и его подразделений – осуществление контроля за соблюдением личным составом всех 14 профильных управлений и четырех отделов, включенных в организационную структуру Центрального аппарата ФССП России и образованных на их основе в территориальных органах, требований законодательства о службе в органах принудительного исполнения РФ и противодействия коррупции¹.

Как показывает практика, невозможно осуществлять контроль за вышеуказанными направлениями деятельности, не имея соответствующих специальных знаний из каждой области функционирования управлений и отделов ЦА ФССП России (дознание, финансово-экономическая деятельность, материально-техническое обеспечение и др.). Данная конъюнктура предъявляет повышенные требования к уровню образования, опыту работы, навыкам владения программными комплексами, эксплуатируемыми в органах принудительного исполнения, и другим профессиональным качествам сотрудников подразделений СБ ФССП России, что, несомненно, положительно отражается на продуктивности борьбы с преступностью внутри ФССП России.

Свидетельством достоверности указанных утверждений являются результаты работы, которые показывают, что из общего числа подразделениями СБ ФССП России в 2022 г. выявлено 56 % взяточников (21 из 37 сотрудников, всего 39 уголовных дел), а в 2021 г. – 41 % (13 из 32 сотрудников)².

Таблица. Количество должностных лиц ФССП России, привлеченных к уголовной ответственности в период с 2018 по 2022 г.³

Год	2018	2019	2020	2021	2022
Количество должностных лиц ФССП России, привлеченных к уголовной ответственности	245	247	201	191	178

Обозначенная в Таблице тенденция к снижению числа преступлений, совершаемых в ФССП России частично связана с профилактическими мероприятиями, активно проводимыми подразделениями СБ ФССП России совместно с иными правоохранительными органами.

Например, с 2008 г. во всех территориальных органах ФССП России функционирует «телефон доверия», посредством которого граждане имеют возможность оперативной передачи информации о фактах коррупции, совершаемых должностными лицами органов принудительного исполнения⁴.

Также в качестве профилактических мероприятий⁵ активно применяются меры материального поощрения граждан, оказавших содействие в выявлении и задержании взяточполучателей и взяточдателей⁶.

¹ Управление собственной безопасности // ФССП России: офиц. сайт. URL: <https://fssp.gov.ru/about/structure/central/usb> (дата обращения: 05.09.2023).

² Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 году // ФССП России: офиц. сайт. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777 (дата обращения: 05.09.2023).

³ Отчеты и доклады о деятельности ФССП России // ФССП России: офиц. сайт. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9 (дата обращения: 05.09.2023).

⁴ Приказ ФССП России от 25 ноября 2008 г. № 480 «Об организации работы телефона доверия в Федеральной службе судебных приставов и ее территориальных органах».

⁵ Письмо ФССП от 8 сентября 2020 г. № 00125/20/170033-ДА «Об установлении системы стимулирования сотрудников, государственных гражданских служащих органов принудительного исполнения РФ, уведомивших нанимателя о фактах склонения их к совершению коррупционных правонарушений».

⁶ Кабанов П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Russian Journal of Economics and Law. 2020. № 1. С. 92–104.

Согласно аналитическим данным ФССП России 30 % подтвержденных фактов склонения к совершению правонарушений коррупционной направленности сопряжены с арестом и реализацией имущества должника, а 15 % – с неправомерным окончанием или прекращением исполнительного производства¹.

В настоящее время основным нормативным правовым актом, регулирующим создание и деятельность Управления, является его Положение², а также разработанные на его основе типизированные положения его структурных подразделений, созданных в территориальных органах ФССП России.

В соответствии с данным Положением возложенные на подразделения СБ ФССП России задачи можно классифицировать на следующие четыре основные группы:

профилактика, предупреждение, выявление и пресечение преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности, как самостоятельно, так и во взаимодействии с иными правоохранительными органами, подготавливаемых, совершаемых или совершенных должностными лицами ФССП России, а также выявление и устранение условий, способствующих их совершению;

разработка и реализация мер по осуществлению контроля за соблюдением должностными лицами ФССП России запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, в частности положений Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», ст. 16–20.2 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ст. 13, 14 Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования по вопросам деятельности подразделений СБ ФССП России на основании мониторинга правоприменения в сфере противодействия коррупции;

организация в пределах своей компетенции мероприятий, направленных на обеспечение безопасности должностных лиц ФССП России.

В целях успешного выполнения вышеперечисленных задач подразделениям СБ ФССП России предоставлены широкие полномочия, включающие проведение служебных и антикоррупционных проверок³, проведение в соответствии с возложенными задачами анализа имеющихся сведений по данным направлениям, представление в Комиссию по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих центрального аппарата и работников, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед ФССП России, и урегулированию конфликта интересов, а также в Центральную аттестационную комиссию федерального органа принудительного исполнения информации и материалов, необходимых для работы этих комиссий и др.⁴

С 2013 г. в связи с изменениями в законодательстве⁵ полномочия подразделений СБ ФССП России дополнились (по сравнению с 2009 г.) функциями по осуществлению мероприятий по контролю за соответствием расходов должностных лиц данного

¹ Письмо ФССП России от 27 апреля 2012 г. № 12/12-10190-АП «Об активизации работы по выявлению взяточдателей».

² Приказ ФССП России от 21 сентября 2021 г. № 515 «Об утверждении Положения об Управлении собственной безопасности».

³ Указ Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению».

⁴ Приказ ФССП России от 27 июля 2021 г. № 382 «Об утверждении положения о Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих органов принудительного исполнения Российской Федерации и работников, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в федеральном государственном автономном учреждении „Санаторий ФССП России “Зеленая долина“», и урегулированию конфликта интересов».

⁵ Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

государственного органа полученным доходам, тогда как ранее проверялась только достоверность полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Впервые данным подразделениям были вверены полномочия, направленные на участие в мероприятиях по обеспечению антитеррористической защищенности объектов (территорий) федерального органа принудительного исполнения, организации и обеспечению в пределах компетенции мобилизационной подготовки и мобилизации.

Важно отметить, что в связи с «переходом» ФССП России с 1 января 2020 г. в разряд силового ведомства в УПК РФ были внесены поправки, которые включили органы принудительного исполнения в органы дознания (ст. 40 УПК РФ)¹. Указанные изменения существенно отразились на полномочиях подразделений СБ, которые получили право осуществлять деятельность, отнесенную к компетенции подразделений дознания (ст. 40 УПК РФ), в частности проводить проверку сообщений о должностных преступлениях, выполнять процессуальные действия, принимать по ним процессуальные решения в порядке, установленном ст. 144–145 УПК РФ.

Данные изменения отразились на полномочиях начальника Управления, одновременно являющегося заместителем директора ФССП России – заместителем главного судебного пристава Российской Федерации, и начальников подразделений СБ, которые дополнились правами, предоставленными начальнику подразделения дознания (ст. 40.2 УПК РФ).

Вместе с тем в исчерпывающем перечне должностных лиц, отраженном в ч. 4 ст. 40.2 УПК РФ, на которых возлагается осуществление полномочий начальника подразделения дознания в органах принудительного исполнения, начальники отделов СБ отсутствуют. Таким образом, реализация этих полномочий при существующем пробеле в законодательстве рождает проблему превышения должностных полномочий соответствующими начальниками и признания собранных доказательств совершения преступления (иного правонарушения) недопустимыми.

Отсутствие регулирования законом влечет за собой негативные правовые последствия, так как в этом случае нарушается принцип законности и правового государства, а также возникают проблемы с правовой защитой населения. Например, если не установлены законодательные нормы, регулирующие деятельность определенной сферы, то организации и государственные органы, работающие в этой сфере, могут нарушать права своих сотрудников и иных граждан.

Данная ситуация приводит к столкновению неравнозначных правовых норм, что требует безотлагательного разрешения и внесения соответствующих дополнений в указанную статью УПК РФ.

По исследованиям экспертов в области криминологии, до 98 % случаев взяточничества и около 88 % инцидентов вымогательства в современной России остаются незамеченными правоохранительными органами².

Сложившаяся практика свидетельствует, что внушительная часть результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) имеет первостепенную роль в уголовном судопроизводстве, поскольку при условии их законного получения они приобретают статус основополагающих судебных доказательств. Проблемным фактором является то, что невозможно при отсутствии ОРД выполнить в полном объеме задачи, поставленные перед отечественными и зарубежными подразделениями СБ силовых ведомств, в частности по обнаружению и пресечению неочевидных и скрываемых преступлений, преступлений, совершенных группами лиц по предварительному сговору, доля которых в общей структуре преступности России ежегодно возрастает³. Например, преступления, совершенные в условиях неочевидности, составляют около 66,7 % от общего числа регистрируемых в России преступлений.

¹ Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (в ред. Федерального закона от 10 июля 2023 г. № 286-ФЗ) «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Рос. право. 1992. С. 45.

³ Вытовтов А. Е. Значение результатов оперативно-розыскной деятельности как средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 2. С. 317–321.

В 2022 г. подразделениями органов внутренних дел РФ выявлено 81,8 % от общего количества зарегистрированных преступлений экономической направленности и 74 % преступлений коррупционной направленности¹.

Практика показывает, что наиболее эффективным методом борьбы с коррупционными преступлениями выступает активное проведение оперативно-розыскных мероприятий, особенностями которых является использование соответствующими оперативными подразделениями гласных и негласных возможностей в целях реализации конкретных задач, определяемых вышеперечисленными функциями по противодействию коррупции².

Подразделения СБ ФССП России, в сравнении с аналогичными подразделениями ФСИН, МВД России и др., не включены в перечень органов, уполномоченных на осуществление ОРД³, что выступает серьезным недостатком, не позволяющим целиком и углубленно противодействовать коррупционным проявлениям, которые иногда маскируются под формально правомерную деятельность.

Ввиду отсутствия указанных полномочий подразделения СБ ФССП России осуществляют в основном информационно-аналитическое сотрудничество с различными государственными органами, как в сфере противодействия коррупции, так и при решении иных вопросов, затрагивающих сферы деятельности органов принудительного исполнения. Нормативно данное взаимодействие оформляется путем заключения каждым территориальным органом ФССП России соглашений профильной направленности, в которых определяется конкретный предмет регулирования отношений государственных органов, организация и порядок их сотрудничества, взаимные права и обязанности, порядок приостановления, изменения и расторжения соглашения, а также другие условия в зависимости от видовой принадлежности обмена информацией⁴.

Сущность данного сотрудничества заключается в использовании вышеуказанными оперативными подразделениями сведений, собранных в процессе осуществляемых подразделениями СБ ФССП России проверочных мероприятий, планомерного анализа и их последующего дополнительного исследования на предмет соответствия требованиям законодательства.

Для полноценного понимания специфики деятельности подразделений СБ ФССП России следует ознакомиться с часто встречающимися преступлениями, совершаемыми должностными лицами органов принудительного исполнения, исходя из анализа вынесенных приговоров.

1. Мошенничество (ст. 159 УК РФ), как правило, связано с хищением денежных средств, реже с хищением имущества:

присвоение денежных средств, полученных от должников по поддельным платежным документам либо вовсе без них, в счет оплаты задолженности по исполнительным производствам;

получение денежных средств от физических и представителей юридических лиц за совершение каких-либо действий (бездействия) в рамках исполнительных производств должностными лицами, не обладающими достаточными для этого полномочиями (использование чужой цифровой подписи, введение в заблуждение относительно своих полномочий и т. д.);

хищение с депозитных счетов подразделений территориальных органов ФССП России денежных средств при помощи подложных документов (в том числе внесение в платежные документы реквизитов третьих лиц и использование чужой цифровой подписи);

хищение хранящихся на банковских счетах невостребованных денежных средств умерших граждан при помощи поддельных исполнительных документов;

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 05.09.2023).

² *Телепнев П. Ф.* Проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности по противодействию коррупции // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 18. С. 94–99.

³ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности».

⁴ *Светкина А. И.* Взаимодействие Федеральной службы судебных приставов с иными правоохранительными органами // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-4. С. 125–127. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-11-4-125-127.

присвоение должностными лицами имущества, изъятого у должников по исполнительным производствам при помощи поддельных документов об изъятии.

2. Присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) чаще всего совершаются по фальшивым платежным и иным исполнительным документам при взыскании с должников наличных денежных средств, распределении денежных средств ответственными должностными лицами за ведение депозитных счетов и присвоении арестованного имущества с последующей его реализацией и распоряжением вырученными средствами по своему усмотрению.

3. Неправомерные действия должностных лиц ФССП России, квалифицируемые правоохранительными органами как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), сводятся к следующим основным видам:

незаконное вынесение либо снятие ограничений в ходе исполнительного производства, в результате которого был нанесен ущерб одной из сторон;

незаконное изменение очередности взыскания в рамках сводного исполнительного производства, нарушающее права взыскателей на полное и своевременное взыскание;

незаконное массовое окончание и прекращение исполнительных производств путем оформления не соответствующих фактическим обстоятельствам процессуальных документов в целях завышения статистических показателей, как своей работы, так и результатов деятельности всего структурного подразделения;

незаконное составление в отношении каких-либо лиц и организаций протоколов об административных правонарушениях ввиду ложного восприятия служебной задачи о повышении результативности по выявлению и пресечению правонарушений, посягающих на основы конституционного строя;

совершение незаконных действий (бездействия), не носящих массового характера, в рамках исполнительных производств (незаконное изъятие имущества должников, смена реквизитов взыскателей для перечисления денежных средств третьим лицам и т. д.).

4. Деяния, квалифицируемые как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), совершались служащими при следующих обстоятельствах:

умышленная нерегистрация исполнительных и иных документов в целях сокрытия юридически значимой информации, своевременное получение которой имеет существенные гражданско-правовые и иные последствия;

необоснованное применение должностными лицами физической силы в отношении граждан¹;

произвольное окончание исполнительных производств (в том числе без соответствующих полномочий);

совершение иных незаконных действий в рамках исполнительных производств, не носящих массового характера (незаконное вынесение либо снятие ограничений в ходе исполнительного производства, передача имущества на реализацию по очевидно заниженной стоимости);

понууждение подчиненных должностных лиц к незаконным действиям в рамках исполнительных производств;

привлечение подчиненных должностных лиц к выполнению не определенных их должностными обязанностями функций;

незаконное истребование у сотрудников, находящихся в подчинении, начисленных им премиальных выплат для последующего использования в личных целях.

5. Взятки (ст. 290 УК РФ) должностные лица ФССП России, как правило, получают за отмену мер принудительного исполнения в виде наложения ареста на денежные средства должника, снятие ареста с имущества, прекращение исполнительных производств в отношении должника, незаконное окончание исполнительного производства с актом о невозможности взыскания денежных средств с должника, непринятие мер, связанных с приостановлением деятельности юридических лиц, незаконное снятие временного ограничения на выезд должника за пределы Российской Федерации.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 7) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

6. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) совершается как действующими сотрудниками ФССП России, так и бывшими, хорошо знакомыми с механизмами принудительного исполнения. Имеют место случаи посредничества со стороны должностных лиц ФССП России вне рамок их компетенции (посредничество в даче взяток за вынесение незаконных решений судами и т. д.).

7. Служебный подлог (ст. 292 УК РФ) совершается как рядовыми сотрудниками, так и руководством подразделения в целях преувеличения статистических и иных показателей деятельности, а также создания мнимого впечатления об эффективности работы путем внесения заведомо ложных сведений:

в акты совершения исполнительных действий (о дате, месте и времени совершения исполнительных действий, например выхода в адрес должника), описи и ареста имущества должников (сведения о лицах, участвующих в момент ареста, составе, месте нахождения и состоянии имущества, подлежащего аресту);

в табели учета рабочего времени;

в заявки на кассовые расходы при распределении денежных средств должностными лицами, ответственными за ведение депозитного счета;

в иные документы, не носящие массового характера (к примеру, протоколы об административных правонарушениях ввиду неисполнения законного распоряжения судебного пристава по ОУПДС).

8. Халатность (ст. 293 УК РФ) со стороны должностных лиц ФССП России обусловлена неисполнением возложенных на них должностных обязанностей, связанным с бездействием в рамках исполнительных производств, либо их не соответствующим требованиям законодательства исполнением:

невнесение либо несвоевременное внесение постановлений о запрете на совершение регистрационных действий в отношении имущества (например, транспортные средства, недвижимое имущество и др.), принадлежащего должникам на праве собственности, либо процессуальных документов о наложении ареста на денежные средства должников, что позволило должникам беспрепятственно совершить отчуждение имущества либо денежных средств, достаточных для своевременного, полного и правильного исполнения требований, содержащихся в исполнительных документах;

снятие ограничений и запретов, установленных ранее в рамках исполнительных производств (в том числе по поддельным исполнительным документам), что также привело к отчуждению имущества;

окончание исполнительного производства без фактического исполнения требований исполнительного документа;

незаконная передача ключа электронной подписи лицу, не уполномоченному на совершение исполнительских действий;

непринятие в рамках исполнительных производств мер обеспечительного и иного неимущественного характера, повлекшее за собой существенное нарушение прав и законных интересов взыскателей.

В качестве вероятных причин совершения данных преступлений можно назвать небрежное отношение должностных лиц к возложенным на них служебным обязанностям, обусловленное пониженным уровнем правовой грамотности, а также возможное наличие коррупционных факторов, подтвердить которые в ходе проведенных оперативно-розыскных мероприятий и иных следственных действий не представилось возможным.

9. Фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ) должностными лицами в подавляющем большинстве случаев имеет место при проведении дознания в рамках уголовных дел по статьям УК РФ, подследственным ФССП России, а также в рамках административного производства:

подделка протоколов допроса, протокола ознакомления с материалами уголовного дела (например, замена листов, фальсификация подписей участвующих лиц, изменение даты и времени и др.);

фальсификация доказательств виновности либо факта совершения противоправных действий (бездействия) по делам об административных правонарушениях, относящимся к компетенции ОУПДС;

фальсификация документов в рамках исполнительных производств по административным правонарушениям, связанным с невыплатами алиментов (протоколы об административном задержании, заявления, протоколы и иные документы о привлечении лица к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ и др.);

фальсификация доказательств (например, подмена листов материалов исполнительного производства, подделка подписей должников об уведомлении о совершении исполнительных действий и др.) в рамках рассмотрения административных исков в суде при обжаловании действий (бездействия) должностных лиц ФССП России.

Также имеют место менее распространенные способы, такие как составление фиктивного гражданско-правового договора (например, договор займа, выполнения услуг и др.) и заявления на выдачу судебного приказа (в том числе его дубликата) на основании вышеуказанных договоров с целью последующего хищения денежных средств должника.

10. Подделка документов (ст. 327 УК РФ) имеет отношение к преступлениям, совершаемым должностными лицами ФССП России, но в настоящее время приобрела массовый характер и может быть условно разделена на следующие виды:

предъявление поддельных документов (дипломов об образовании, больничных листов, военных билетов, справок из РПД и РНД и т. д.);

предъявление на принудительное исполнение поддельных исполнительных документов (исполнительных надписей нотариусов и нотариально удостоверенных медиативных соглашений (и их копий), исполнительных листов, судебных приказов, удостоверений, выданных комиссиями по трудовым спорам);

легализация доходов, полученных в результате нарушения законодательства, посредством обращения в суд при действительном отсутствии спора для получения исполнительных документов и вывода денежных средств за рубеж без соблюдения ограничений и правил, установленных Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», валютным, налоговым и таможенным законодательством¹.

Представленная классификация отчетливо демонстрирует необходимость широкого охвата подразделениями СБ ФССП России различных направлений деятельности органов принудительного исполнения, непрерывного контроля и повышения профессиональных знаний в каждой области регулируемых правоотношений².

Указанный перечень совершаемых преступлений не является исчерпывающим. Подразделениями СБ ФССП России на систематической основе осуществляется мониторинг совершенных должностными лицами органов принудительного исполнения преступлений и иных правонарушений, нарушений требований служебной дисциплины, законодательства о противодействии коррупции, незаконной легализации имущества и денежных средств, полученных преступным путем, и др. Результаты данных наблюдений находят свое отражение в созданной на основании методических рекомендаций Минтруда России «Карте коррупционных рисков ФССП России»³, выступающей инструментом, позволяющим выявить коррупционные возможности в деятельности органов принудительного исполнения, а также разработать меры по их устранению и минимизации.

Выявление вышеперечисленных преступлений (правонарушений, нарушений служебной дисциплины и др.) осуществляется следующими основными методами и инструментами, состоящими в арсенале подразделений СБ ФССП России:

1) мониторинг совершенных исполнительных действий и примененных мер принудительного исполнения посредством использования программного комплекса автоматизированной информационной системы ФССП России (далее – АИС ФССП России);

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 8 июля 2020 г. № 19.

² О результатах работы по профилактике и выявлению коррупционных и иных правонарушений в 2022 году // ФССП России: офиц. сайт. URL: https://fssp.gov.ru/deals/protivodejstvие_korruptcii/informacionnye_i_analiticheskie_materialy_po_protivodejstviju_korruptcii/2843867 (дата обращения: 05.09.2023).

³ Карта коррупционных рисков Федеральной службы судебных приставов, утв. ФССП России от 13 января 2022 г. № 12/226вн.

2) изучение материалов исполнительных производств на бумажных носителях информации (в архивах) и их соответствия процессуальным документам, содержащимся в АИС ФССП России;

3) проведение бесед и получение пояснений от граждан и должностных лиц при наличии их согласия при реализации полномочий в установленной сфере деятельности, необходимых для выполнения возложенных на отдел собственной безопасности (далее – ОСБ) ФССП России задач в пределах своей компетенции. Например, при анализе сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, предоставленных гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы в ФССП России; рассмотрении материалов о правонарушениях, совершенных личным составом территориальных органов ФССП России; в рамках служебных проверок и др.;

4) получение из государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» информации о соблюдении (несоблюдении) должностными лицами органов принудительного исполнения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

5) осуществление координации и контроля деятельности подразделений территориальных органов принудительного исполнения по вопросам, относящимся к компетенции ОСБ ФССП России;

6) направление в правоохранительные органы запросов в рамках проверок, предусмотренных Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 о проведении ОРМ (за исключением пп. 8–11 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»);

7) осуществление контроля в виде участия в проведении комплексных, тематических, целевых и контрольных проверок территориальных органов принудительного исполнения и их подразделений;

8) формирование, актуализация и мониторинг коррупционных рисков в деятельности органов принудительного исполнения, а также разработка мер по их устранению и минимизации.

Особое внимание следует уделить проблеме организации подчинения исследуемых подразделений в территориальных органах и Центральном аппарате ФССП России¹.

Согласно Положению об УСБ ФССП России его начальник подчиняется директору ФССП России, а также его заместителю в пределах предоставленных ему полномочий. В свою очередь начальники отделов СБ ФССП России, созданных в территориальных органах, подчиняются руководителям последних, т. е. главным судебным приставам субъектов РФ.

Указанная структура подчинения создает прямую зависимость соответствующих подразделений от лиц, законность действий и решений которых подлежит наиболее тщательному контролю ввиду наличия у них обширного круга полномочий и инструментов административного влияния. Наряду с этим довод о том, что надзор за деятельностью руководства данной правоохранительной структуры осуществляет Прокуратура РФ, подразделения ФСБ России и МВД России, несостоятелен ввиду отсутствия у сотрудников данных органов специальных знаний в специфике деятельности органов принудительного исполнения, вариативности преступлений и неограниченного, скрытого и, главное, законного доступа к электронным подсистемам и материалам, находящимся только в ведении ФССП России. Также следует отметить, что регулирование трудовых, финансовых и административных правоотношений (выплата денежного довольствия, премиальные выплаты, принимаемые меры социальной поддержки и др.) сотрудников указанных подразделений находится в ведении соответствующих руководителей территориальных органов.

Одним из способов решения данной проблемы, а также сокращения уровня коррумпированности иных ведомств является создание единого государственного органа собственной безопасности, функционирующего непосредственно и с постоянным

¹ Приказ ФССП России от 30 марта 2020 г. № 64 (в ред. приказа Минюста России от 9 августа 2023 г. № 210) «Об утверждении типового положения о территориальном органе Федеральной службы судебных приставов».

присутствием в соответствующих ведомствах. Реализация данной идеи заключается в объединении существующих подразделений СБ в централизованную систему с обособленной структурой финансирования и подчинения непосредственно руководству этого нового органа. Только в таком случае исключается возможность влияния на решения, принимаемые подразделениями СБ, руководителей контролируемых органов и обеспечивается информационное владение спецификой деятельности подконтрольных органов должностными лицами единого органа СБ.

В заключение важно подчеркнуть, что в настоящее время подразделения СБ ФССП России находятся на начальном этапе своего формирования ввиду позднего включения в состав правоохранительных органов. В качестве решения вышеописанных проблем в деятельности данных подразделений предлагается:

1) внести изменения в ч. 4 ст. 40.2 УПК РФ, в частности включить начальников подразделений СБ ФССП России в перечень должностных лиц, на которых возлагается осуществление полномочий начальника подразделения дознания в органах принудительного исполнения;

2) придать подразделениям СБ ФССП России статус оперативных подразделений с правом осуществления оперативно-розыскной деятельности путем внесения изменений в ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»;

3) изменить структуру подчинения подразделений СБ ФССП России в территориальных органах, в частности установить непосредственное и прямое их подчинение только Управлению собственной безопасности ФССП России.

Список литературы

Вытовтов А. Е. Значение результатов оперативно-розыскной деятельности как средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 2. С. 317–321.

Кабанов П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // *Russian Journal of Economics and Law*. 2020. № 1. С. 92–104. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.1.92-104.

Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Рос. право, 1992. 432 с.

Светкина А. И. Взаимодействие Федеральной службы судебных приставов с иными правоохранительными органами // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 11-4. С. 125–127. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-11-4-125-127.

Телепнев П. Ф. Проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности по противодействию коррупции // *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2014. № 18. С. 94–99.

References

Kabanov P. A. (2020) Material'noe stimulirovanie antikorrupsionnogo donositel'stva v Rossiiskoi Federatsii: voprosy pravovogo regulirovaniya [Financial stimulation of anti-corruption whistleblowing in the Russian Federation: issues of legal regulation]. In *Russian Journal of Economics and Law*, no. 1, pp. 92–104, DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.1.92-104.

Karpets I. I. (1992) *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [Crime: illusions and reality]. Moscow, Rossiiskoe pravo, 432 p.

Svetkina A. I. (2021) Vzaimodeistvie Federal'noi sluzhby sudebnykh pristavov s inymi pravookhranitel'nymi organami [Interaction of the Federal Bailiff Service with other law enforcement agencies]. In *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 11-4, pp. 125–127, DOI: 10.24412/2500-1000-2021-11-4-125-127.

Telepnev P. F. (2014) Problemy osushchestvleniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti po protivodeistviyu korruptsii [Problems of carrying out operational investigative activities to combat corruption]. In *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*, no. 18, pp. 94–99.

Vytovtov A. E. (2020) Znachenie rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti kak sredstv dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve [The significance of the results of operational investigative activities as means of evidence in criminal proceedings]. In *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, vol. 16, no. 2, pp. 317–321.

СУБЪЕКТЫ НАБЛЮДЕНИЯ НА ВЫБОРАХ: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Босова Елена Николаевна

Доцент кафедры финансового и административного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-4888-7424, e-mail: bosova_elena@mail.ru.

Наблюдение на выборах – неотъемлемая часть любой избирательной кампании, олицетворяющая принцип гласности и открытости организации и проведения выборов, – выступает одним из актуальных вопросов избирательного права. В избирательном законодательстве РФ закреплен достаточно широкий круг субъектов, наделенных функцией наблюдения, а по сути, контроля за осуществлением различных избирательных действий. Однако их статус различается по объему полномочий, срокам наблюдения. Цель статьи – на основе анализа избирательного законодательства и электоральной практики рассмотреть состав и полномочия субъектов, имеющих право осуществлять наблюдение на выборах, и внести предложения по совершенствованию избирательного законодательства РФ в данной сфере. Методологическую основу составили общенаучный диалектический метод познания социально-правовых явлений и вытекающие из него частнонаучные методы: формально-юридического анализа, наблюдения, историко-правовой, эмпирический, аналитический методы, позволившие использовать системный подход к изучению обозначенной проблемы. Рассмотрен состав субъектов, осуществляющих наблюдение на выборах по избирательному законодательству РФ. Выделено три категории субъектов наблюдения: 1) от государства; 2) от кандидатов, избирательных объединений (политических партий); 3) от общественности, в том числе международной (иностранной). Проведенное исследование позволило охарактеризовать субъектный состав уполномоченных осуществлять наблюдение на выборах, выявить пробелы и противоречия избирательного законодательства РФ в регулировании правового статуса данных лиц и внести предложения, способствующие совершенствованию норм избирательного законодательства. Анализ зарубежной практики позволил увидеть достоинства российского избирательного законодательства по изучаемому вопросу и в то же время показал возможные перспективные варианты расширения субъектного состава наблюдения, в том числе со стороны общественности.

Ключевые слова: выборы, избирательное законодательство, избирательное объединение, наблюдение, наблюдатель, кандидат, контроль, доверенное лицо, граждане

Для цитирования: Босова Е. Н. Субъекты наблюдения на выборах: вопросы совершенствования российского избирательного законодательства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 1. С. 31–39. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_31.

SUBJECTS OF ELECTION OBSERVATION: ISSUES OF IMPROVING RUSSIAN ELECTORAL LEGISLATION

Bosova Elena

Associate professor, Ufa University of Science and Technology (Ufa), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-4888-7424, e-mail: bosova_elena@mail.ru.

Election observation is an integral part of any election campaign, embodying the principle of transparency and openness of the organization and conduct of elections,

refers to one of the topical issues of suffrage. The election legislation of the Russian Federation enshrines a fairly wide range of entities endowed with a monitoring function. In fact, control over the implementation of various election actions. However, their status differs in terms of authority and terms of observation. The purpose of article is to consider on the basis of the analysis of the electoral legislation and electoral practice the composition and powers of the entities which is entitled to monitor the elections and make suggestions for improving the electoral legislation of the Russian Federation in this area. The methodological basis: the general scientific dialectic method of cognition of social and legal phenomena and the particular scientific methods arising from it: formal legal analysis, observation, historical and legal, empirical, analytical methods that allowed using a systematic approach to the study of the problem under consideration. The composition of the subjects that monitors the elections under the current election legislation of the Russian Federation is considered. Three categories of subjects of observation are distinguished: 1) from the state; 2) from candidates, electoral associations (political parties); 3) from the public, including international (foreign) public. The conducted research allowed us to characterize the subject composition of the commissioners to monitor the elections, identify gaps and contradictions in the election legislation of the Russian Federation in regulating the legal status of these individuals, and make suggestions that help improve the rules of the electoral law. An analysis of foreign practice allowed us to see the merits of the Russian electoral legislation on the issue under study and at the same time showed possible promising options for expanding the subject composition of the observation, including from the public.

Key words: elections, electoral legislation, electoral association, observation, observer, candidate, control, authorization, citizens

For citation: Bosova E. (2024) Subjects of election observation: issues of improving Russian electoral legislation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 31–39, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_31.

В избирательном праве применяются понятия «наблюдение на выборах» и «наблюдатель», которые необходимо воспринимать как целое и часть. Чтобы достоверность итогов голосования не подвергалась сомнению, каждый этап избирательной кампании должен быть гласным и открытым. Наблюдение на выборах осуществляется с целью контроля за соблюдением избирательных прав граждан на выборах всех видов и уровней, причем как со стороны государства, так и со стороны кандидатов, избирательных объединений, общественных организаций, СМИ и др. Перечень таких субъектов достаточно широк, их полномочия установлены в избирательном законодательстве РФ.

Необходимо отметить, что исследование правового статуса субъектов наблюдения на выборах проводились такими учеными, как С. А. Авакьян, Р. Т. Биктагиров, А. В. Иванченко, но их работы посвящены в целом анализу статуса наблюдателя на выборах в Российской Федерации, комплексного изучения субъектов наблюдения на выборах не проводилось¹.

В электоральной практике термины «наблюдение на выборах» и «наблюдение за выборами» используются как тождественные, однако второй термин трактовать можно достаточно широко, поскольку наблюдать за выборами может неограниченное количество лиц, организаций и даже государств, интересующихся политическим процессом и пр. Наблюдение на выборах представляется четко организованной процедурой с определением субъектов, контролирующих процесс организации и проведения выборов в той мере и в те сроки, которые установлены законом. Среди них: избирательная комиссия, члены избирательной комиссии, наблюдатель, иностранные (международные) наблюдатели, кандидат, избирательное объединение, доверенные

¹ См., например: Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.; Биктагиров Р. Т. Субъект избирательного права России: теоретико-правовое исследование: моногр. Казань: РИЦ «Школа», 2009. 320 с.; Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. для вузов / отв. ред. д. ю. н. А. В. Иванченко. М.: НОРМА, 1999. 856 с.

лица кандидатов (при досрочном голосовании. – Е. Б.), уполномоченный представитель по финансовым вопросам, уполномоченный представитель или доверенное лицо избирательного объединения (при досрочном голосовании. – Е. Б.), представители средств массовой информации.

При реализации права на наблюдение имеют значение сроки. Так, в п. 6.2 и п. 6.3 документа ОБСЕ «Руководство по наблюдению за выборами»¹ различают две категории: долгосрочные наблюдатели и краткосрочные наблюдатели. Долгосрочные наблюдатели работают в предвыборный период, в день голосования и непосредственно после выборов, в то время как краткосрочные присутствуют в основном в день голосования². Анализируя субъектный состав наблюдения, примем это во внимание.

1. Избирательная комиссия как субъект наблюдения на выборах

Избирательная комиссия стала одним из первых субъектов наблюдения. Она назначена осуществлять надзор за правильностью и законностью производимых выборов, выносить решения в спорных ситуациях. Это следует из электоральной практики США, в 1887 г. Конгресс издал постановление, согласно которому в каждом штате должна быть сформирована комиссия³.

Согласно подп. «а» п. 9 ст. 21 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67 (в ред. от 31 июля 2023 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (далее – ФЗ № 67) Центральная избирательная комиссия Российской Федерации наделена полномочиями по осуществлению контроля за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ. Ее контрольные полномочия охватывают не только период проведения избирательной кампании, но и межвыборный период.

Контрольной функцией в пределах своей компетенции обладают и другие избирательные комиссии: окружная избирательная комиссия (подп. «а» п. 8 ст. 25 ФЗ № 67); территориальная избирательная комиссия (подп. «а» п. 9 ст. 26 ФЗ № 67); участковая избирательная комиссия (подп. «д» п. 6 ст. 27 ФЗ № 67).

Хотя непосредственно в правовой норме не упоминается наблюдение, тем не менее оно ведется, предшествуя контрольным действиям. Например, вышестоящая избирательная комиссия может осуществлять наблюдение за голосованием на избирательном участке по системе видеонаблюдения и, соответственно, наблюдать за работой нижестоящей избирательной комиссии, а свои контрольные полномочия применить по необходимости, обеспечивая гарантии избирательных прав граждан. Таким образом, наличие контрольных полномочий избирательной комиссии не исключает права на наблюдение, поэтому вполне оправданно отнести это к долгосрочному наблюдению.

Контрольными полномочиями также наделены члены избирательной комиссии. По современному избирательному законодательству РФ в состав избирательной комиссии входят члены избирательной комиссии с правом решающего голоса, численность установлена в зависимости от вида избирательной комиссии. Также в избирательную комиссию кандидатом, избирательным объединением может быть назначен член избирательной комиссии с правом совещательного голоса. Хотя ученые и высказывались по поводу нецелесообразности данного института (например, Л. А. Нудненко предлагала возложить выполняемые ими задачи на институт доверенных лиц⁴), он сохраняется в избирательном законодательстве с учетом внесенных изменений. В ст. 2 Федерального закона от 14 марта 2022 г. № 60 (в ред. от 29 мая 2023 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено назначение данных членов комиссии при соответствующих выборах

¹ Руководство по наблюдению за выборами. 6-е изд. Варшава: БДИПЧ/ОБСЕ, 2010.

² Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. для вузов. С. 237.

³ Очерки по истории выборов и избирательного права: учеб. пособие / Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. Е. Кораблин, В. В. Луговой, В. В. Тылкин; под ред. Ю. А. Веденеева, Н. А. Богодаровой; Центр. избират. комис. Российской Федерации, Рос. центр обучения избират. технологиям при Центр. избират. комис. Российской Федерации; Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ». Калуга: Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ», 2002. С. 368.

⁴ Нудненко Л. А. Некоторые проблемы реализации принципа открытости и гласности выборов в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 11. С. 49.

в Центральную избирательную комиссию РФ и избирательную комиссию субъекта РФ¹. Ранее кандидат, избирательное объединение в случае успешного прохождения регистрации могли назначать и в каждую нижестоящую избирательную комиссию по одному члену избирательной комиссии с правом совещательного голоса. Зачастую на избирательном участке члены избирательной комиссии требовали прав, аналогичных правам наблюдателей, заваливая жалобами избирательные участки. Так, они настойчиво требовали права на фото- и видеосъемку, хотя возможность члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса производить фото- и видеосъемку в ФЗ № 67 не предусмотрена.

Права членов избирательной комиссии с правом решающего и с правом совещательного голоса совпадают только по ряду действий по подготовке и проведению выборов². Отличие полномочий в том, что, во-первых, для членов избирательной комиссии с правом совещательного голоса установлен прямой законодательный запрет на совершение ряда избирательных действий (п. 22 ст. 29 ФЗ № 67); во-вторых, срок полномочий напрямую зависит от действия кандидата, избирательного объединения, имеющих право назначить членов избирательной комиссии с правом совещательного голоса; также в любой момент они могут отозвать его или заменить на другого.

Член избирательной комиссии с правом совещательного голоса, участвуя в работе избирательных комиссий в допустимых для него пределах, осуществляет «долгосрочное наблюдение».

Кроме членов избирательных комиссий правом на присутствие на заседаниях избирательной комиссии и совершение других действий (следовательно, и на наблюдение за обозначенными в законе действиями комиссии) обладают работники аппарата избирательной комиссии. Данное право закреплено в ст. 30 ФЗ № 67, ст. 32 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», ст. 23 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации». Аналогично контрольным полномочиям членов избирательной комиссии это можно отнести к долгосрочному наблюдению.

2. Наблюдатель как основной субъект избирательного процесса, обладающий контрольной функцией

Задачей наблюдателя выступает наблюдение за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов, включая деятельность комиссии по проверке правильности установления итогов голосования и определения результатов выборов (ст. 30 ФЗ № 67). Таким образом, наблюдатель является основным субъектом избирательного процесса, обладающим исключительной контрольной функцией по наблюдению.

В Российской Федерации наблюдателя может назначить зарегистрированный кандидат, избирательное объединение, выдвинувшее зарегистрированного кандидата, зарегистрированных кандидатов, избирательное объединение, зарегистрировавшее список кандидатов, а также иные общественные объединения, субъекты общественного контроля. К последним относятся Общественная палата РФ и общественные палаты субъектов РФ.

Кроме наблюдателей-граждан РФ (внутренние) на выборах вправе присутствовать иностранные (международные) наблюдатели (внешние) – представители иностранной или международной организации, наделенные правом осуществлять наблюдение за подготовкой и проведением выборов (формулировки «внутренние» и «внешние» применяются исключительно для сокращения обозначения указанных лиц. – Е. Б.).

Полномочия внутренних наблюдателей являются краткосрочными. Полномочия внешних наблюдателей не ограничиваются только днем голосования, а распространяются на весь период подготовки и проведения выборов, т. е. носят характер долгосрочного наблюдения³.

¹ Согласно п. 20 ст. 29 ФЗ № 67 в нижестоящие комиссии члены комиссии с правом совещательного голоса теперь не назначаются.

² Согласно п. 23.1 ст. 29 ФЗ № 67 член комиссии с правом совещательного голоса обладает правами, предусмотренными подп. «а»–«г», «е» п. 23 ст. 29.

³ Биктагиров Р. Т. Указ. соч. С. 186.

3. Иные субъекты избирательного процесса, наделенные полномочиями по наблюдению

В ФЗ № 67 можно выделить и иных субъектов избирательного процесса, обладающих полномочиями по наблюдению, среди них: доверенные лица (назначаются кандидатом, избирательным объединением, выдвинувшим кандидата, список кандидатов). По закону доверенные лица осуществляют агитационную деятельность в пользу назначившего их кандидата, избирательного объединения, т. е. не имеют полномочий наблюдателя, однако они вправе присутствовать на заседаниях комиссии, при подсчете голосов избирателей и других избирательных действиях, по сути являясь полноправными субъектами наблюдения. В настоящее время полномочия доверенных лиц заканчиваются вместе с окончанием агитационного периода, за сутки до дня голосования, но в дни досрочного голосования они вправе присутствовать при избирательных действиях, указанных в ст. 30 ФЗ № 67.

Согласно ст. 30 ФЗ № 67 на заседаниях комиссии и при осуществлении ею ряда иных избирательных действий также вправе присутствовать уполномоченный представитель по финансовым вопросам, уполномоченный представитель или доверенное лицо избирательного объединения, кандидат, зарегистрированный данной либо вышестоящей комиссией, кандидат из зарегистрированного списка избирательного объединения, что также расширяет круг субъектов наблюдения. Это и представители средств массовой информации, поскольку они вправе находиться в помещении для голосования в день голосования, в дни досрочного голосования, а также производить фото- и видеосъемку. Представителям СМИ разрешено присутствовать на всех заседаниях избирательной комиссии, при подсчете голосов избирателей и работе с документами. Исключения составляют заседания избирательных комиссий, на которых подводятся итоги голосования.

Непосредственно кандидат, как и уполномоченный представитель или доверенное лицо избирательного объединения, уполномоченный представитель по финансовым вопросам, присутствуя на заседаниях избирательных комиссий в случае спора или несоответствия установленным нормам и правилам, вправе защищать свои интересы или интересы политической партии, которую он представляет. Поэтому их статус в избирательном процессе вполне сопоставим со статусом субъекта наблюдения на выборах, проводящего долгосрочное наблюдение.

Хотя в законах о выборах Российской Федерации нет прямого указания на тот факт, что любой гражданин, независимо от того, является он наблюдателем или нет, может контролировать процесс проведения выборов, все же избиратель и без специальных полномочий может осуществлять наблюдение. Это позволяет сделать Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212 (в ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об основах общественного контроля в РФ», в ст. 1 закрепляющий право граждан на осуществление общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. Гражданин, голосуя на избирательном участке и заметив нарушение, вправе сообщить об этом в правоохранительные органы, наблюдателям, в вышестоящую избирательную комиссию, кандидатам, избирательным объединениям, средствам массовой информации.

В ст. 19 Федерального закона от 26 ноября 1996 г. № 138 (в ред. от 31 июля 2023 г.) «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» установлено право избирателей направлять в избирательную комиссию общественного наблюдателя. Это право действует при проведении муниципальных выборов.

В период СССР имела место практика осуществления на выборах общественного наблюдения. Этим правом наделялись представители трудовых коллективов, общественных организаций, коллективов средних специальных и высших учебных заведений, собраний избирателей по месту жительства и военнослужащих по воинским частям¹.

4. Субъекты наблюдения за выборами в практике зарубежных стран

В зарубежной практике также можно видеть достаточно широкий круг субъектов, уполномоченных осуществлять наблюдение на выборах. Так, в ст. 40 Избирательно-

¹ Очерки по истории выборов и избирательного права: учеб. пособие. С. 623.

го кодекса Азербайджанской Республики от 27 мая 2003 г. № 461 (в ред. от 6 июля 2023 г.) закреплено право членов избирательной комиссии, кандидатов, зарегистрированных по соответствующим избирательным округам, и их полномочных представителей или их доверенных лиц, а также доверенных лиц политических партий, блоков политических партий осуществлять долгосрочное наблюдение.

Обращают на себя внимание правовые нормы Избирательного кодекса Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. № 370 (в ред. от 21 февраля 2023 г.). Согласно ст. 13 наблюдателями при проведении выборов признаются депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики, депутаты местных Советов депутатов, доверенные лица кандидатов в президенты Республики Беларусь, в депутаты, представители политических партий, других общественных объединений, трудовых коллективов, граждан, иностранные (международные) наблюдатели, а также представители средств массовой информации. Срок полномочий наблюдателя начинается со дня его аккредитации и заканчивается в день установления соответствующей комиссией результатов подсчета голосов, результатов или итогов выборов, т. е. это долгосрочное наблюдение. Кроме того, кандидат в президенты Республики Беларусь и политическая партия, выдвинувшая кандидата в депутаты Палаты представителей, могут назначить члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса в Центральную избирательную комиссию Республики Беларусь и окружные комиссии соответственно.

В США избиратели могут выступать наблюдателями от партий, которые они поддерживают. Назначенные политическими партиями, кандидатами или группами, участвующими в голосовании, эти лица являются сторонними гражданскими наблюдателями. Они упоминаются под разными именами, но чаще всего их называют наблюдателями или претендентами.

В некоторых штатах США предусмотрена иная форма контроля на выборах, а именно надзор. Так, надзор за соблюдением избирательного законодательства в штате Монтана отнесен к компетенции государственного должностного лица – Комиссара по вопросам политической деятельности (Commissioner of Political Practices), назначаемого губернатором на 6 лет по представлению объединенного парламентского комитета в составе четырех членов: председателей обеих палат парламента и лидеров оппозиции обеих палат парламента¹.

В практике зарубежных стран есть академический наблюдатель. Ученым разрешено проводить наблюдение в своей области, а организаторам выборов гарантировано наблюдательное присутствие, которое формирует общественное доверие к честности выборов. Научный мониторинг направлен на предоставление беспристрастных рекомендаций в духе добросовестного понимания демократических обязательств, которые должны соблюдаться организаторами выборов. В некоторых случаях ученые на местах немедленно сообщают о проблемах организаторам, чтобы обеспечить максимальный уровень честности выборов. Ученые могут проводить наблюдение на уровне округа, для этого им необходимо получить разрешение у организаторов выборов, а его получение часто зависит от хороших отношений между ученым и организаторами.

Интересно, что в избирательном законодательстве ряда стран вообще не предусмотрены наблюдатели. Так, в Германии и Польше отсутствует данный институт². Не предусмотрена возможность присутствия международных наблюдателей в Дании, а в Бельгии не допускается наблюдение от непартийных организаций. В некоторых штатах США установлен статутный закон, который прямо запрещает или интерпретируется как запрет международного наблюдателя: Алабама, Аляска, Аризона, Коннектикут, Флорида, Луизиана, Миссисипи, Огайо, Оклахома, Теннесси и Техас.

5. Недостатки и предложения по совершенствованию субъектного состава наблюдения

1. Остается неопределенность в том, в каких заседаниях комиссии субъекты наблюдения могут участвовать, а в каких нет. В 2019 г. имел место электоральный спор по не-

¹ Шидловский А. В. Правовой статус организаторов выборов в штате Монтана // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 3. С. 140. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.20>.

² Коновальчиков Я. А. О контроле, осуществляемом политическими партиями в избирательном процессе // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 76.

допуску к участию члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса в заседании рабочей группы по проверке подписей избирателей. Суд постановил, что проверка подписей избирателей осуществляется рабочей группой, сформированной из ограниченного числа членов, работников аппарата избирательной комиссии, привлеченных специалистов; член избирательной комиссии с правом совещательного голоса, не входящий в состав рабочей группы, не имеет права присутствовать при проведении проверки¹.

Возможно, данного обращения в суд могло и не быть, если бы субъекты наблюдения знали избирательное законодательство, особенно в части своих прав, тогда бы не выдвигали необоснованных требований, доводя их до разбирательств в суде. Как видится, в данной ситуации конфликт возник ввиду непонимания различия в заседании комиссии и заседании рабочей группы. Хотелось бы, чтобы субъекты, имеющие право направлять для наблюдения соответствующих лиц, заботились об их профессиональной подготовке, тогда многие спорные ситуации не возникли бы в принципе.

2. Согласно п. 4 ст. 43 ФЗ № 67 полномочия доверенных лиц прекращаются одновременно с прекращением агитационного периода. Пункт 1 ст. 49 ФЗ № 67 устанавливает срок прекращения агитационного периода: в ноль часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования. В п. 1 ст. 30 ФЗ № 67 устанавливается право присутствия на всех заседаниях комиссии и при совершении иных избирательных действий среди других субъектов наблюдения доверенного лица, которое, как следует из содержания статьи, может присутствовать при подсчете голосов избирателей, работе со списками избирателей, с бюллетенями, протоколами об итогах голосования и со сводными таблицами, т. е. при том, что происходит в день голосования. Здесь ЦИК России необходимо дать официальный комментарий, поясняющий, что доверенное лицо, чьи полномочия по ст. 43 истекают за сутки до дня голосования, может присутствовать при указанных действиях избирательной комиссии только в дни досрочного голосования.

3. Общественные палаты (советы) муниципальных образований при проведении выборов в органы местного самоуправления не обладают правом назначать наблюдателей в избирательные комиссии. Хотя вполне логично, что такое право могло бы быть установлено, поскольку Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» «специально фиксирует создание общественных советов при муниципальных органах власти. И надо отметить, что повсеместно есть общественные советы при главах городов и районов, в советы включаются активисты соответствующего уровня, и они неплохо работают»².

В связи с этим хорошо бы дополнить п. 4 ст. 30 ФЗ № 67 положением следующего содержания: «При проведении выборов в органы местного самоуправления наблюдателя также могут назначить субъекты общественного контроля, указанные в пункте 3 части 1 статьи 9 Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ „Об основах общественного контроля в Российской Федерации“».

4. В полномочиях наблюдателя, установленных в ст. 30 ФЗ № 67, пока не отражены особенности контроля как при проведении дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ) без использования бумажного бюллетеня, так и при подведении итогов таких выборов. В связи с этим «необходимо до выборов раскрыть общественности аппаратные средства и конфигурацию системы дистанционного электронного голосования, установить контроль за деятельностью системных администраторов»³.

В. А. Ржановский обращает внимание и на другие важные аспекты, необходимые для правового статуса наблюдателя при проведении ДЭГ, нуждающиеся в юридическом закреплении: «Требуется утвердить требования к доступу наблюдателей к ноде блокчейна, алгоритмы проверки неизменности транзакций и правильности подведения итогов, а также порядок применения СПО в ходе работы наблюдателя»⁴.

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 августа 2019 г. № 5-ап19-110. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. С. 177.

³ Худoley Д. М., Худoley К. М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 498. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-476-503.

⁴ Ржановский В. А. Дистанционное электронное голосование: исторический опыт России // Закон. 2023. № 2. С. 195. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-2-181-196.

Как видится, правовой статус наблюдателя необходимо расширить, учитывая особенности контроля при проведении ДЭГ. В настоящее время порядок обеспечения возможности наблюдения при организации, осуществлении ДЭГ и установлении его итогов с учетом особенностей такого голосования, а также порядок назначения наблюдателей согласно подп. 4 п. 13 ст. 64.1 ФЗ № 67 устанавливается ЦИК России.

Выводы

В современном избирательном законодательстве РФ закреплён достаточно широкий субъектный состав, наделенный функцией наблюдения, которая является основной для правового статуса субъекта наблюдения или же дополнительной. Можно выделить, по крайней мере, три категории субъектов наблюдения: 1) от государства; 2) от кандидатов, избирательных объединений (политических партий); 3) от общественности, в том числе международной (иностранной). Нужно понимать, что у каждой категории свой интерес. Например, избирательные комиссии не всегда объективно показывают недостатки своей работы, но могут контролировать соблюдение избирательного законодательства кандидатами и избирательными объединениями. Среди выделенных категорий специальным субъектом наблюдения стоит назвать наблюдателя.

В Российской Федерации созданы условия для реализации как внутреннего, так и внешнего наблюдения, со стороны иностранной или международной организации. Очевидно, что представители последних обладают более широкими полномочиями и возможностями по отношению к первым. Это и сроки наблюдения, и право публично излагать свое мнение о законодательстве Российской Федерации, о выборах и др. Однако нужно признать, что работа внешних наблюдателей дополняет деятельность внутренних и не может заменить ее.

Разграничение по срокам на краткосрочное и долгосрочное наблюдение позволяет субъектам наблюдения контролировать избирательные действия на всех стадиях избирательного процесса и в межвыборный период.

Анализ зарубежной практики позволил увидеть достоинства российского избирательного законодательства по изучаемому вопросу и в то же время показал возможные перспективные варианты расширения субъектного состава для наблюдения, в том числе со стороны общественности.

Необходимо подготавливать профессиональных наблюдателей, способных осуществлять качественное наблюдение, в том числе при применении электронных средств голосования. Определенную заинтересованность в подготовке профессионалов вполне могут проявить общественные палаты федерального, регионального, муниципального уровней. Отрадно, что такая работа уже ведется. Например, при подготовке к единому дню голосования 10 сентября 2023 г. в Республике Башкортостан Общественная палата РБ провела обучение наблюдателей¹. Важно, чтобы обучение было систематическим, а не разовым, а также хорошо было бы разработать свою образную систему «аккредитации» таких наблюдателей. Это, на наш взгляд, позволит усилить общественный контроль на выборах, одной из задач которого, несомненно, является повышение доверия избирателей и других участников избирательного процесса к итогам выборов.

Список литературы

Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.

Биктагиров Р. Т. Субъект избирательного права России: теоретико-правовое исследование: моногр. Казань: РИЦ «Школа», 2009. 320 с.

Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. для вузов / отв. ред. д. ю. н. А. В. Иванченко. М.: НОРМА, 1999. 856 с.

Коновальчиков Я. А. О контроле, осуществляемом политическими партиями в избирательном процессе // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 74–80.

Нудненко Л. А. Некоторые проблемы реализации принципа открытости и гласности выборов в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 11. С. 49–53.

¹ Обучение наблюдателей на выборах от общественной палаты. Размещено 18 июля 2023 года // Муниципальный район Илишевский район Республики Башкортостан: офиц. сайт. URL: <https://illesh.bashkortostan.ru/presscenter/news/555921/> (дата обращения 27.09.2023).

Очерки по истории выборов и избирательного права: учеб. пособие / Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. Е. Кораблин, В. В. Луговой, В. В. Тылкин; под ред. Ю. А. Веденеева, Н. А. Богодаровой; Центр. избират. комис. Российской Федерации, Рос. центр обучения избират. технологиям при Центр. избират. комис. Российской Федерации; Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ». Калуга: Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ», 2002. 692 с.

Ржановский В. А. Дистанционное электронное голосование: исторический опыт России // Закон. 2023. № 2. С. 181–196. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-2-181-196.

Худолей Д. М., Худолей К. М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 476–503. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-476-503.

Шидловский А. В. Правовой статус организаторов выборов в штате Монтана // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 3. С. 137–144. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.20>.

References

Avakyan S. A. (2022) *Predstavitel'stvo v konstitutsionnom prave: voprosy teorii i praktiki* [Representation in constitutional law: issues of theory and practice]. Moscow, Yustitsinform, 484 p.

Biktagirov R. T. (2009) *Sub'ekt izbiratel'nogo prava Rossii: teoretiko-pravovoe issledovanie: monografiya* [The subject of the electoral law of Russia: theoretical and legal research: monography]. Kazan, RITs «Shkola», 320 p.

Ivanchenko A. V. (Ed.) (1999) *Izбирatel'noe pravo i izбирatel'nyi protsess v Rossiiskoi Federatsii: uchebnik dlya vuzov* [Electoral law and the electoral process in the Russian Federation: Textbook for universities]. Moscow, NORMA, 856 p.

Khudoley D. M., Khudoley K. M. (2022) Elektronnoe golosovanie v Rossii i za rubezhom [Electronic voting in Russia and abroad]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 476–503, DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-476-503.

Konovalchikov Y. A. (2017) О контроле, осуществляемом политическими партиями в избирательном процессе [On control exercised by political parties in the electoral process]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 74–80.

Nudnenko L. A. (2015) Nekotorye problemy realizatsii printsipa otkrytosti i glasnosti vyborov v Rossiiskoi Federatsii [Some problems of the implementation of the principle of openness and transparency of elections in the Russian Federation]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 11, pp. 49–53.

Rzhanovsky V. A. (2003) Distantcionnoe elektronnoe golosovanie: istoricheskii opyt Rossii [Remote electronic voting: historical experience of Russia]. In *Zakon*, no. 2, pp. 181–196, DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-2-181-196.

Szydlowski A. V. (2019) Pravovoi status organizatorov vyborov v shtate Montana [The Legal status of election officials in State of Montana]. In *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, vol. 18, no. 3, pp. 137–144, DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.20>.

Vedeneev Yu. A., Zaitsev I. V., Korablin V. E., Lugovoi V. V., Tylkin V. V. (2002) *Oчерки по истории выборов и избирательного права: учебное пособие* [Essays on the history of elections and suffrage: Textbook], ed. by Yu. A. Vedeneev, N. A. Bogodarova. Kaluga, Kaluzhskii oblastnoi fond vozrozhdeniya istoriko-kul'turnykh i dukhovnykh traditsii «Simvol», 692 p.

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ДЕЛИКТНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Даниленков Алексей Владимирович

Юридический консультант ООО «Солантек» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук,
ORCID: 0009-0005-5435-9128, e-mail: danilenkov@yandex.ru.

В статье анализируются историко-правовой генезис и типология деликтного обязательства с точки зрения основополагающих морально-нравственных императивов и традиционных ценностей, влияющих на эволюцию российской правовой системы. Автор рассматривает актуальные проблемы охраны исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в контексте обеспечения государственного суверенитета и соблюдения международно-правовых принципов и норм, включая применение таких институтов, как реторсии и репрессалии.

Ключевые слова: генеральный деликт, сингулярный деликт, делинквент, реторсии, репрессалии

Для цитирования: Даниленков А. В. Охрана интеллектуальной собственности в рамках деликтного правоотношения: теория и практика // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 1. С. 40–53. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_40.

INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION WITHIN FRAMEWORK OF TORT UNDERTAKING: THEORY AND PRACTICE

Danilenkov Alexey

Legal counsel for Solanteq LLC (Saint-Petersburg), candidate of legal sciences,
ORCID: 0009-0005-5435-9128, e-mail: danilenkov@yandex.ru.

The article is focused on the genesis and typology of tort undertaking, juxtaposed with the fundamental imperatives of morality and ethics and traditional values, affecting the evolution of the Russian legal system. Author considers actual problems of IP rights protection within the broader context of ensuring the state sovereignty and complying with the international law principles and regulations including invoking such institutions as retorsions and reprisals.

Key words: general tort, singular tort, delinquent, retorsions and reprisals

For citation: Danilenkov A. (2024) Intellectual property protection within framework of tort undertaking: theory and practice. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 40–53, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_40.

Введение в тему

В определении ВС РФ от 21 декабря 2001 г. № 74-ВПР01-17 деликтное обязательство трактуется как «обязанность лица, причинившего вред личности или имуществу гражданина, возместить его в полном объеме и соответственно право потерпевшего лица требовать такое возмещение». Данная дефиниция несет на себе неизгладимый отпечаток родового определения обязательства согласно п. 1 ст. 307 ГК РФ, что, в свою очередь, не позволяет *prima facie* избежать иллюзии методологического смешения с иным охранительным правоотношением в связи с и по поводу возмещения убытков, в рамках которого реализуется универсальная мера гражданско-правовой ответственности. Однако из фокуса внимания не должна ускользать принципиальная разница между указанными обязательственными правоотношениями. Если размер

возмещаемых убытков может быть уменьшен в силу специального правила, установленного законом или договором (п. 1 ст. 15 ГК РФ), то предел возмещения деликтного вреда может быть лишь эскалирован посредством установления обязанности причинителя вреда выплатить потерпевшим дополнительную компенсацию (ч. 3 п. 1 ст. 1064, абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК РФ). Штрафной характер указанной компенсации – «наряду с возможными судебными расходами и репутационными издержками нарушителя – должен стимулировать к правомерному (договорному) использованию объектов интеллектуальной собственности и вместе с тем способствовать, как следует из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2017 года № 2256-О, восстановлению прав, а не обогащению правообладателя» (п. 3 постановления КС РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П).

В случае с убытками, которые, как правило, возникают в контуре взаимоотношений сторон гражданско-правовой сделки и не затрагивают публично-правовую сферу, законодатель вправе ставить во главу угла базовые принципы диспозитивности, автономии воли и свободы договора для целей урегулирования соответствующих отношений между заинтересованными лицами, в том числе с целью стимулирования участников гражданского оборота к проявлению разумной осмотрительности в выборе контрагента; к задействованию различных способов обеспечения исполнения обязательств и т. д. В ситуации же с возмещением внедоговорного вреда публичный интерес заставляет законодателя следовать более строгому методу правового регулирования, допуская привнесение элементов императивности, когда возможность артикулирования и защиты потерпевшим своих прав и законных интересов может быть ущемлена или существенно ограничена не только в силу объективных причин, но и ввиду длящегося посягательства на его имущественную или личную неимущественную сферу. Статус потерпевшего по определению затрудняет или делает невозможным его участие на равноправных с делинквентом началах в гражданско-правовых отношениях.

Именно поэтому юридический факт причинения вреда может и должен рассматриваться не как действие (бездействие) сугубо частного порядка, но как феномен на стыке отраслей частного и публичного права; как объект законодательной политики на конкретном историко-правовом этапе развития национальной правовой системы. Общественное отношение по поводу причинения внедоговорного вреда в гражданском праве может быть урегулировано с разной степенью публично-властного осуждения в форме негативных последствий для делинквента.

Собственно деликт целесообразно рассматривать в динамике механизма его юридического превращения: от момента возникновения до изменения и/или прекращения соответствующего правоотношения с учетом всех сопутствующих юридически значимых факторов и обстоятельств, например: смешанная форма вины делинквента и потерпевшего; состояние крайней необходимости или необходимой обороны; причины и условия формирования девиантной модели поведения или совершения случайного деликтного эксцесса.

Любая унификация (или, точнее, генерализация) деликтных составов, объективное вменение противоправности и вредоносности любого деяния, посягающего на имущественную или личную неимущественную сферу заинтересованного лица, игнорирует смешанный характер деликтной системы, характерной для российского гражданского права (см. ниже).

Известно, что в гражданском праве понятие «общественная опасность» последствий не используется для описания одного из существенных признаков объективной стороны противоправного деяния. Тем не менее определенная корреляция между деянием и степенью его вредоносности для частного и/или публичного интереса прослеживается при выборе применимой модели. В случае с принципом генерального деликта вредоносность соизмеряется с фактическим ущербом, причиненным имущественной и личной неимущественной сферам потерпевшего, тогда как сингулярный деликт отдает оценку вредоносности всецело на дискреционное усмотрение правоприменительного органа, разрешающего деликтный спор, который принимает во внимание различные заслуживающие внимания обстоятельства.

Для генерального деликта характерно возведение в ранг неопровержимой презумпции противоправности и вредоносности деликта, которые на уровне абстракт-

ного целеполагания законодательной политики нивелируют (или даже сводят до уровня вводно-описательной части итогового судебного акта по делу) казуальность конкретного кейса, в результате чего происходит полное и безусловное возложение бремени негативных последствий на делинквента. Модель сингулярного деликта более гибкая и адаптивная, по природе своей более соответствующая букве и духу гражданско-правового регулирования, допускающего вариативность средств и методов управляющего воздействия.

В зависимости от того, насколько принципы генерального и сингулярного деликтов коллизионно взаимодействуют (вспомним закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей) или уравнивают друг друга, обычно выделяют систему генерального деликта, систему сингулярного деликта и смешанную систему¹.

Генеральный деликт можно рассматривать в трех ипостасях, находящихся на разных уровнях осмысления юридического материала (в иерархическом порядке убывания фундаментальности).

1. Охранительное обязательство, возникающее из юридического факта внедоговорного причинения вреда, которое характеризуется такими признаками, как противоправность деяния; неопровержимая презумпция вины делинквента и возникновение оснований юридической ответственности в виде полного возмещения вреда независимо от особенностей фактического состава деликтного правоотношения (*доктринальный уровень*).

2. Универсальный принцип неотвратимости и соразмерности юридической ответственности за любое внедоговорное причинение вреда, который обеспечивается соблюдением установленных исключительно законом условий и порядка ее реализации (*уровень основ гражданского права*). В отличие от генерального деликта специальные (сингулярные) деликты и квазиделикты («*obligationes quasi ex delicto*») принципиально допускают усеченность составов правонарушений, что предполагает *ipso facto* манифестацию определенной степени свободы судьейского усмотрения для учета особенностей отдельных видов вредоносных правонарушений, в частности возможность возложения ответственности за действия третьих лиц (ст. 1068, 1073, 1075, 1076 ГК РФ); безвиновное причинение вреда делинквентом (например, ст. 1079 ГК РФ) и т. п.

Принцип генерального деликта усматривается в п. 1 ст. 1064 ГК РФ в системном единстве с положениями подп. 6 п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 307 ГК РФ. Важно отметить, что кристаллизация гражданско-правовых принципов происходит в русле глубинных процессов исторической эволюции сообразно (а в случае коренной ломки общественно-политической формации вопреки) идейно-ценностной парадигме правовой системы, содержащей наиболее устойчивые к эрозии скрепы коллективного правосознания и правовой культуры. Тем не менее мы не склонны рассматривать принцип генерального деликта как обусловленную историческим развитием отечественной правовой системы данность. Напротив, представляется, что сингулярность деликтного права в наилучшей степени отвечает запросу на справедливость, глубоко укорененному в российской правовой культуре.

Возникают вопросы в отношении принципа генерального деликта касательно его способности:

обуславливать фундаментальные характеристики подотрасли деликтного права в ее целостности, непротиворечивости и упорядоченности;

делимитировать и демаркировать положение деликтного права в системе координат межотраслевого взаимодействия по отношению к иным нормативно-правовым образованиям частного и публичного права.

Благоприятные условия для распространения смешанной концепции деликтного права в российской правовой системе во многом предопределены пандектной структурой акта кодифицированного гражданского законодательства, который содержит в своей общей части матрицу упорядоченности и системного единства нормативного материала. При этом действует коллизионный приоритет специальной нормы над

¹ Отметим, что некоторые авторы констатировали формирование в РФ смешанной системы: «Российское деликтное право (подобно германскому и швейцарскому) основано на принципе смешанного деликта». См.: Афанасьева Е. Г. Российское и зарубежное деликтное право: основные различия // Законодательство. 2003. № 6. С. 80.

общей («*lex specialis derogat generali*»), который смягчает или даже полностью нивелирует догматизированность и абсолютизм любой сверхнормы, включая принцип генерального деликта. Правовое регулирование нуждается в определенной степени приспособляемости к многообразию фактических составов и обстоятельств, что создает предпосылки для поиска правильного соотношения средств и методов воздействия в зависимости от объективной и субъективной специфичности категории дел. Это, в свою очередь, неизбежно приоткрывает клапан для проникновения идеи сингулярной деликтогенности внедоговорного правоотношения по поводу причинения вреда.

В дополнение к традиционной классификации можно выделить особый подтип системы деликтного права – смешанную систему с тенденцией возрастающего влияния элемента сингулярности. Именно он характерен для нынешнего этапа развития гражданского права, чему есть немало доказательств.

Так, в последнее время наблюдается рост роли и значения судейского усмотрения (например, в части возможности снижения размера возмещения вреда ниже нижнего предела согласно п. 3 ст. 1252 ГК РФ). Придание же юридически обязывающего характера актам казуального толкования (подп. 3 п. 4 ст. 170 АПК РФ, п. 4.1 ст. 198 ГПК РФ) позволяет масштабировать прицельное применение казуистического подхода в общий стандарт правоприменения по аналогии. Если же дополнить наш краткий обзор указанием на возрастание количества закрепленных гражданским законом сингулярных деликтов (ст. 1066–1079 ГК РФ), то вполне можно говорить о завершении формирования смешанной системы деликта в условиях российской правовой системы. Ключевым маркером данного тренда служит пересмотр концепции генерального деликта применительно к объектам ИС с постепенным дрейфом в сторону все большей сингуляризации деликтного права.

В настоящее время в Госдуме ФС РФ обсуждается проект федерального закона № 348960-8, которым в числе прочего предлагается инкорпорировать в ГК РФ новую статью 1252.1, целиком посвященную институту компенсации за нарушение исключительного права на объект ИС. Указанный законопроект предполагает инкорпорировать в ГК РФ норму, которая призвана обеспечить учет сингулярности конкретного кейса, т. е. реализацию правовой позиции, выраженной в п. 4.2 постановления КС РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П (см. также постановление КС РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П).

Генеральный деликт в рамках смешанной системы деликтного права не является застывшей субстанцией и обнаруживает в себе динамический потенциал. Уровень совершенства законодательной техники проявляется в том, чтобы, не искажая сущностно предмет, таким образом творчески адаптировать арсенал средств и методов регулирования, чтобы конечный результат отвечал актуальным потребностям гражданского оборота, выявленным в конкретный исторический период и на обозримую перспективу.

Общественно-политические и социально-экономические реалии и процессы могут кардинально «перепрошивать» оболочку устоявшихся правовых образований (институтов, подотраслей, массивов и т. д.), иногда проникая в их субстантивное ядро, что также необходимо учитывать. Подчас историко-правовая легитимация того или иного правового принципа посредством обращения к традиции «с незапамятных времен», к архаичным памятникам юридической мысли, не может устоять перед вызовами текущей политико-правовой конъюнктуры, а иногда вступает в конфликт с прикладными целями и задачами публичного правопорядка.

Методологически принцип генерального деликта находит прикладное выражение через совокупность правовых норм, опирающуюся на следующую элементную базу:

- 1) противоправность поведения и вина делинквента, вред, наличие причинно-следственной связи между деянием делинквента и причинением вреда (полный состав правонарушения в рамках конструкции генерального деликта);
- 2) общая презумпция противоправности действий (бездействия), повлекших за собой в порядке причинно-следственной связи причинение вреда;
- 3) полнота возмещения вреда его причинителем (или – в случаях, прямо установленных законом, – третьим лицом) с возможностью применения к делинквенту до-

полнительных неблагоприятных последствий с увеличением объема или размера возмещения вреда (п. 3 ст. 1085 ГК РФ);

4) бремя доказывания отсутствия вины в ситуации, когда данный элемент субъективной стороны деяния имеет юридически значимый характер (полный состав правонарушения), возлагается на делинквента (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

Возложение обязанности по возмещению вреда за безвиновное причинение вреда (усеченный состав правонарушения) допускается в силу прямого указания закона. К таким специальным видам деликтов относятся составы правонарушений, описываемые, в частности, диспозициями норм п. 3 ст. 401, ст. 1079 ГК РФ и т. д.

3. Правовой субинститут, т. е. совокупность взаимосвязанных правовых норм, регулирующих на основе принципа генерального деликта одновидовые общественные отношения, возникающие в связи с и по поводу причинения (потерпевшему) имущественного и/или неимущественного вреда (*уровень текущего гражданского законодательства и примыкающей к нему правоприменительной практики*). Субинституты генерального деликта, сингулярного деликта и квазиделиктов входят в сложный институт гражданского права – деликтное право, – который, в свою очередь, является составной частью подотрасли обязательственного права.

Правовой субинститут генерального деликта представляет собой регуляторную надстройку комплекса общественных отношений, связанных с причинением вреда и его последствиями, которая раскрывает свои конструктивные и функциональные характеристики в рамках механизма ответственности за деликтное поведение.

В отличие от сингулярных деликтов, генеральный деликт менее подвержен изменениям своих базовых настроек, поскольку, как правило, устанавливается законодательно с допущением минимальной свободы судебного усмотрения. В странах англосаксонской системы права превалирует сингулярный деликт, обладающий такими свойствами, как казуистичность правоприменительной практики, отрицание универсальности стандарта регулирования спорных общественных отношений, опора на силу судебного прецедента и т. д.

Встречаются также смешанные деликтные системы (ФРГ, Австрия, Швейцария).

Сингулярный деликт методологически противопоставлен (в случае смешанной деликтной системы – дополняет) генеральному деликту. Сингулярность в деликтном праве возникает в результате расщепления универсального состава деликта на разновидности казусы вредоносного поведения, анализируемые через «просветленную оптику» судебного усмотрения, которое и формирует силой прецедентного судебного акта (частного закона) стандарт рассмотрения и разрешения аналогичных дел. При этом допускается усечение состава правонарушения, т. е. занижение значимости или исключение отдельных элементов (например, вины делинквента). А поскольку прецедент в странах, унаследовавших континентальную систему, включая РФ, возможен только с приставкой «квази-» как средство восполнения «серых зон» позитивного правового регулирования, то роль генерального деликта останется значимой даже в случае конвергенции указанного института с сингулярным деликтом, хотя разумная экспансия судебного активизма могла бы сыграть свою положительную роль в плане усиления элемента сингулярности.

Тем не менее генеральный деликт правомерно рассматривать в качестве отправной точки исследования деликтного права, что предопределяет структурную логику изложения материала в настоящей статье.

I. Историко- и теоретико-правовые предпосылки формирования концепций деликтного права

1.1

В историко-правовой ретроспективе первоначальное обращение отечественного законодателя к институту генерального деликта связывается с нормой ст. 574 Свода гражданских законов Российской империи (вступила в силу 21 марта 1851 г.), которая гласила, что «как по общему закону никто не может быть лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки, с одной стороны, налагают обязанность доставлять, а с другой – производят право требовать вознаграждения».

Как отмечается в одном исследовании, «по общему правилу, именно потерпевший доказывал виновность причинителя вреда. Указывалось, что потерпевший должен доказать, что действие было вызвано умыслом или неосторожностью причинившего вред. Однако далее указывалось, что сам причинитель может устранить предположение своей виновности, основанное на доводах потерпевшего, доказательством, что вредное последствие наступило вследствие стечения таких обстоятельств, которых он не мог предотвратить (ст. 684 части 1 т. X Свода законов). В данных нормах происходит зарождение презумпции виновности причинителя, но пока что с обязанностью доказывания вины со стороны потерпевшего»¹.

Таким образом, вопреки утверждению о «классическом восприятии принципа генерального деликта», существовавшем на тот момент в континентальной Европе², принципиальное отличие российской концепции генерального деликта от Гражданского кодекса Наполеона заключалось в возложении бремени доказывания вины делинквента (во всяком случае, *prima facie*) на потерпевшего.

Презумпция вины делинквента в случаях, когда потерпевший в спорном правоотношении не занимает заведомо ущемленное материально-правовое положение (например, потребитель товаров, работ, услуг), нарушает баланс прав и законных интересов сторон с точки зрения таких принципов правосудия по гражданским делам, как состязательность и равноправие сторон (п. 1 ст. 12 ГПК РФ, ст. 809 АПК РФ). Этот дисбаланс может приводить к формированию гиперохранительного уклона в деятельности органов правосудия и, как следствие, к нарушению требования соразмерности возмещения вреда. Тем самым искажаются цели и задачи института гражданско-правовой ответственности, которые существенно изменились с момента действия абсолютной презумпции вины делинквента согласно ст. 403 ГК РСФСР 1922 г. Согласно позиции Минюста РФ повышение пороговых значений крупного и особо крупного ущерба для целей применения уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав продиктовано в том числе соображениями соблюдения баланса «интересов участников правоотношений, охраняемых указанными уголовно-правовыми нормами»³. Если даже для дел частного-публичного и публичного обвинения (ст. 20, 146 УК РФ) данный мотив признается юридически значимым, то в сфере гражданских правоотношений он должен быть превалирующим фактором, определяющим условия юридической ответственности.

1.2

Принятие Свода гражданских законов Российской империи предопределило отказ от механического заимствования западноевропейского догмата о безусловной противоправности всякого деликта. Субъективное право на защиту вещных или личных неимущественных прав не может и не должно препятствовать достижению разумного с точки зрения публичного правопорядка баланса прав и законных интересов делинквента и потерпевшего (частное лицо или публичное образование), что априори невозможно сделать без должной оценки всей совокупности фактических обстоятельств дела, личности и степени вины правонарушителя, его имущественного положения и т. д. Подлежащая применению санкция должна соотноситься и быть адекватной (но не эквивалентной, поскольку наказание выполняет не только восстановительно-компенсационную (защитную), но и превентивную и карательную (репрессивную) функции) неблагоприятным последствиям деликта с учетом всех заслуживающих внимания смягчающих и отягчающих обстоятельств дела. Ведь само по себе понятие «противоправность» прежде всего включает в себе направленность против публичного интереса, состоящего в обеспечении стабильности гражданского оборота и защиты неопределенного круга лиц, а уж затем – в восстановлении имущественной и личной неимущественной сферы потерпевшего. Именно поэтому вред, причиненный правомерными действиями, по общему правилу, не подлежит возмещению (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). Несмотря на то что институт генерального деликта входит

¹ Хужин А. М. О трансформации принципа генерального деликта: анализ законодательства и судебной практики // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 340.

² Там же.

³ Минюст РФ предлагает увеличить пороговые значения ущерба при нарушении авторских прав // Минюст России: офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49750/> (дата обращения: 24.09.2023).

на правах субинститута в систему частного права, общая превенция деликтного поведения должна рассматриваться как задача более высокого порядка по сравнению с превенцией частной, поскольку понятие вреда (в отличие от убытков) содержит в себе элемент публично-правового осуждения в гораздо большей степени, нежели любая иная категория гражданского права. Еще в артикуле 195 Воинского устава Петра Великого находим: «Наказание воровства обыкновенно умалывается, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет, или кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть». Как мы видим, даже в случае умышленного посягательства на чужую собственность столь непримиримый к подобного рода деяниям Петр Первый допускал проявление милосердия со смягчением или даже освобождением от наказания по нереабилитирующим основаниям. Оставим для сферы теологических дискуссий вопрос о том, не нарушается ли в данном случае восьмая заповедь «не укради»¹. Не стоит забывать радикально негативный характер церковной реформы Петра Первого, включая упразднение института Патриаршества, учреждение Священного правительствующего синода с должностью обер-прокурора в качестве «ока Государя и стряпчего по делам государственным», принятие Духовного регламента и другие меры, направленные на подчинение церкви светской власти². Предположительно император как православный государь исходил из принципа сугубой икономии, проявляя снисхождение к человеческой немощи и попуская общественно неопасный проступок с учетом смягчающих вину обстоятельств (сопутствующие тяготы воинской службы и т. п.).

Государственная мудрость имеет непреходящее значение, тем более если она естественным образом обогащена накопленным опытом правового регулирования и правоприменения в условиях разных социально-экономических укладов и политических систем, оказавших неизгладимое воздействие на архетипы правосознания применительно к институту охраны права собственности и иных вещных прав. Так, в сфере публичного права проекции историко-правового опыта можно проследить на примере институтов освобождения от наказания в случае малозначительности деяния (ст. 2.9 КоАП РФ, ч. 2 ст. 14 УК РФ). Представляется, что малозначительность деликта по негативным для потерпевшего последствиям также может обуславливать неприменимость принципа генерального деликта. Тем более необходимо учитывать, что государство, обладающее монополией на публично-властное принуждение, не может в полной мере ее реализовывать в частноправовой сфере с точки зрения морально-нравственных устоев и легитимности до полного и безусловного прерывания порочной линии «преемственности» в части негативных последствий длящегося конституционно-правового деликта (национализация церковного имущества и земель; разрушение и вандализм в отношении церквей и храмов, православных святынь и т. д.), ассоциируемого, как правило, исключительно с советским периодом истории. Строго говоря, до проведения государственно-правовой реституции всего церковного имущества в пользу РПЦ положение п. 2 ст. 67.1 Конституции РФ о пietetе к ты-

¹ Иногда, впрочем, не вполне точные переводы Священного Писания создают иллюзию возможности прощения греха воровства. Однако православные богословы указывают лишь на разную степень тяжести грехов воровства и прелюбодеяния: «И Писание, делая сравнение воровства и прелюбодеяния, сказало: не дивно, аще кто ят будет крадый; крадет бо, да насытит душу свою алчущую. Прелюбодей же за скудость ума погибель души своей содевает (Притч. 6:30, 32). Изрекло же сие не в извинение крадущему и не освобождая его от вины, но, сравнивая воровство с прелюбодейством, которое всего хуже, показало, что воровство менее грубо и легче, особенно когда оно следствие нищеты». См.: *Прп. Исидор Пелусиот. Письма. Книга III // Толкования Священного Писания. Толкования на Притч. 6:30*. URL: <https://bible.optina.ru/old:pr:06:30> (дата обращения: 22.07.2023).

² Рассуждая о православном литургическом чине помазания при коронации митрополитом или патриархом царя, некоторые историки церкви приходят к выводу о его тождественности с таинством миропомазания, подытоживая, что «в Византии, как и на Западе, монарх при помазании уподоблялся царям Израиля; в России ж царь уподоблялся самому Христу». См.: *Успенский П. Б. Поставление на царство в русской и византийской традициях // Православное учение о церковных таинствах: V Международный богословский православный конф. Русской православной церкви, Москва, 13–16 ноября 2007 г. М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. Т. 3. С. 428*. Таким образом, еще до Петра Первого глава государства (царь) обладал не только светской, но и духовной властью.

сячетелней истории государства и памяти предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства», останется нормой во многом декларативной и эфемерной.

В советский период практически тотального огосударствления экономики (за исключением периодов НЭП и бурного развития артельных ремесел и промыслов в 1930–40-е гг.) имела место сакрализация социалистической собственности на средства производства, которая включала в себя государственную (общенародную) собственность; колхозно-кооперативную собственность и имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для уставной деятельности (ст. 10 Конституции СССР 1977 г., ст. 93 ГК РСФСР 1964 г.). При этом задачи охраны социалистической собственности и создание условий для ее преумножения составляли основы общественного строя и политики государства.

Советская модель фетишизации социалистической собственности по сути являлась этатистским контрманифестом идеи «священного права частной собственности», присущей западной правовой культуре. Несмотря на то что по объекту преимущественной охраны данные модели диаметрально противоположны, в их основе лежит общий вульгарно-материалистический подход, который можно охарактеризовать известной формулой: «Бытие определяет сознание». В таких условиях «надстроечная» юридическая система обречена на сервильное обслуживание соответствующей базовой модели, на создание различных отраслевых механизмов, включая генеральный деликт, которыми постулируется приоритет вещного права над всей парадигмой прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений. Как показано ниже, для российского культурно-мировоззренческого кода такой подход неприемлем и генетически чужд.

II. Актуальные тенденции правоприменительной практики и законодательной политики в сфере охраны нематериальной собственности в рамках деликтного правоотношения

2.1

Исходя из системного истолкования норм ст. 128, 1064, 1225, 1226, 1252 ГК РФ, а также руководствуясь аналогией закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ), деликтное поведение причинителя вреда можно определить как направленное в равной степени на вещи и на имущественные права.

В силу бланкетной нормы п. 3 ст. 1252 ГК РФ в случаях, предусмотренных ГК РФ для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, при нарушении исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения. Размер компенсации определяется судом в пределах, установленных ГК РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости.

Вместо компенсации потерпевший вправе альтернативно отыскивать убытки, взыскание которых при доказанности их размера позволяет, по общему правилу, в полной мере восстановить имущественную сферу заинтересованного лица. Данный универсальный способ защиты является процессуально более трудоемким и затратным механизмом восстановления нарушенных субъективных прав и законных интересов по сравнению с взысканием компенсации по п. 3 ст. 1252 ГК РФ, поскольку в последнем случае степень вредоносности деликта – важный, но не всегда определяющий или даже юридически значимый фактор для формирования усмотрения суда в части применения соответствующей меры ответственности.

Согласно п. 51 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 10) «компенсация подлежит взысканию при доказанности факта нарушения, при этом правообладатель не обязан доказывать факт несения убытков и их размер». Согласно п. 61 Постановления № 10 заявление требования о взыскании компенсации в минимальном размере в принципе освобождает лицо от обязанно-

сти подтверждать соразмерность истребуемой суммы компенсации последствиям допущенного нарушения.

При этом по смыслу Постановления № 10 суд вправе взыскать компенсацию в размере ниже низшего предела, установленного в соответствующих нормах ГК РФ (в частности, в ч. 2 ст. 1301, ч. 2 ст. 1311, ч. 2 ст. 1406.1 и т. д.), помимо случаев, предусмотренных абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК. Данная новелла является имплементацией правовой позиции, выраженной в постановлениях Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П и от 24 июля 2020 г. № 40-П.

С момента введения нормы п. 3 ст. 1252 ГК РФ в действие накоплен значительный массив актов правоприменительного толкования (руководящие разъяснения высших судебных инстанций, судебная практика и правовые позиции КС РФ). Диалектически неизбежным итогом стало качественное преобразование аутентичного смысла, заложенного в клаузуле.

2.2

Наиболее масштабный трансформационный сдвиг в понимании содержания института деликтного права обусловлен коренной ломкой международно-правовой парадигмы в последнее время, которая затронула не только публично-правовую, но и частноправовую сферу.

Вновь выявленные потребности и условия гражданского оборота нацеливают на поиск на законодательном уровне более справедливой модели балансировки прав и законных интересов правообладателей объектов интеллектуальной собственности (далее – ИС) (потерпевших) и правонарушителей, которые могут совершать вменяемые им деликты под влиянием совокупности неблагоприятных обстоятельств и факторов, имеющих чрезвычайный и непредотвратимый характер и находящихся вне их контроля.

В этом плане давно назрела ревизия нормы п. 3 ст. 401 ГК РФ, не относящей к обстоятельствам непреодолимой силы «нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств». Целесообразно предусмотреть в порядке исключения из общего правила, что суд может признать в качестве форс-мажорных обстоятельств, возникших в связи с осуществлением действий (бездействия) иностранных государств, иных публичных образований или их объединений или частных лиц, находящихся в юрисдикциях, систематически нарушающих общепризнанные принципы и нормы международного права, включая императивность введения санкций и рестрикций исключительно в соответствии с гл. VII Устава ООН. Перечень таких иностранных юрисдикций должен утверждаться и обновляться на периодической основе Правительством РФ. Безусловно, данная новелла не должна освобождать от ответственности иностранных контрагентов за несоблюдение договорных обязательств со ссылкой на легитимные защитные меры, принимаемые РФ (например, реторсии (ст. 1194 ГК РФ) и репрессалии; контрмеры согласно ст. 22, 25 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г.).

Гибридная агрессия против государственного суверенитета РФ оказывает деформирующее влияние на привычную правовую среду; полностью или частично препятствует распространению национального режима на иностранных правообладателей из недружественных (а по сути, если уйти от дипломатических эвфемизмов, враждебных) государств. Тем более в ситуации, когда за рубежом российские компании и физические лица подвергаются дискриминации на уровне как законодательства, так и рутинной правоприменительной практики. Именно поэтому контрмеры в сфере частного права не могут быть производными из рафинированной диеты международно-правового набора средств принудительного воздействия мирного времени. Следует сближать и соотносить векторы развития частноправовых институтов в текущий период с общей канвой государственной оборонной и внешней политики и руководствоваться, в частности, такими основополагающими документами, как Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229). Так, согласно пп. 4–5 ст. 23 Концепции приоритетное внимание должно уделяться «исключению из международных отношений практики принятия незаконных односторонних принудительных мер в нарушение Устава ООН»; «совер-

шенствованию механизма применения международных санкций, исходя из исключительной компетенции Совета Безопасности ООН в вопросе введения подобных мер и необходимости обеспечения их эффективности с точки зрения поддержания международного мира и безопасности, недопущения ухудшения гуманитарной ситуации».

В этом смысле п. 5 ст. 39 Концепции, акцентирующий внимание на необходимости «защиты российской экономики и международных торгово-экономических связей от недружественных действий иностранных государств посредством применения специальных экономических мер в качестве ответной реакции на такие действия», нуждается в дополнении указанием на необходимость применения специальных правовых режимов и контрмер (аналогичная новелла должна быть внесена в п. 2 ст. 45 Концепции в части мер воздействия и специальных экономических мер).

Введенный против РФ и определенных категорий частных лиц, связанных с РФ, нелегитимный санкционный режим с блокировкой и конфискацией активов (например, транспортных средств с российскими номерами при пересечении внешних границ ЕС и т. п.), недобросовестный уход ряда западных компаний-правообладателей с отечественного рынка с расторжением (или прекращением) лицензионных и иных договоров в одностороннем порядке и т. п. – все это должно рассматриваться как признаки чрезвычайной ситуации в сфере международного права, которая настоятельно требует принятия на внутригосударственном уровне ответных мер и решений. Нельзя не согласиться с тем, что в таких условиях происходит утрата фундаментального права на защиту и на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство¹.

Потерпевшие от нелегитимных санкций российские юридические и физические лица вправе использовать в порядке самозащиты своих прав и законных интересов (п. 2 ст. 45 Конституции РФ) средства оперативного воздействия на системы иностранных публичных правопорядков, которые создают благоприятные условия или даже императивно устанавливают требования по совершению противоправных действий, в частности признавать для себя юридически ничтожными охранные документы (свидетельства, записи в реестрах), выданные в недружественных государствах или в рамках международных систем охраны ИС, в том числе при расширении международной заявки на территорию РФ, в отношении объектов ИС и т. д. Кроме того, перечень оснований для оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку (ст. 1512 ГК РФ) и иным объектам ИС может быть законодательно дополнен указанием на недобросовестное поведение правообладателя товарного знака. Данная новелла лежит в русле правовой позиции, выраженной в постановлении КС РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П, о том, что исключительное право на объекты ИС, принадлежащее иностранному правообладателю, может быть ограничено ввиду такой формы недобросовестного поведения последнего, как следование «режиму санкций против Российской Федерации, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка». Как отмечал В. Т. Смирнов, договорные обязательства регулируют отношения участников гражданского оборота в процессе его нормального осуществления и развития, тогда как обязательства вследствие причинения вреда призваны обеспечить защиту признаваемых законом имущественных прав и интересов граждан и юридических лиц от разного рода посягательств². В данном же случае квазиделиктное поведение является следствием крайней необходимости и, по сути, наоборот, восстанавливает нормальное функционирование гражданского оборота, реанимирует договорно-правовую реальность в части обмена материальными и нематериальными благами при добровольном (или по принуждению органов публичной власти соответствующего государства или объединения государств) отказе иностранного контрагента от получения встречного удовлетворения. В этом случае такое лицо не может приобре-

¹ Глава «Газпрома» назвал бессмысленными суды насчет поставок в Европу // Lenta.ru. 2023. 6 июля. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/06/bessmyslennost/> (дата обращения: 09.07.2023).

² Смирнов В. Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. С. 10–11.

сти статус потерпевшего в условиях российского правопорядка, поскольку вред не может быть причинен лицу, которое своими действиями способствовало его наступлению в полном объеме с учетом расширительного толкования по аналогии нормы ч. 2 п. 3 ст. 1064 ГК РФ: «В возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества».

Вследствие сложившейся международно-правовой обстановки и текущего «состояния необходимости» помимо использования указанных выше инструментов национальный законодатель вправе и даже обязан принимать меры по ревизии законодательной политики в тех отраслях и сегментах правового регулирования, которые находились под наиболее сильным десоверенизирующим воздействием международных органов и институций.

В частности, назрела потребность в десакрализации прежде навязанных нам прозападных представлений об исключительном праве ИС как некоей константе «священного права собственности», посягательство на которое формирует генеральный деликт и представляет прямую и непосредственную угрозу в том числе публичному правопорядку. Как отмечается в богословской литературе, «Церковь, действительно, не санкционирует и права собственности, для нее нет „священного права собственности“, и сам термин „каноническое право“, механически заимствованный с Запада, не имеет своего оправдания в Православном мировоззрении: каноны – не правовые нормы, а лишь правила церковного долга»¹. Святитель Григорий Великий еще точнее раскрывает онтологическую сущность права собственности: «Некоторые думают, что заповеди Ветхого Завета суровее, чем заповеди Нового, но на самом деле они заблуждаются в таком недальновидном суждении. Ибо в том карается не скупость, но хищение. Там (то есть в ветхозаветные времена. – *прот. О. С.*) вещь, несправедливо изъятая, возмещается вчетверо. А здесь (то есть в новозаветные времена. – *прот. О. С.*) богач порицается не за то, что украл чужое, но за то, что не отдал своего. И не говорится, что он кого-то притеснял силой, но что превозносился из-за вещей приобретенных»².

С учетом российских правовых и культурных традиций в механизме юридической ответственности должна преобладать не карательно-репрессивная (больше соответствует ветхозаветному принципу талиона «око за око, зуб за зуб»), а защитная и превентивная функции, которые отвечают на общественный запрос о справедливости и нравоучительном порицании за виновное (читай – греховное) поведение при соблюдении праведного баланса частных и публичных прав и законных интересов с учетом тяжести деликта; степени вины делинквента и негативных последствий для потерпевшего и сферы публичного правопорядка³. При этом деятельное раскаяние правонарушителя также должно приниматься во внимание в рамках конструкции генерального деликта. Правда, деятельное раскаяние в сфере внешней политики и практики международных отношений является скорее исключением, нежели правилом, тем более применимость его к недружественным государствам вряд ли можно предполагать в качестве реальной перспективы в отличие от принуждения их к цивилизованному миропорядку и уважению взаимных прав и интересов на основе принципов международного права.

Патетическая симфония национальных и международно-правовых подходов в сфере охраны ИС во многом была продиктована принятыми РФ на себя обязательствами при вступлении в ВТО и иные международные структуры, эффективность и целесообразность участия в которых ныне подвергается критической переоценке. Кроме того, свою негативную роль сыграло неверное толкование нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ как якобы допускающей отказ от национального суверенитета в части правового регулирования в угоду «общепризнанным принципам и нормам международного права».

¹ *Прот. Михаил Помазанский. О взгляде Православной церкви на собственность // Антимодернизм. ру. URL: <https://antimodern.ru/o-vzglyade-pravoslavnoj-cerkvi-na-sobstvennost/> (дата обращения: 09.09.2023).*

² *Прот. О. Стеняев. Воздушные мытарства. Мытарство шестое – кражи // Цикл «Путь всей земли». Беседа 8-я. URL: <https://pravoslavie.ru/97626.html> (дата обращения: 17.05.2024).*

³ Сама по себе деликтная ответственность возникла в результате отказа потерпевшего (кредитора) от реализации принципа талиона, который ранее допускал возможность саморасправы и причинения адекватного вреда делинквенту. См.: *Климович А. В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 46.*

Весьма примечательно, что только после исторического воссоединения Крыма и Севастополя с исторической Родиной КС РФ наиболее явно выраженным образом начинает артикулировать приоритет положений гл. 1–2 Конституции РФ над нормами и принципами международного права (см. п. 2.2 постановления КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П). Ретроактивная отсылка к постановлению КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П создает несколько лукаво иллюзию преемственности правовых позиций, в то время как в Постановлении № 10-П затрагивается внутренний теоретико-правовой аспект понятия «государственный суверенитет» применительно к политико-территориальной организации государства и системе федеративных отношений. При всем уважении к органу конституционной юстиции, внешний и внутренний аспекты государственного суверенитета в условиях федеративного государства имеют весьма условную корреляцию, даже с учетом вопиюще некорректного определения республик в качестве носителей государственного суверенитета в п. 2 ст. 5 Конституции РФ (в преамбуле Федеративного договора от 31 марта 1992 г. республики названы суверенными, что является полнейшим нонсенсом с точки зрения теории конституционного права).

2.3

Констатируется, что «в ходе переговорного процесса по присоединению Российской Федерации к ВТО постепенно принимались нормативные акты, которые не только приводили российское законодательство в соответствие с нормами ВТО, но и совершенствовали его»¹.

Если избегать условностей и экивоков, присущих такому жанру юридической словесности, как ведомственные аналитические материалы, то можно с уверенностью сказать, что РФ приняла на себя явно завышенные обязательства в сфере охраны ИС. В частности, в силу ФЗ от 4 октября 2010 г. № 259-ФЗ (вступил в силу с 19 октября 2010 г.) упразднен приоритет ранее зарегистрированных доменных имен над объектами ИС по принципу «*first come – first served*» («получил тот, кто первый пришел»), который сохранил свое значение только для целей устранения конкуренции между однопорядковыми объектами нематериальной собственности – доменными именами (см. определение о передаче дела в Президиум ВАС РФ от 31 января 2013 г. № 11980/12)².

Между тем проведенная реформация не соответствует «честным обычаям» в сфере регистрации и использования доменных имен. При этом арбитражные суды вполне законно и обоснованно продолжают уверенно ссылаться на «честные обычаи» при разрешении конкретных споров (постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 августа 2018 г. № С01-463/2018 по делу № А66-3737/2017). В некоторых случаях суды, впрочем, усматривают злоупотребление правом со стороны правообладателя при регистрации им товарного знака «не с целью его использования самостоятельно или с привлечением третьих лиц, а лишь с целью запрещения третьим лицам использовать соответствующее обозначение» (определение ВС РФ от 20 января 2016 г. по делу № А08-8801/2013).

Представляется, что слишком вольное и расширительное толкование ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в чрезмерном стремлении продемонстрировать лояльность и в опережающем порядке «усовершенствовать» свою национально-правовую систему может игнорировать специфические особенности того или иного предмета правового регулирования. Проработка нормативно-правовых решений требует скрупулезного, профессионального и лишённого налета политической конъюнктуры подхода с учетом всего спектра международного опыта. Применительно к доменным именам полезно обращаться к практике административных трибуналов при ВОИС, которые наилучшим образом модифицируют и адаптируют международные нормы и институты к потребностям делового оборота цифровой эпохи и обеспечивают разумный баланс прав и законных интересов правообладателей объектов ИС и зарегистри-

¹ Обязательства России в качестве члена ВТО. URL: https://saratov.gov.ru/gov/auth/mineconom/PRLD/LK/LK_rez_prov/%D0%92%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%92%D0%A2%D0%9E.pdf (дата обращения: 08.09.2023).

² См. также: Михеева Е. 10 лет России в ВТО: интеллектуальная собственность и географические указания. URL: <https://www.wto.ru/our-blog/10-let-rossii-v-vto-intellektualnaya-sobstvennost-i-geograficheskie-ukazaniya/?ysclid=1q7tsyzrjz703502365> (дата обращения: 06.09.2023).

рованных владельцев доменных имен. В противном случае правоприменительная практика будет вынуждена включать реверсивный ход и применять «каучуковые нормы» вроде ст. 10 ГК РФ как в приведенном выше кейсе с частичной «реинкарнацией» приоритета доменного имени в силу его предшествующей регистрации, которая при определенных обстоятельствах может свидетельствовать об отсутствии элемента недобросовестности.

Именно сейчас создаются благоприятные предпосылки для реализации суверенной парадигмы ценностей гражданско-правового регулирования и разумного протекционизма через осознание потребностей гражданского оборота, которые не могут всецело зависеть от необходимости соблюдения номинально-титовых правомочий в отношении формально отсутствующих (за исключением параллельного импорта и прочих квазизаконных схем) на российском рынке объектов ИС (в отсутствие волеизъявления правообладателя на введение объектов в гражданский оборот на соответствующей территории) в ущерб экономическим интересам хозяйствующих субъектов и частных лиц, активно использующих и инвестирующих в тождественные обозначения реальные финансовые, материально-технические и кадровые ресурсы. Представляется, что любые подходы, противоречащие принципам государственного суверенитета РФ и публичным интересам защиты стабильности гражданского оборота, подлежат доктринальному переосмыслению и ревизии как на уровне правосознания, так и в сфере законотворческой деятельности и прикладного правоприменения.

Список литературы

Афанасьева Е. Г. Российское и зарубежное деликтное право: основные различия // Законодательство. 2003. № 6. С. 80–83.

Климович А. В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 44–50.

Михеева Е. 10 лет России в ВТО: интеллектуальная собственность и географические указания. URL: <https://www.wto.ru/our-blog/10-let-rossii-v-vto-intellektualnaya-sobstvennost-i-geograficheskie-ukazaniya/?ysclid=lq7tsyjrjz703502365> (дата обращения: 06.09.2023).

Прот. Михаил Помазанский. О взгляде Православной церкви на собственность // Антимодернизм.ру. URL: <https://antimodern.ru/o-vzglyade-pravoslavnoj-cerkvi-na-sobstvennost/> (дата обращения: 09.09.2023).

Прот. О. Стеняев. Воздушные мытарства. Мытарство шестое – кражи // Цикл «Путь всей земли». Беседа 8-я. URL: <https://pravoslavie.ru/97626.html> (дата обращения: 17.05.2024).

Прп. Исидор Пелусиот. Письма. Книга III // Толкования Священного Писания. Толкования на Притч. 6:30. URL: <https://bible.optina.ru/old:pr:06:30> (дата обращения: 22.07.2023).

Смирнов В. Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. 72 с.

Успенский П. Б. Поставление на царство в русской и византийской традициях // Православное учение о церковных таинствах: V Междунар. богословская православная конф. Русской православной церкви, Москва, 13–16 ноября 2007 г. М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. Т. 3. С. 416–440.

Хужин А. М. О трансформации принципа генерального деликта: анализ законодательства и судебной практики // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 340–342.

References

Afanas'eva E. G. (2003) Rossiiskoe i zarubezhnoe deliktное право: osnovnye razlichiya [Russian and foreign tort law: basic differences]. In *Zakonodatel'stvo*, no. 6, pp. 80–83.

Khuzhin A. M. (2020) O transformatsii printsipa general'nogo delikta: analiz zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki [On transformation of principle of general tort: analysis of legislation and judicial practice]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 14, pp. 340–342.

Klimovich A. V. (2008) Obyazatel'stva iz deliktov v rimskom prave [Tort undertakings in Roman law]. In *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, no. 1, pp. 44–50.

Mikheeva E. (2022) 10 let Rossii v VTO: intellektual'naya sobstvennost' i geograficheskie ukazaniya [10 years Russia in WTO: intellectual property and geographical indications], available at: <https://www.wto.ru/our-blog/10-let-rossii-v-vto-intellektualnaya-sobstvennost-i-geograficheskie-ukazaniya/?ysclid=lq7tsyjrjz703502365> (accessed: 06.09.2023).

Prot. Mikhail Pomazanskii (2009) O vzglyade Pravoslavnoi tserkvi na sobstvennost' [The Russian Orthodox Church attitude towards the property]. In *Antimodernizm.ru*, available at: <https://antimodern.ru/o-vzglyade-pravoslavnoj-cerkvi-na-sobstvennost/> (accessed: 09.09.2023).

Prot. O. Stenyaev (2016) Vozdushnye mytarstva. Mytarstvo shestoe – krazhi. In *Tsiki «Put' vsej zemli». Beseda 8-ya*, available at: <https://pravoslavie.ru/97626.html> (accessed: 17.05.2024).

Prp. Isidor Pelusiot. Pis'ma. Kniga III [The letters. Book 3]. In *Tolkovaniya Svyashchennogo Pisaniya. Tolkovaniya na Pritch.* 6:30, available at: <https://bible.optina.ru/old:pr:06:30> (accessed: 22.07.2023).

Smirnov V. T. (1973) *Obyazatel'stva, vznikayushchie iz prichineniya vreda* [Undertakings, arising out of tort]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 72 p.

Uspenskii P. B. (2009) Postavlenie na tsarstvo v russkoi i vizantiiskoi traditsiyakh [The establishment of the kingdom in the Russian and Byzantine traditions]. In *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnykh tainstvakh: V Mezhdunarodnaya bogoslovskaya pravoslavnaya konferentsiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi, Moskva, 13–16 noyabrya 2007 g.* Moscow, Sinodal'naya bibleisko-bogoslovskaya komissiya, vol. 3, pp. 416–440.

СОГЛАШЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ, ИХ ВИДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКА

Ковшов Темур Владимирович

Аспирант кафедры юриспруденции Российского университета кооперации (Москва),
ORCID: 0000-0000-8137-7710, e-mail: t.v.kovshov@gmail.com.

В данной статье освещается тема соглашений о порядке ведения переговоров, их разнообразии и особенностях. Приводится краткий обзор различных типов соглашений о переговорах, а также анализируются их основные характеристики. Автор выделяет основные содержательные аспекты таких соглашений и обращает внимание на их роль как инструмента регулирования взаимодействия сторон в процессе переговоров. Оценивается практическое применение соглашений о порядке ведения переговоров в различных сферах деятельности, выявляются особенности их использования в различных контекстах. Выделяются существующие типы и виды используемых в практике урегулирования переговоров о заключении договора соглашений, писем, такие как меморандумы о взаимопонимании, гарантийные письма, письма о намерениях, преддоговорные соглашения, протоколы и т. п. Также приводятся существующие точки зрения теоретиков на природу соглашений, говорится об их роли и важности в урегулировании переговоров. При рассмотрении классификации правовой структуры данного соглашения их виды сопоставляются с используемыми в практике делового оборота документами. Соглашения о ведении переговоров и сами переговоры выделяются в качестве организационных соглашений и отношений соответственно, теория о существовании которых была разработана советским ученым профессором О. А. Красавчиковым. Принципы и характеристика организационных правоотношений соотнесены с основными характеристиками видов соглашений о порядке ведения переговоров.

Ключевые слова: соглашение, регулирующие переговоры о заключении договора, организационные правоотношения, преддоговорные отношения

Для цитирования: Ковшов Т. В. Соглашения о порядке ведения переговоров, их виды и характеристика // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 1. С. 54–61. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_54.

CONDUCT AGREEMENTS NEGOTIATIONS, THEIR TYPES AND CHARACTERISTICS

Kovshov Temur

Postgraduate, Russian University of Cooperation (Moscow), ORCID: 0000-0000-8137-7710,
e-mail: t.v.kovshov@gmail.com.

This article covers the topic of agreements on the procedure for conducting negotiations, their diversity and features. A brief overview of the various types of negotiation agreements is provided, and their main characteristics are analyzed. The author highlights the main substantive aspects of such agreements and draws attention to their role as a tool for regulating the interaction of the parties in the negotiation process. The practical application of agreements on the procedure for conducting negotiations in various fields of activity is assessed and the features of their use in various contexts are identified. The existing types and kinds of agreements and letters used in the practice of settling negotiations on the conclusion of a contract are highlighted, such as memorandums of understanding, letters of guarantee, letters of intent, pre-contractual agreements, protocols, etc. Also, the existing points of view of theorists on the nature of such agreements, their role and importance in resolving negotiations are given. When

considering the classification of the legal structure of such an agreement, their types are compared with the documents used in business practice. Negotiation agreements and negotiations themselves are distinguished as organizational agreements and relations, respectively, the theory of the existence of which was developed by the Soviet scientist professor O. A. Krasavchikov. The principles and characteristics of organizational legal relations are correlated with the main characteristics of the types of agreements on the procedure for conducting negotiations.

Key words: agreement governing negotiations on concluding a contract, organizational legal relations, pre-contractual relations

*For citation: Kovshov T. (2024) Conduct agreements negotiations, their types and characteristics. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 54–61, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_54.*

Пунктом 5 ст. 434.1 Гражданского кодекса РФ (в ред. от 10 февраля 2024 г.) предусмотрено право сторон переговоров о заключении договора заключить соглашение о порядке ведения таких переговоров. Подобное соглашение может конкретизировать требования к добросовестному ведению переговоров, устанавливать порядок распределения расходов на ведение переговоров и иные подобные права и обязанности сторон ведения переговоров.

Такое соглашение в работах отечественных исследователей чаще всего относится к организационным соглашениям. Например, А. В. Демкина, отмечая их направленность на упорядочивание отношений сторон на этапе переговоров о заключении договора, в частности определения условий добросовестности поведения при ведении переговоров, отмечала, что подобные соглашения не служат достижению цели непосредственного обеспечения исполнения комплекса встречных прав и обязанностей, предусмотренных предметом основного договора, называя их организационными соглашениями¹.

М. Н. Малеина также в ряде трудов, посвященных законодательному регулированию преддоговорных отношений, прямо указывала на организационный характер соглашения о порядке ведения переговоров, отмечая в качестве отличительной от иных схожих организационных соглашений черты отсутствие обязательства сторон переговоров по заключению договора².

О. В. Муратова также подчеркивает организационную природу соглашения о порядке ведения переговоров, указывая на обязательство сторон такого соглашения, заключающееся в реализации мер «...по организации процедуры переговоров для заключения основного договора»³.

Одним из основоположников теории организационных соглашений и организационных отношений в целом является О. А. Красавчиков, выделявший четыре группы таких организационных отношений:

- предпосылочные;
- делегирующие;
- контрольные;
- информационные.

В каждом из пунктов приведенной классификации обозначены функции положений организационных соглашений, к которым относят и соглашения, регулирующие преддоговорные отношения⁴.

И хотя соглашения об порядке ведения переговоров самим автором теории организационных отношений в трудах не упоминались, современные исследования

¹ Демкина А. В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве // *Гражданское право*. 2016. № 1. С. 31–34.

² Малеина М. Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // *Журнал российского права*. 2016. № 10. С. 36–46.

³ Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: специфика и тенденции правового регулирования // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 3. С. 71–78.

⁴ Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. С. 37.

в области преддоговорных отношений в большинстве своем относят соглашения о порядке ведения переговоров именно к организационным¹.

На практике соглашения о порядке ведения переговоров могут включать в себя сразу несколько характерных черт каждой из перечисленных выше групп, что также будет отмечено в настоящей работе.

О. А. Красавчиков определял три основных признака, позволяющих выделить организационные отношения в предмете регулирования гражданского права²:

- 1) возникают по инициативе самих участников правоотношения;
- 2) строятся на началах равенства (координации) субъектов, а не субординации (власти и подчинения);
- 3) направлены на упорядочение организуемых (имущественных) отношений, вследствие чего выполняют применительно к последним служебную функцию.

Вышеперечисленные признаки организационных правоотношений позволяют отнести соглашения о порядке ведения переговоров к организационным соглашениям, т. е. соглашениям, регулирующим организационные правоотношения, поскольку сами переговоры о заключении договора служат средством обеспечения его заключения, выполняют служебную функцию, возникают по инициативе самих участников правоотношения и строятся на началах равенства субъектов таких правоотношений.

Схожая классификация предложена Е. Б. Подузовой в диссертации «Организационный договор и его виды»: «...по структуре организации договорных связей организационные договоры, непосредственно направленные на заключение основного договора (или нескольких основных договоров), подразделяются на предварительные договоры и рамочные (собственно организационные) договоры»³. Из приведенной классификации можно сделать вывод, что организационные договоры непосредственно направлены на заключение основного договора путем формирования его условий, при этом в первом случае соглашение не влечет для сторон обязательств по заключению договора, во втором же случае на стороны возлагаются обязательства по его заключению в будущем в сроки, определенные предварительным договором.

Договорные конструкции, регулирующие переговоры о заключении договора, хорошо знакомы англосаксонской правовой системе⁴, прецедентному праву как более гибкой системе правового регулирования, функцию нормотворчества в которой выполняет судебный прецедент. Такие соглашения и письма, как меморандум о взаимопонимании (англ. memoranda of understanding), письмо о намерениях (англ. letter of intent), протокол о намерениях (англ. term sheet), гарантийное письмо (англ. commitment letter), рамочный договор, являются широко используемыми коммерческими документами, создающими юридические последствия для сторон переговоров в части организации их ведения, выполняющие вышеперечисленные функции организационных правоотношений, приведенные в классификации О. А. Красавчикова. Одно из основных принципиальных различий указанных документов – то, что часть из них подразумевает одностороннее письменное уведомление, заверение, не требующее согласия другой стороны (односторонние сделки), а оставшаяся часть требует наличия волеизъявления и принятия обеих сторон (двусторонняя сделка, договор).

К первому типу относятся традиционно письма о намерениях, которые выступают заверением направившей его стороны в своей готовности и намерении заключить договор, по поводу которого возникают переговоры. Подтверждая письмом о намерении свою заинтересованность в заключении договора, сторона дает возможность другой стороне, полагаясь на такое письмо, предпринимать подготовительные мероприятия, необходимые для выхода на сделку. Гарантийное письмо – аналогичный по своему характеру способ заверения о различных обстоятельствах, в том числе может содержать в себе заверение о намерении заключить договор.

¹ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2009. 782 с.

² Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50–57.

³ Подузова Е. Б. Организационный договор и его виды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 237 с.

⁴ Славицки П. Преддоговорные соглашения в отдельных правовых системах // Журнал европейских исследований. 2020. № 10. С. 26–44.

Под меморандумом о взаимопонимании и протоколом о намерениях понимается соглашение, устанавливающее общие условия планируемого к заключению основного договора, декларацию предмета коммерческой заинтересованности участников переговоров, цели заключения основного договора, общие условия о порядке ведения переговоров (к примеру, распределение расходов на выполнение определенных организационных мероприятий).

Сегодня можно утверждать, что ранее знакомые в основном западной практике коммерческого оборота на современном этапе развития гражданского оборота в России указанные документы активно применяются бизнесом.

Преимущественно данные договорные инструменты организации ведения переговоров применяются в сделках, предполагающих передачу сложных, дорогостоящих активов: сделки с недвижимым имуществом, лицензии о предоставлении права использования сложных объектов интеллектуальной собственности, корпоративные сделки, инвестиционные сделки и иные подобные сделки, в рамках которых отсутствует реальная возможность сторон провести переговоры и заключить соответствующие основные договоры в течение короткого срока¹. При вступлении в переговоры о заключении договора в подобных сделках сторонами учитывается их сложный, длящийся характер, требующий обеспечения организации и упорядочивания ряда существенных, принципиальных для сторон условий ведения переговоров и будущего договора.

Одной из характерных особенностей соглашений, регулирующих порядок ведения переговоров, является то, что они сами по себе не порождают обязательства о заключении договора, что отличает их от предварительного договора, который, напротив, порождает обязательство заключить договор (ст. 429 ГК РФ). Так, в постановлении Девятнадцатого апелляционного арбитражного суда РФ по делу № А14-9032/2022 от 13 июля 2023 г. одним из обстоятельств, рассмотренных судом, было ведение протокола проведения конкурса. Суд подтвердил выводы нижестоящих инстанций о том, что «...подача участником заявки для участия в конкурсе свидетельствует о принятии им условий его проведения, содержащихся в конкурсной документации, и, соответственно, о заключении заказчиком и участником **соглашения**, которое может быть квалифицировано как **соглашение о ведении переговоров**», не порождая еще каких-либо обязательств по заключению договора для обеих сторон, а лишь регламентируя порядок ведения конкурса. При этом подписываемый лицом, выигравшим торги, и организатором торгов протокол по результатам торгов рассматривается в качестве основного договора, целью которого было проведение торгов, либо предварительного договора о заключении договора (в зависимости от того, проводились ли торги в целях непосредственного заключения договора или выбора контрагента, с которым такой основной договор будет подлежать заключению), соответствующая трактовка была дана в определении Верховного Суда РФ от 31 августа 2021 г. по делу № 308-ЭС21-751.

Как упоминалось ранее, наличие обязательства о заключении договора на тех или иных условиях (будь это предварительный договор либо опцион / опционный договор) позволяет отнести такого рода соглашение к организационному, поскольку оно выполняет служебную роль в отношении основных обязательств.

В ряде исследований предпринималась попытка осуществить классификацию видов соглашений о порядке ведения переговоров. Так, М. Н. Малеина предложила широкую квалификацию соглашений, регулирующих преддоговорные отношения сторон². В первую очередь М. Н. Малеиной были выделены три вида соглашения, предусматривающего договорный элемент регулирования преддоговорных отношений. К указанным видам относятся соглашение о процедуре переговоров, соглашение о содержании основного договора и смешанное соглашение. Соглашения о содержании основного договора в свою очередь делятся на предварительный договор, рамочный договор и соглашение на предоставление опциона на заключение договора.

Как было отмечено выше, на практике имеет место заключение именно соглашений, носящих смешанный характер (следуя вышеприведенной классификации), по-

¹ Чоу А., Триантис Д. Составление и применение преддоговорных соглашений // Обзор права. 2020. № 98. С. 439–488.

² Малеина М. Н. Указ. соч. С. 36–46.

скольку в целях идентификации конкретного предмета переговоров – неотъемлемого элемента подобных соглашений – стороны переговоров стоят перед необходимостью определить, как минимум, объект гражданских правоотношений, по поводу которого стороны входят в переговоры. Под объектом гражданских правоотношений подразумевается то, на что направлены интересы участников правоотношений, или то, по поводу чего возникают правоотношения. Поскольку в случае отсутствия такого объекта гражданских правоотношений стороны переговоров могут быть лишены возможности, к примеру, связать те или иные расходы со стремлением заключить договор либо возможности доказать факт предоставления той или иной конфиденциальной информации как объективную необходимость ведения переговоров, определение предмета переговоров является важным элементом соглашений о ведении переговоров.

Как указывает В. В. Груздев, «условиями заключенного соглашения о порядке ведения переговоров выступают организационно-процедурные условия, согласованные сторонами в качестве существенных пунктов при заключении соглашения. К их числу относятся все условия, которые относятся к совершению организуемого (заключаемого) договора, за исключением определения его содержания. Отсюда широкий перечень условий, которые могут составлять содержание конкретного соглашения о порядке ведения переговоров»¹. Стороны вправе определить самый широкий перечень включаемых в такое соглашение условий, носящих организационный характер, ведь основная цель такого соглашения – именно организация преддоговорного процесса, что само по себе подразумевает детализацию отдельных, частных элементов таких переговоров.

Представляется, что более уместно при классификации видов соглашений, регулирующих порядок ведения переговоров, выделение групп положений, свойственных и включаемых либо исключительно, либо в большей мере именно в соглашения, регулирующие ведение переговоров. Поскольку сам термин «договор» может обозначать и документ как таковой, и (в юридическом смысле) двустороннюю сделку, в гражданском законодательстве положения, предусматривающие обязательство по заключению договора в будущем, порядок ведения переговоров, обязательства сторон в отношении конфиденциальной информации и т. д., выделяются в качестве отдельных видов договоров. Однако на практике указанные договоры включаются сторонами в состав единого документа, выступающего договором (контрактом, соглашением) как таковым.

Руководствуясь вышеприведенными классификациями, можно выделить различные виды соглашений по включенным в них условиям, закрепленным отдельными видами договоров, предусмотренных гражданским законодательством.

1. Соглашения, непосредственно регламентирующие порядок ведения переговоров

Под указанными соглашениями следует понимать соглашения, регламентирующие порядок выполнения сторонами переговоров определенных действий или бездействия, а также иные юридические факты, возникновение которых создает, изменяет либо прекращает организационные правоотношения в части надлежащего поведения сторон в ходе добросовестного ведения переговоров. В подавляющем числе случаев к таким положениям относятся распределение бремени расходов, требование о раскрытии какой-либо информации либо предоставление заверений и гарантий, выполнение определенных подготовительных мероприятий для проведения сделки стороной договора, выполнение тех или иных действий в случае наступления каких-либо юридических фактов.

Так, в случае ведения переговоров по заключению договора купли-продажи недвижимого имущества стороны могут включить требования по предоставлению правоустанавливающих документов, расходы (государственная пошлина) на получение которых возлагается на сторону покупателя. Также довольно частым случаем является включение в такие соглашения условия о проведении регистрации фактической планировки объекта недвижимого имущества, сроках ее проведения и последствиях для переговоров при тех или иных результатах такой регистрации.

¹ Груздев В. В. Соглашение о порядке ведения переговоров // Нотариус. 2019. № 7. С. 13–16.

Отдельного внимания заслуживают условия об ограничении сторон в возможности ведения параллельных переговоров, а также об обязанности уведомления о ведении таких переговоров. Практика рассмотрения российскими судами подобных споров имела место, благодаря чему юридическая сила оговорок об обязанности воздержаться от ведения параллельных переговоров либо уведомить о факте его ведения отмечена судами. Рассмотрев кассационную жалобу П. С. Плетнева по делу № А40-98757/2018 (Плетнев П. С. против ООО «ЮНИВЕРСАЛ-АКВА»), Судебная коллегия ВС указала, что умолчание о параллельных переговорах не является само по себе недобросовестным, как и отсутствие предложения заключить сделку на условиях, предложенных другим контрагентом, оговорившись, что стороны переговоров могут предусмотреть условие об эксклюзивности переговоров только с одним контрагентом в соответствующем соглашении о ведении переговоров¹.

2. Соглашения, регулирующие содержание основного договора

Под такими соглашениями следует понимать положения, устанавливающие условия, которые существенны для одной из сторон и по поводу которых соответствующая сторона проявила волю договориться еще на преддоговорном этапе. К такому роду положений могут быть отнесены самые различные условия, составляющие коммерческий интерес лица, без соблюдения которого такое лицо не вступило бы в переговоры. Это, к примеру, специальные условия расторжения длящегося договора, о которых стороны могут договориться на изначальном этапе ведения переговоров, закрепив обязательное их включение в основной договор. В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ под существенными условиями понимаются в том числе такие условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, в случае заявления участника переговоров о необходимости урегулирования одного из существенных для него условий будущего договора для вхождения в переговоры о заключении такого договора подобные условия квалифицируются в качестве существенных.

Указанная характеристика положений, регулирующих содержание основного договора, частично корреспондирует характеристике предварительного договора в соответствии с п. 3 ст. 429 ГК РФ, однако остальные существенные характеристики предварительного договора (такие как предмет договора, форма его заключения) могут отличаться, поскольку само по себе положение, регулирующее содержание основного договора, не создает тех юридических последствий, которые создает предварительный договор.

3. Соглашения, регулирующие порядок использования и обеспечения сохранности конфиденциальной информации

Являющееся по своему существу соглашением, регулирующим организационные правоотношения на всех этапах жизни договора, соглашение о конфиденциальности заключаются сторонами как на этапе преддоговорном, так и при исполнении договора и после его исполнения. Пунктом 4 ст. 434.1 ГК РФ отдельно предусмотрены обязательства сторон в отношении информации, переданной другой стороной переговоров в качестве конфиденциальной, в том числе обязательства не раскрывать ее и не использовать ее ненадлежащим образом для своих целей вне зависимости от того, будет ли заключен договор.

4. Предварительный договор, опционный договор и опцион на заключение договора

Одним из спорных положений вышеприведенной классификации является включение предварительного договора, опционного договора и опциона на заключение договора. Перечисленные виды договоров относятся к организационным договорам, поскольку (по классификации О. А. Красавчикова) обеспечивают выполнение предпосылочной функции по заключению договора и направлены на упорядочение организуемых (имущественных) отношений, вследствие чего выполняют применитель-

¹ Ковшов Т., Элязян А. Добросовестность сторон договора в ходе переговоров: судебное дело «Плетнев против Универсал Аква» // Общество и инновации. 2022. № 3. С. 103–110. DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss5-pp103-110>.

но к последним служебную функцию. Во всех трех случаях такие договоры создают для сторон обязательства по заключению договора в будущем, исполнение которых регламентировано гражданским законодательством. Стороны вправе обеспечить соблюдение указанных обязательств в судебном порядке, заявив иск о понуждении к исполнению такого договора. Например, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 28 августа 2018 г. по делу № А40-217225/2016 удовлетворил требование истца о понуждении заключить договор купли-продажи доли в рамках предусмотренного корпоративным договором права истца на приобретение спорной доли.

В соответствии с принципом свободы договора не допускается понуждение к заключению договора за исключением случаев, предусмотренных законодательством, либо случаев добровольного принятия на себя такого обязательства. Уместно поставить вопрос о том, имеют ли место переговоры о заключении договора на этапе, когда стороны приняли на себя обязательство по заключению договора в будущем.

Однако в каждом из приведенных видов договоров заключение основного договора ставится под условие выполнения его стороной (сторонами) определенных действий либо наступления иных юридических фактов, что само по себе не исключает возможности ведения переговоров по его заключению. При этом одна из основных характеристик указанных договоров – именно обязательство по заключению договора в будущем, что само по себе выступает проявлением добровольного отказа от свободы заключения конкретного договора стороной (сторонами).

Таким образом, выделение видов соглашений по ведению переговоров о заключении договора – важный элемент установления природы таких соглашений, что позволяет заполнить пробел, возникший ввиду отсутствия в гражданском законодательстве определения такого соглашения и выделения его в качестве вида договора. Определение и классификация таких соглашений позволила бы обеспечить единообразие практики применения в гражданском договоре таких видов соглашений, соблюдение законных прав и интересов сторон переговоров за счет более уверенного подхода в политике использования подобного рода соглашений при ведении переговоров.

Список литературы

- Груздев В. В. Соглашение о порядке ведения переговоров // *Нотариус*. 2019. № 7. С. 13–16.
- Демкина А. В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве // *Гражданское право*. 2016. № 1. С. 31–34.
- Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2009. 782 с.
- Ковшов Т., Эляян А. Добросовестность сторон договора в ходе переговоров: судебное дело «Плетнев против Юниверсал Аква» // *Общество и инновации*. 2022. № 3. С. 103–110. DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss5-pp103-110>.
- Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // *Советское государство и право*. 1966. № 10. С. 50–57.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. 494 с.
- Малеина М. Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // *Журнал российского права*. 2016. № 10. С. 36–46.
- Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: специфика и тенденции правового регулирования // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 3. С. 71–78.
- Подузова Е. Б. Организационный договор и его виды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 237 с.
- Славицки П. Преддоговорные соглашения в отдельных правовых системах // *Журнал европейских исследований*. 2020. № 10. С. 26–44.
- Чоу А., Триантис Д. Составление и применение преддоговорных соглашений // *Обзор права*. 2020. № 98. С. 439–488.

References

- Chou A., Triantis D. (2020) Sostavlenie i primeneniye preddogovornykh soglashenii [Drafting and application of pre-contractual agreements]. In *Obzor prava*, no. 98, pp. 439–488.
- Demkina A. V. (2016) O preddogovornoj otvetstvennosti v grazhdanskom prave [On pre-contractual liability in civil law]. In *Grazhdanskoe pravo*, no. 1, pp. 31–34.
- Gruzdev V. V. (2019) Soglasheniye o poryadke vedeniya peregovorov [Agreement on the procedure for conducting negotiations]. In *Notarius*, no. 7, pp. 13–16.

Ioffe O. S. (2009) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaistvennogo prava»* [Selected works on civil law: From the History of Civil Thought. A civil legal relationship. Criticism of the theory of «economic law»]. Moscow, Statut, 782 p.

Kovshov T., Elyazyan A. (2022) Dobrosovestnost' storon dogovora v khode peregovorov: sudebnoe delo «Pletnev protiv Yuniversal Akva» [Good faith of the parties to the contract during negotiations: the court case «Pletnev v. Universal Aqua»]. In *Obshchestvo i innovatsii*, no. 3, pp. 103–110, DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss5-pp103-110>.

Krasavchikov O. A. (1966) Grazhdanskie organizatsionno-pravovye otnosheniya [Civil organizational and legal relations]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 50–57.

Krasavchikov O. A. (2005) *Kategorii nauki grazhdanskogo prava: izbrannye trudy: in 2 vols.* [Categories of the science of civil law: selected works: in 2 vols]. Moscow, Statut, vol. 1, 494 p.

Maleina M. N. (2016) Peregovory o zaklyuchenii dogovora (ponyatie, pravovoe regulirovanie, pravila) [Negotiations on the conclusion of a contract (concept, legal regulation, rules)]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 10, pp. 36–46.

Muratova O. V. (2017) Preddogovornye otnosheniya v mezhdunarodnom kommercheskom oborote: spetsifika i tendentsii pravovogo regulirovaniya [Pre-contractual relations in international commercial turnover: specifics and trends of legal regulation]. In *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 3, pp. 71–78.

Poduzova E. B. (2012) *Organizatsionnyi dogovor i ego vidy: dis. ... kand. jurid. nauk* [Organizational agreement and its types: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 237 p.

Slavitski P. (2020) Preddogovornye soglasheniya v otдел'nykh pravovykh sistemakh [Pre-contractual agreements in certain legal systems]. In *Zhurnal evropeiskikh issledovaniy*, no. 10, pp. 26–44.

КОГДА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ – ДЕЛО РУК НЕ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Горобец Денис Геннадьевич

Доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (Ростовский филиал) (Ростов-на-Дону), кандидат экономических наук, ORCID: 0000-0001-9633-2496, e-mail: Gorobets_Denis_1975@mail.ru.

В статье рассматривается субъектный состав уклонения от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией, в контексте различных способов совершения преступления, анализируется влияние изменений арбитражной практики на уголовно-правовую квалификацию, делается вывод о допустимости соисполнительства при определенных условиях.

Ключевые слова: соучастники, соисполнители, «технические» компании, «дробление бизнеса», общая система налогообложения, специальные налоговые режимы, непоступление денег в бюджет, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору

Для цитирования: Горобец Д. Г. Когда уклонение от уплаты налогов – дело рук не одного человека // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 1. С. 62–67. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_62.

WHEN TAX EVASION IS THE WORK OF MORE THAN ONE PERSON

Gorobets Denis

Associate professor, Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Rostov Branch) (Rostov-on-Don), candidate of economic sciences, ORCID: 0000-0001-9633-2496, e-mail: Gorobets_Denis_1975@mail.ru.

The article examines the subject composition of tax evasion payable by an organization in the context of various methods of committing a crime, analyzes the impact of changes in arbitration practice on criminal legal qualifications, and draws a conclusion about the admissibility of co-execution under certain conditions.

Key words: accomplices, co-principals, «technical» companies, «business fragmentation», general taxation system, special tax regimes, non-receipt of money to the budget, commission of a crime by a group of persons by prior conspiracy

*For citation: Gorobets D. (2024) When tax evasion is the work of more than one person. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 62–67, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_62.*

Уголовный закон выделил в уклонении от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией, возможность соисполнительства преступления, установив соответствующий квалифицирующий признак – «совершенное группой лиц по предварительному сговору».

Определяя субъектный состав ст. 199 УК РФ, Пленум ВС РФ¹ указал на лицо, руководящее деятельностью организации, подразумевая под ним официального директора, реально выполняющего свои функции, а также фактического руководителя, прикрывающегося номинальным директором. При этом исполнительство преступления фактическим руководителем однозначно исключает соисполнительство номи-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления».

нального руководителя, допуская только возможность квалификации его действий как пособничества. Очевиден вывод о специальном статусе субъекта уклонения от уплаты налогов, которым наделяется лицо, непосредственно руководящее организацией. Традиционно ученые выделяют такие отличительные субъектные признаки, как осуществление налоговых платежей только законодательно определенными лицами¹ и обязанность предоставления налоговой отчетности².

Учитывая принцип единоличия представителя юридического лица во взаимоотношениях с государственными органами, в том числе в подписании налоговой отчетности, преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ, совершается индивидуально, и теоретически соисполнительство маловероятно. Допущение в ряде научных работ данной квалификации, сделанное без приведения разграничивающих критериев соисполнительства от других форм соучастия, оставляет вопрос об отличии второго (добавочного) соисполнителя от пособника³.

Непонятны уголовно-правовые оценки деяний соучастников уклонения от уплаты налогов, даваемые в немногочисленной следственно-судебной практике преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 199 УК РФ.

Соисполнительством признаны действия неустановленного фактического собственника ЗАО «Базис», находящегося за пределами Российской Федерации, состоящие в привлечении директоров ЗАО «Базис» и ООО «Торговый дом „Цветмет“» (основной поставщик продукции ЗАО «Базис») к уклонению ЗАО «Базис» от уплаты налогов путем экспорта в адрес «T. B. S. Enterprises – Limited Partnership» лома, сплавленного в чушки, под видом определенного сплава, причем налоговые ставки на лом и сплав различались⁴. Соответственно, деяния данного неустановленного лица и директора ЗАО «Базис» квалифицированы как уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а директора ООО «Торговый дом „Цветмет“» – как пособничество в совершенном ими преступлении.

С учетом очевидной организаторской роли неустановленного лица в преступлении и отсутствия какого-либо официального отношения к ЗАО «Базис» он все же не соисполнитель, а организатор. Исполнительство объективной стороны преступления с его стороны возможно только при условии фактического руководства деятельностью ЗАО «Базис», но в таком случае директор ЗАО «Базис», являясь его номинальным руководителем, будет не соисполнителем, а только пособником.

Аналогичная оценка деяний соучастника, но не соисполнителя дается по уголовному делу в отношении директора организации И. А. Кем и еще одного лица, не являющегося сотрудником организации, но имеющего непосредственное отношение к осуществлению функций бухгалтера⁵. Как соисполнительство расценено приискание и приобретение документов организаций, выступивших фиктивными контрагентами, посредством якобы имевшихся финансово-хозяйственных отношений с которыми организация, руководимая И. А. Кем, необоснованно зависила налоговые вычеты по налогу на добавленную стоимость.

Примечательно описание роли этого лица: «Обещала найти и передать Кем И. А. документы и печати „номинальных“ организаций с открытыми счетами в кредитном учреждении для использования в незаконной схеме уклонения от уплаты налогов, а также обналачивать для Кем И. А. деньги и скрыть следы ее преступной деятельности путем изготовления подложных документов, необходимых для создания видимости законности произведенных операций». После описания деяний пособника почему-то сделан вывод о соисполнительстве: «Лицо вступило в предварительный сговор с Кем И. А. на совершение преступления группой лиц по предварительному сговору».

Приведенными псевдосоисполнителями (фактическими соучастниками в форме организаторов, подстрекателей и пособников) и ограничивается следственно-судебная практика соисполнительства в уклонении от уплаты налогов.

¹ Щепельков В. Ф., Сальников А. В., Ермолаева Н. А. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судьбе налоговых преступлений // Криминалистика. 2012. № 2. С. 27–34.

² Ханова И. В. Субъекты налоговых преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1. С. 105–111.

³ Жадаева М. А., Янина И. Ю. Квалификация уклонения организации от уплаты налогов: проблемы конструирования состава и способы их преодоления // Налоги. 2021. № 6. С. 38–41.

⁴ Приговор Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25 августа 2017 г. по делу № 1-259/2017.

⁵ Приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 22 июля 2017 г. по делу № 1-304/2017.

В научной литературе возможность уклонения от уплаты налогов группой лиц рассматривается применительно к нетипичным случаям, связанным с признанием уклонения от уплаты налогов, вопреки положениям Пленума ВС РФ¹, длящимся преступлением и состоящим в правовой оценке деяний двух лиц, одно из которых, будучи руководителем налогоплательщика, уклонилось от уплаты налогов, а второе, сменив предыдущего руководителя, будучи осведомленным о неуплате налогов, имея возможность подать уточненную налоговую отчетность и уплатить налоги, этого не делает, продолжая тем самым преступление².

Анализируя квалификацию соисполнительства (директор и учредитель, директор и бухгалтер и т. п.) по конкретным уголовным делам, во всех случаях отметим отсутствие в деяниях «второго соисполнителя (не директора)» признаков объективной стороны уклонения от уплаты. Это вполне закономерно, учитывая специфичный способ совершения данного преступления, осуществимый только для руководителя организации. Очевидно, ориентация Пленума ВС РФ на способ совершения преступления как критерий определения субъекта и предопределила его ограниченность исключительно лицом, руководящим деятельностью организации. Но возникает вопрос о возможности совместного либо даже самостоятельного, помимо директора, выполнения другим лицом объективной стороны уклонения от уплаты налогов.

Наиболее распространенными схемами уклонения от уплаты налогов являются совершение бестоварных сделок с «техническими» компаниями («фирмами-однодневками») и искусственное разделение организации, подлежащей общей системе налогообложения, на несколько хозяйствующих лиц, правомочных применять специальные налоговые режимы («дробление бизнеса»)³.

Участниками первой схемы, помимо руководителя организации-уклониста, выступают руководители «технических» компаний, создающих формальные основания для уменьшения налоговой нагрузки, получения необоснованной налоговой выгоды в терминологии налоговых органов. Непосредственная роль «технических» компаний, состоящая в формировании ложного документооборота и обналичивании денег в интересах недобросовестного налогоплательщика⁴, ни в какой части не образует объективной стороны уклонения от уплаты налогов. Соучастие данных лиц ограничивается исключительно пособничеством без каких-либо признаков соисполнительства.

Следующая преступная схема – «дробление бизнеса» – также состоит в имитации реальной экономической деятельности, но теперь не во взаимоотношениях с контрагентами, а в имитации работы нескольких лиц, в то время как в реальности действует одно лицо.

Возникает существенное отличие, состоящее в непосредственной связи между деяниями всех участников преступной схемы и наступающими общественно опасными последствиями в виде неуплаты налогов.

В первом случае противоправная деятельность фиктивных контрагентов создает условия для уклонения от уплаты налогов другой организацией, но не вовлекает их самих в уклонение от уплаты налогов. Совершенно иные цели и последствия деяний участников схемы уклонения от уплаты налогов путем «дробления бизнеса». Влияние каждого из них на преступный результат, состоящий в непоступлении денег в бюджетную систему Российской Федерации, абсолютно одинаково. Такое положение предопределено самой сутью разделения хозяйствующего субъекта, когда качественно-количественные результаты его предпринимательской деятельности, подлежащие налогообложению по общей системе, распределяются между его искусственно разделенными частями, обеспечивая тем самым соответствие критериям, установленным для применения специальных налоговых режимов.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48.

² Пичугина М. А. Уклонение от уплаты налогов как длящееся преступление // Уголовное право. 2019. № 6. С. 74–80.

³ Письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650 «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)».

⁴ Талова К. А. Борьба с фирмами-однодневками // Журнал прикладных исследований. 2018. № 3. С. 29–32.

Простой подход в распределении налоговой нагрузки большой организации на несколько меньших ставит сложный вопрос относительно конечного получателя необоснованной налоговой выгоды – целого или его частей, а в уголовно-правовом контексте – о роли и ответственности каждого участника.

Юридически деятельность осуществляется несколькими лицами, фактически – одним, и оно же, являясь реальным, а не искусственно созданным налогоплательщиком, уклоняется от уплаты налогов. В то же время осуществление предпринимательской деятельности без регистрации, обязательной в силу требований ч. 1 ст. 2 ГК РФ, признается уголовно наказуемым незаконным предпринимательством, не относящимся к сфере налоговых правоотношений. Ведущий данную деятельность хозяйствующий субъект не относится к налогоплательщикам, определенным налоговым законодательством. При этом имущество, деньги и иные ценности, полученные в результате совершения этого преступления, подлежат обращению в доход государства¹. Воссоздание реального налогоплательщика путем объединения его частей не позволяет предъявлять налоговые претензии, неприменимые к несуществующим юридическим организациям или индивидуальным предпринимателям.

Другое дело, когда реальный налогоплательщик моделируется способом поглощения, предусматривающим присоединение к одной из частей, являющейся самостоятельным налогоплательщиком, остальных с лишением их статуса самостоятельных налогоплательщиков. Такое объединение позволяет перевести ставшего единственным налогоплательщика на общую систему налогообложения с последующим правомерным доначислением налогов, прогнозируемо превышающих налоги, уплаченные ранее им самим и другими частями, находящимися на специальных налоговых режимах.

На практике конечный получатель необоснованной налоговой выгоды от применения схемы «дробления бизнеса» так и определяется: «...налоговым органам следует выявлять организатора и консолидировать по нему доходы и расходы всех остальных участников, чтобы определить действительные налоговые обязательства»².

Данная оценка участников схемы «дробления бизнеса», учитывающая их совокупность и основывающаяся на взаимосвязях и взаимообусловленностях, совершенно справедлива. Спорным же выступает выделение одной из частей как имеющей отличие, предопределяющее необходимость присоединения остальных исключительно к данной части. Критерии налогоплательщика-организатора схемы налоговыми органами не разъяснены. Возможные варианты: дата создания, продолжительность и объем хозяйственной деятельности, организационно-правовая форма и иные аналогичные – позволяют с определенной степенью достоверности, но не во всех случаях (для примера, одновременная организация двух равнозначных торговых точек в одном помещении), определить исходного налогоплательщика, которого умышленно раздробили. Но практическая целесообразность, определяемая несхожестью результатов различных вариантов, неочевидна.

Ранее налогово-судебная практика при доначислении налогов объединенному и переведенному на общую систему налогообложения налогоплательщику в большинстве случаев не предусматривала учета уплаченных его частями налогов по специальным налоговым режимам. Исключение двойного налогообложения обеспечивалось правом на зачет или возврат в порядке ст. 78 НК РФ уплаченных по специальным налоговым режимам налогов³.

В течение 2022 г. Верховный Суд РФ рядом своих решений по конкретным арбитражным делам исключил право налогоплательщиков, входивших в схему «дробления бизнеса», на возврат налогов, уплаченных в рамках специальных налоговых режимов. Компенсирующей мерой стало уменьшение размера доначисляемых налогоплательщику-организатору налогов на сумму налогов, уплаченных элементами схемы «дробления бизнеса»⁴.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 (в ред. от 7 июля 2015 г.) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве».

² Письмо ФНС России от 14 октября 2022 г. № БВ-4-7/13774@ «О возврате излишне уплаченной суммы налога».

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 5 апреля 2022 г. по делу № А43-21183/2020.

⁴ Определения ВС РФ от 23 марта 2022 г. № 307-ЭС21-17713 по делу № А66-1735/2019, от 21 июля 2022 г. № 301-ЭС22-4481 по делу № 29-2698/2020, от 17 октября 2022 г. № 301-ЭС22-11144 по делу № А43-21183/2020.

Корреспондирующими судебным решениям стали разъяснения ФНС России: «Размер доначисляемых налогов подлежит уменьшению таким образом, как если бы налоги, уплачиваемые элементами схемы „дробления бизнеса“ в связи с применением специальных налоговых режимов в рамках проверяемых периодов, уплачивались налогоплательщиком-организатором»¹.

Обоснованием позиции судебных и налоговых органов выступило признание совместной ответственности налогоплательщика-организатора и остальных членов в причинении ущерба бюджетной системе, исключаяющей правомерность требования возмещения налогов, уплаченных в рамках специальных налоговых режимов, в порядке, установленном ст. 78 НК РФ. Равнозначность ролей всех членов схемы «дробления бизнеса» позволяет предположить правомерность присоединения (при объединении для доначисления налогов по общей системе налогообложения) к любому из них, а не только к налогоплательщику-организатору, допуская различные варианты. Окончательный вывод об отличии либо равнозначности участников схемы «дробления бизнеса» для консолидации доходов (прибыли) и налогов, уплаченных с соответствующих доходов, должен формироваться налоговой практикой.

Для уголовно-правовой сферы определяющее значение имеет не различие ролей участников, а совместность их действий. Полностью соглашаясь с оценкой противоправной схемы «дробления бизнеса» как группового деяния, вернемся к рассмотрению субъектного состава преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ.

В отличие от уклонения от уплаты налогов посредством фиктивных взаимоотношений с контрагентами, исполнитель которого полностью соответствует положениям Пленума ВС РФ о субъекте как лице, единолично совершающем преступление, схема «дробления бизнеса» ставит вопрос о возможной правовой оценке деяний участвующих лиц как соисполнителей.

Если должностные лица «технических» компаний («фирм-однодневок») и иные лица, имеющие отношение к уклонению от уплаты налогов, – только пособники, организаторы либо подстрекатели, и соисполнительство при данном способе совершения преступления невозможно в силу неучастия данных компаний в непосредственном уклонении и нанесении ущерба бюджетной системе, то при «дроблении бизнеса» соучастники уклонения от уплаты налогов выступают соисполнителями, а преступление, совершаемое данным способом, является групповым. В действительности в финансово-хозяйственных отношениях участвует не ряд самостоятельных индивидуальных предпринимателей или юридических лиц, а «скрывающийся» за ними реальный налогоплательщик, объединяющий их всех в своем составе. Его уклонение от уплаты налогов возможно только путем уклонения его частей. Уклонение его частей и есть преступление.

Таким образом, всеми членами схемы «дробления бизнеса» непосредственно выполняется объективная сторона уклонения от уплаты налогов.

Установившееся в арбитражной судебной практике признание причинения ущерба не только организацией, при которой консолидируются результаты финансово-хозяйственной деятельности схемы «дробления бизнеса», а всеми ее членами, означает для уголовно-правовой сферы изменение в вопросах квалификации.

При возложении ответственности за причиненный ущерб только на налогоплательщика, по которому консолидируются доходы, с предоставлением другим частям схемы «дробления бизнеса» возможности возмещения из бюджета уплаченных в период их вхождения в схему налогов еще не имелось достаточных оснований для оценки деяний как групповых, допускались в зависимости от конкретных условий пособничество и иные виды соучастия.

Консолидация не только доходов, но и налогов, лишаящая другие части схемы «дробления бизнеса» возможности возмещения из бюджета уплаченных налогов, устанавливает совместную вину в причинении ущерба. Исполнение части объективной стороны преступления, состоящей в причинении ущерба, меняет вид соучастия с пособничества на соисполнительство.

Возрастание арбитражной практики оценки схемы «дробления бизнеса» как совместных действий создает правовые предпосылки для уголовно-правовой квали-

¹ Письмо ФНС России от 14 октября 2022 г. № БВ-4-7/13774@.

фикации преступлений, совершаемых данным способом, как совершенных группой лиц по предварительному сговору. Расширение субъектного состава ст. 199 УК РФ выступает эффективным способом противодействия всем налоговым преступлениям, применяющим многосубъектные способы совершения, со сложными схемами взаимосвязей.

Список литературы

Жадяева М. А., Янина И. Ю. Квалификация уклонения организации от уплаты налогов: проблемы конструирования состава и способы их преодоления // *Налоги*. 2021. № 6. С. 38–41.

Пичугина М. А. Уклонение от уплаты налогов как делящееся преступление // *Уголовное право*. 2019. № 6. С. 74–80.

Талова К. А. Борьба с фирмами-однодневками // *Журнал прикладных исследований*. 2018. № 3. С. 29–32.

Ханова И. В. Субъекты налоговых преступлений // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2018. № 1. С. 105–111.

Щепельков В. Ф., Сальников А. В., Ермолаева Н. А. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судьбе налоговых преступлений // *Криминалист*. 2012. № 2. С. 27–34.

References

Khanova I. V. (2018) Sub"ekty nalogovykh prestuplenii [Subjects of tax crimes]. In *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*, no. 1, pp. 105–111.

Pichugina M. A. (2019) Uklonenie ot uplaty nalogov kak dlyashcheesya prestuplenie [Tax evasion as a continuing crime]. In *Ugolovnoe pravo*, no. 6, pp. 74–80.

Shchepelkov V. F., Salnikov A. V., Ermolaeva N. A. (2012) Raz"yasneniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii o sud'be nalogovykh prestuplenii [Clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the fate of tax crimes]. In *Kriminalist*, no. 2, pp. 27–34.

Talova K. A. (2018) Bor'ba s firmami-odnodnevkami [Struggle with one-day firms]. In *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*, no. 3, pp. 29–32.

Zhadyaeva M. A., Yanina I. Yu. (2021) Kvalifikatsiya ukloneniya organizatsii ot uplaty nalogov: problemy konstruirovaniya sostava i sposoby ikh preodoleniya [Qualification of tax evasion by an organization: problems of composition design and ways to overcome them]. In *Nalogi*, no. 6, pp. 38–41.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ РОССИИ» В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ: ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА

Зипунникова Наталья Николаевна

Заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

Для цитирования: Зипунникова Н. Н. Научно-методические основы преподавания курса «История России» в юридических вузах: обзор круглого стола // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 1. С. 68–75. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_68.

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FUNDAMENTALS OF TEACHING COURSE «HISTORY OF RUSSIA» IN LAW SCHOOLS: ROUND TABLE REVIEW

Zipunnikova Natal'ya

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

For citation: Zipunnikova N. (2024) Scientific and methodological fundamentals of teaching course «History of Russia» in law schools: round table review. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 68–75, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_1_68.

27 июня 2023 г. в онлайн-формате состоялся межвузовский круглый стол на тему «Научно-методические основы преподавания курса „История России“ в юридических вузах». Инициатором мероприятия выступила кафедра истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (далее – УрГЮУ), соорганизатором – кафедра истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (далее – СГЮА); к дискуссии присоединились историки и историки права из других вузов страны. Актуальность обсуждения проблематики расширения исторической компоненты в подготовке будущих юристов обусловлена рядом причин, прежде всего введением с 1 сентября 2023 г. во всех вузах страны на неисторических специальностях и направлениях подготовки обязательной дисциплины «История России».

Круглый стол приветствиями открыли проректор по учебной работе и цифровой трансформации УрГЮУ, кандидат юридических наук, доцент М. В. Гончаров, заведующий кафедрой истории государства и права Университета, кандидат юридических наук, доцент Н. Н. Зипунникова, профессор кафедры истории государства и права СГЮА, доктор юридических наук С. В. Ворошилова. М. В. Гончаров обозначил своевременность обмена мнениями по поводу учебно-методического, организационного и научного обеспечения преподавания нового курса студентам-юристам. Н. Н. Зипунникова акцентировала внимание на многолетнем эффективном сотрудничестве историко-правовых кафедр двух юридических вузов страны по разнообразным вопросам.

Обращаясь к участникам дискуссии, профессор С. В. Ворошилова подчеркнула, что выносимая на обсуждение проблематика имеет большое теоретическое и практическое значение, что связано также с необходимостью преподавания еще одной новой дисциплины – «Основы российской государственности». Этот курс предполагает ответы на вопросы, что такое Россия, что из себя представляет Российское государство-цивилизация, в чем состоят российское мировоззрение и ценности российской

цивилизации. В рамках данных тенденций неизбежно предстоит заново осмыслить методологию курса «История России» с целью формирования у студентов чувства гражданственности, осознания принадлежности к российскому обществу, гордости за достижения предков. Патриотизм и верность отечественным традициям, чувство долга и ответственности – те личные качества, которые в первую очередь характеризуют молодого специалиста как гражданина своей страны. С. В. Ворошилова отметила, что в связи с этим вместо «вечного» конфликта между историками и юристами, связанного с методологическими основами преподавания истории права (еще М. Ф. Владимирский-Буданов, будучи доктором русской истории, но занимаясь историей русского права, обвинял И. Д. Беляева, профессора кафедры русского законодательства, в том, что тот «более историк, чем юрист»¹), необходимо успешно сочетать методы как исторической, так и историко-правовой науки. Применение междисциплинарного подхода, предполагающего использование исторических и юридических методик для изучения рассматриваемых явлений, позволит предложить студенту юридического вуза полноценную картину исторического прошлого. Необходимо обратиться к компаративистскому подходу, чтобы определить особенности исторического развития России на фоне общемировой истории. Важнейшая цель преподавания курса «История России» – развитие системы духовно-нравственного воспитания, что повышает значение культурно-исторических традиций, заложенных выдающимися отечественными педагогами (К. Д. Ушинский, Л. С. Выготский, С. Т. Шацкий, Ю. А. Конаржевский и др.). Особая роль в преподавании исторических дисциплин и формировании у студентов навыков научно-исследовательской работы принадлежит документальным первоисточникам, материалам архивных фондов, музейным экспозициям. Нельзя забывать и об истории своего региона, что повышает значение краеведческого материала в общем курсе «История России». Яркие примеры из истории своего города, области, края способствуют формированию у студентов общегражданской идентичности и патриотизма.

В докладе профессора кафедры истории государства и права СГЮА, доктора исторических наук А. Ф. Бичехвоста «История России в юридических вузах: новые тенденции в преподавании» было обращено внимание на некоторые трудности и проблемы в реализации этой дисциплины в учебных заведениях юридического профиля. С одной стороны, студенты изучали историю в средней школе и усвоили базовый фактический материал в соответствии с историко-культурным стандартом по отечественной истории. С другой стороны, в юридических высших учебных заведениях и на юридических факультетах первокурсники приступают к изучению дисциплин «История государства и права зарубежных стран» и «История государства и права России», что неизбежно порождает межпредметное дублирование материала. Один из путей выхода из непростой ситуации подсказывает пояснительная записка к Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования, в которой отмечается, что определять содержание курса «История России» предоставлено непосредственно вузам с учетом вузовских традиций, накопленного опыта и других факторов.

Следует четко определиться, провести своеобразный «водораздел», что «отдать на откуп» историкам государства и права, а какие проблемы следует вынести на рассмотрение в курсе «История России». К числу тематических полей «Истории России» можно было бы отнести проблемы, связанные с анализом истории социально-экономического развития Древней Руси, Московского (Российского) государства в XVI–XVII вв., Российской империи, СССР, современной Российской Федерации, истории внешней политики Российского государства, эволюции национальной политики России на всех этапах ее развития, истории российской культуры, науки и образования и др.

А. Ф. Бичехвост также обратил внимание на проблему «вплетения» истории Русской православной церкви в общую канву преподавания «Истории России». По его мнению, трудно не согласиться с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, который на встрече Президента России с историками и представителями традици-

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Лекции по истории русского законодательства И. Д. Беляева. Москва, 1879 года. М.: Книга по требованию, 2012. С. 3–4.

онных религий 4 ноября 2022 г. отметил: «Когда изучаешь историю Русской православной церкви, то поражаешься тому, насколько эта история была переплетена с историей государства Российского и насколько жизнь церкви влияла на жизнь всей страны». История государства и история церкви были настолько тесно связаны, что разорвать их невозможно, а сейчас в учебном процессе их единство не прослеживается. История Российского государства, рассмотренная через призму ее взаимоотношений с православной церковью, должна заинтересовать, привлечь внимание студентов, стать важным средством патриотического и духовного воспитания молодежи в юридических вузах.

Во время лекционных и семинарских занятий по истории часто возникают вопросы, связанные с оценкой роли исторических личностей. Как повлияла определенная личность на выбор той или иной альтернативы развития страны? Изменил ли ход истории результат ее деятельности и насколько? Было неизбежным такое изменение или нет? «История России» не должна превращаться в «социологию истории», на занятиях непременно должны присутствовать оценки деятельности той или иной личности в истории. Еще одна проблема, над которой следует поразмышлять и которая также затрагивалась на встрече Президента с историками и представителями традиционных религий, – это соотношение преподавания всеобщей истории и истории России. Возможно, следует подумать над тем, чтобы предлагать обучающимся краткий обзор всеобщей истории в качестве своеобразной преамбулы к изучаемым темам по истории России, когда всемирная история могла бы стать фоном для дальнейшего изложения и анализа российского исторического процесса, фактов и событий из истории России.

Доцент кафедры истории государства и права УрГЮУ, кандидат исторических наук Э. Э. Бодрова в докладе «Новые вызовы в преподавании курса „История России“» подчеркнула, что понимание необходимости нацелить высшее образование на сохранение памяти предков, преемственности в развитии Российского государства было заложено в новейшую редакцию Основного закона РФ, согласно которой государственная политика призвана защищать историческую правду (гл. 3, ст. 67.1). Минобрнауки России приказом от 19 июля 2022 г. № 662 внесло изменения в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, и 2 февраля 2023 г. на заседании Экспертного совета по развитию исторического образования была утверждена Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» акцентировал внимание на необходимости противодействия фальсификации истории и повышения роли России в мировом гуманитарном, культурном, научном, образовательном пространстве. В другом Указе Президента РФ – от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» – подчеркивается значение более чем тысячелетнего опыта самостоятельной российской государственности, умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп, а также особое положение России как самобытной цивилизации.

Российское образование в современных условиях и в ходе выполнения поставленных целей получило ряд вызовов. Среди них приоритетным является формирование у студентов через ценностный подход к научному познанию общероссийской идентичности. Решение этой задачи влечет за собой в числе прочего изменения в структуре учебного процесса, постановку вопросов методологического и методического плана, создание дидактических материалов для достойного представления курса «История России» в университетской цифровой среде и др. Юридическое преподавательское сообщество находится на стадии обсуждения и осмысления Концепции преподавания, утвержденной Экспертным советом, методических рекомендаций Минобрнауки РФ и подготовки к преподаванию нового курса. Однозначных готовых ответов на ряд вопросов нет, но есть понимание и осознание важности и значимости предмета в системе высшего образования.

Э. Э. Бодрова также подчеркнула, что одним из вызовов выступает интегрированность курса в структуру единого образовательного пространства, которая предпола-

гает две составляющие. Первая – итоги школьного выпускного экзамена по предмету, которые ежегодно подводит Федеральный институт педагогических измерений (ФИПИ). Цифровая обработка большого объема данных позволяет высшей школе использовать итоговые аналитические и методические материалы ФИПИ в учебном процессе. Вторая – междисциплинарные связи при таргетированном контенте курса. Преподавание истории России в юридическом вузе неизбежно приведет к размежеванию, с одной стороны, и обогащению и пересечению учебного материала – с другой, с такими учебными дисциплинами, как «Теория государства и права», «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран», и новым курсом «Основы российской государственности».

Проблемность и синхронность курса – следующие вызовы. Концепция преподавания выделяет ряд дискуссионных вопросов, которые требуют подробного историографического и источниковедческого освещения. Это и споры ученых о возможности включения России в русло центральноевропейской (польской) политической модели, и крестьянское хозяйство (дискуссия о «земельном голоде» рубежа XIX–XX вв.), и дискуссия о причинах распада СССР (внешние и внутренние факторы) и др. Синхронность курса позволяет соотнести историю отечественную и всемирную. Новацией должно стать внимание к событиям не только в Европе, Азии, Америке и Африке, но также процессы в сопредельных с Россией странах, особенно входивших ранее в состав СССР. Интегрировать и синхронизировать с отечественной историей историю региональную и «историческую» часть юридического образования в стране – важная составная часть профессиональной подготовки студентов.

Еще один вызов связан с вопросом об историческом пространстве, так как географические пределы курса определяются территорией современной Российской Федерации, исходя из пространства, находившегося в составе Российского государства в то время, которое изучается. Верхняя хронологическая грань определяются 2022 г., а нижняя грань – временем появления человека на территории России.

В процессе преподавания мы используем традиционные, инновационные, активные и интерактивные технологии. Серьезным вызовом является реализация задач, определенных Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в котором среди целей цифровой трансформации развития определены показатели достижения «цифровой зрелости» в системе образования. В рамках рассматриваемой темы это – верифицированный цифровой образовательный контент и цифровые образовательные сервисы как для преподавателей, так и для студентов, создание индивидуальной траектории обучения и цифрового образовательного контента и сервисов для самостоятельной подготовки учащихся. Сегодня ничто не заменит творческую работу преподавателей по созданию учебного курса. По мнению Э. Э. Бодровой, для конструктивного ответа на вызовы есть решение – это проектный подход, создание в вузах творческих сообществ, куда бы входили наряду с преподавателями-предметниками педагогические дизайнеры и IT-специалисты, а цифровые инструменты и сквозные технологии были бы определены рабочими программами дисциплины, куда должны войти и современная историография, и верифицированные информационные источники: ссылки на онлайн-курсы, электронные базы данных, источники открытых данных и др. Единство воспитания и обучения – основной закон дидактики, потому необходимо создать учебную системную модель, способствующую формированию у студентов собственной парадигмы эволюции российской цивилизации.

Выступая с докладом «Об организационно-идеологических истоках концепции преподавания курса „История России“ в неисторических вузах (на примере ряда государственных инициатив XVIII – начала XIX в.)», доцент кафедры истории государства и права УрГЮУ, доктор юридических наук Е. С. Соколова определила одним из магистральных направлений юридической политики в сфере введения единого образовательного стандарта по дисциплине «История России» усиление государственного контроля за содержанием учебных программ, методического сопровождения, переподготовки преподавательских кадров. Охранительная направленность вмешательства государства в сферу образования постулирована политико-юридической стратегией на укрепление общегосударственного единства.

В историографической традиции проблема воздействия верховной власти на общество посредством правового регулирования образовательной деятельности оценивается как особый вектор юридической политики, обеспечивающий трансляцию в социум официальных инициатив идеологической и правовой направленности через структуры образования и просвещения. По мнению докладчика, основная тенденция Концепции преподавания курса «История России» заключается в доминировании его гражданско-патриотической основы. Следует подчеркнуть также ее нацеленность на формирование исторической памяти и понимание ведущей роли государства в коммеморативных практиках, сопровождающих выстраивание системы взаимодействия верховной государственной власти и гражданского общества в ходе решения задач духовно-нравственного и патриотического содержания. Акцентируя внимание на приоритетном характере выработки исторического сознания в среде учащейся молодежи, разработчики Концепции подчеркивают необходимость обращения к принципу научности в оценке роли и места России во всемирной истории на основе введения в преподавание сравнительно-исторических конструкций и аналитических процедур интерпретации учебного материала.

Концептуальная модель преподавания истории, которая с нового учебного года будет апробироваться не только в юридических вузах, но и в иных непрофильных учебных заведениях высшего звена, имеет глубокие исторические корни в образовательной политике Российской империи. Целенаправленный интерес к политико-юридической основе обучения истории возник еще на фоне государственно-правовых реформ Петра I и был связан с потребностью обосновать новый статус имперского государства в системе международных отношений. В государственно-правовых инициативах 1718–1722 гг. по собиранию исторических источников и активизации книгоиздательской деятельности хорошо прослеживается линия на сравнительное изучение «новейших» по тому времени событий русской истории с правлением предшественников первых Романовых. Ту же цель преследовало издание переводной литературы политико-юридического содержания, где история Российского государства рассматривалась в контексте истории Европы. Аналогичная модель исторического знания была использована М. В. Ломоносовым в учебнике «Древняя история российского народа», созданном на фоне официального возрождения «петровского наследия» в годы правления императрицы Елизаветы Петровны. Дальнейшее становление концепции преподавания российской истории происходило в русле университетского строительства, нацеленного на подготовку бюрократических кадров, способных обеспечить «общегосударственную пользу». Значительную роль в становлении модели преподавания истории, основанной на гражданско-патриотических ценностях, сыграла и политика «просвещенного абсолютизма». Создание кафедр российской и всемирной истории сопровождалось внедрением в образовательные практики принципа междисциплинарности наряду с усилением воспитательного контекста исторического образования, что неоднократно подтверждалось на законодательном уровне.

Подводя итоги выступления, Е. С. Соколова подчеркнула преимущество общих начал, положенных в основу новейшей концепции преподавания истории. Присущая ей традиционная основа, выстроенная в соответствии с требованием приоритета научности в объяснительно-интерпретационных стратегиях, позволит в перспективе превратить изучение прошлого в эффективное средство воздействия на историческую память и правосознание российского общества.

В докладе доцента кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидата юридических наук В. А. Мун «Влияние технологического развития на историко-правовое образование» было обращено внимание на ускоренные темпы технологического развития, пронизывающего все сферы общественной жизни и выступающего катализатором новых общественных отношений. В. А. Мун подчеркнула, что трансформируются коммуникационные навыки и технические возможности, а представители первого поколения Z («зумеры», «цифровые аборигены»), родившиеся ориентировочно в период с 1997 по 2012 гг., погружены в цифровой мир, активно используя планшеты, различные гаджеты, смартфоны. Это поколение, которое воплощает в реальность мир будущего, описанного в самых смелых бестселлерах научной фантастики XX в. Сценарии из книг Кира Булы-

чева теперь не кажутся вымыслом, а являются вполне реализуемыми технологиями искусственного интеллекта, способного имитировать деятельность человеческого мозга или технологиями метавселенной, в которой люди могут взаимодействовать посредством своих аватаров с помощью технологий виртуальной реальности и др.

Историко-правовые исследования позволяют отразить достижения в науке, осмыслить их глубину и масштабы, накопить опыт и сформулировать выводы для будущего поколения. Сохранение памяти предков, глубокое осознание истории, преемственности в развитии государства, защита исторической правды, поддержание историко-культурного кода страны являются неотъемлемыми элементами гарантии единства народа и суверенитета государства. Обеспечение указанных приоритетов на фоне нового социального ландшафта эпохи цифровизации обуславливает поиск наиболее эффективной современной методической базы по дисциплинам историко-правового цикла.

Среди особенностей влияния технологического развития на историко-правовое образование можно выделить игрофикацию (геймификацию) в образовании. Применение игровых механик в областях, не связанных с игрой, может служить важным методологическим инструментом в образовательном процессе, поскольку позволяет использовать в репрезентативном материале наиболее доступный к восприятию материал в виде изображений, видеоряда, аудиозаписей, динамичных объектов и др. Кроме того, повышению внимания к предмету исследования способствуют психологические факторы (персонализация игроков, система наградений, соревновательный элемент). Стоит отметить и существующие серии компьютерных игр, ставших «культовыми» по масштабу охвата действий, правдоподобности имитации многих аспектов жизни определенного периода («Фараон», «Крестоносцы», «Цивилизация» и др.). Подобные игры позволяют погружаться в изучаемую эпоху, исследовать экономику, дипломатию, военные действия, культуру и, собственно, саму историю, основанную на реальных событиях, с участием конкретных личностей.

Другой особенностью влияния технологического развития на историко-правовое образование является популяризация масштабных проектов, исторических парков и музеев, в которых представлены полномасштабные реконструкции разного рода глобальных процессов и явлений, исторических событий, тем самым происходит мультимедийное путешествие. Например, в системе мультимедийных исторических парков «Россия – моя история» панорамно представлена вся история России с древнейших времен до наших дней. Стоит отметить различные интерактивные решения данных парков: исторические игры, сенсорные экраны, многочисленные проекторы, применение трехмерного моделирования, цифровые реконструкции. Также приобретают популярность музеи, в которых представлены тактильные или звуковые экспозиции. Отдельно хотелось бы отметить интернет-проект Российского государственного архива фонодокументов (РГАФД) «Голоса партийных и государственных деятелей СССР (1917–1991 гг.)», идея которого заключалась не только в ознакомлении с существующими записями выступлений руководящих лиц СССР, но и в иллюстрации этими выступлениями ключевых моментов в истории СССР, значимых событий в жизни страны.

В. А. Мун резюмировала, что технологизация общества протекает на фоне ускорения темпа жизни, изменений требований к человеку относительно его технических навыков. Это, в свою очередь, усугубляет вечную проблему «отцов и детей», т. е. отрицание молодым поколением опыта предыдущего поколения. Более того, усиливается разрыв между поколениями, которые на фоне смены языка общения перестают понимать друг друга. Трансформация общества под воздействием технологического развития неизбежна. В то же время значимость бережного отношения к историческому и культурному наследию страны сложно переоценить. Представляется, что поиск оптимальных научно-методических основ преподавания историко-правовых дисциплин возможен в случае использования современных технологических достижений в качестве инструментария, а также при консолидации опыта специалистов и экспертов из разных областей исторических и теоретических знаний.

Основные доклады вызвали неподдельный интерес и оживленную дискуссию. Среди прочего, обсуждались проблемы и вопросы, связанные с перспективами преподавания новой дисциплины студентам-юристам, практико-ориентированным под-

ходом к сохранению исторической памяти о мемориальных датах российской истории, познанием истории России в контексте всеобщей истории, а также с учетом междисциплинарности, формированием общегражданской идентичности через образовательную среду. Всего в обсуждении приняло участие более 20 коллег из разных вузов.

Так, доцент кафедры истории государства и права УрГЮУ, кандидат юридических наук Л. Ю. Костогрызова подчеркнула, что предложенная Министерством образования и науки РФ концепция преподавания истории России для неисторических специальностей в вузах содержит несколько векторов. Курс должен «способствовать пониманию студенчеством особенностей российского исторического развития на общемировом фоне, оценить вклад России в развитие мировой цивилизации, ее роль в разрешении крупных международных конфликтов, влияние в мировой политике в целом, проблемы необходимости реагирования на общеисторические вызовы»¹. В связи с этим для студентов-юристов, изучающих курс истории государства и права зарубежных стран, важно показать как сходные, так и отличительные черты формирования российской государственности. Кроме того, небесполезно уделить внимание событийной истории и роли личности как в российской, так и в мировой истории. Говоря о курсах истории государства и права России и истории России следует, по мнению Л. Ю. Костогрызовой, подчеркнуть не их разграничение, а их взаимодополнение, и, соответственно, в первой дисциплине большее внимание уделить изучению текстов юридических документов и особенностям становления российского права, а во второй – показать влияние тех или иных событий на появление обозначенных особенностей. Л. Ю. Костогрызова согласилась с предложением А. Ф. Бичехвоста изучать в курсе истории России социально-экономическое развитие страны, ее национальную, культурную, религиозную политику и т. п. Еще одна кажущаяся проблема: разграничение тем в лекционных и семинарских занятиях. Можно выбрать разные пути ее решения: 1) одни темы (например, политическое и экономическое развитие) изучать на лекционных, другие (культура, наука) – на семинарских занятиях в рамках проектной деятельности; 2) на лекционных занятиях обозначить проблемные вопросы, на семинарских занятиях – попытаться их решить, разумеется, способами, примененными на практике; 3) выделить хронологические блоки, внутри которых значимые события освещать на лекциях, а их последствия – на семинарах.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук В. М. Деревскова отметила, что введение курса «История России» является важным элементом воспитания молодежи, формирования знаний о наиболее значимых событиях российской истории и их влиянии на последующее развитие российского общества, государства и на мировую историю, определения причинно-следственных связей между событиями и действиями исторических личностей и последующим этапом развития. Первоначально преподаваемый курс «История» был меньшим по объему и предполагал изучение не только российской, но и мировой истории. Вводимая новая дисциплина по объему часов больше, но и сам объект изучения меняется, им становится российское общество в хронологическом развитии. В юридических вузах, на юридических факультетах изучаются параллельно историко-правовые дисциплины. С одной стороны, увеличение часов на преподавание курса «История России» было предпринято, видимо, за счет указанных дисциплин, а с другой – остроту сохраняет проблема разграничения «Истории России» и «Истории государства и права России». Объект «Истории России» шире, чем «Истории государства и права России», поскольку хронологически «История России» начинается с этногенеза славян, а историко-правовой курс – с возникновения Древнерусского государства. Объем изучаемых материалов также разный.

Вместе с тем В. М. Деревскова отметила, что ранее в качестве факультативов или модулей были предусмотрены в вузах две дисциплины: «Великая Отечественная война: без срока давности» на 2-м курсе и «Нюрнбергский процесс и развитие междуна-

¹ Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. С. 4. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F1.pdf> (дата обращения: 29.12.2023).

родной уголовной юстиции» на 4-м курсе. Вопросы, изучаемые в рамках первого из них, касаются идеологических основ нацистских преступлений против человечества на оккупированных территориях Советского государства, институционального механизма расследования преступлений, включая деятельность советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны. Второй факультатив предлагает изучение основ создания и деятельности Международного военного трибунала, работы и результатов Нюрнбергского трибунала, а также влияния на международную уголовную юстицию, в том числе Токийский трибунал. В связи с этим вопросы, изучаемые в рамках указанных факультативов, могут преподаваться в курсе «История России».

К дискуссионным вопросам практического внедрения новой дисциплины в учебные планы юридических вузов обратилась и доцент кафедры истории государства и права УрГЮУ, кандидат юридических наук Э. Ф. Шамсумова. Она заметила, что упоминавшаяся Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки с 1 сентября 2023 г. начнет реализовываться, а в российских вузах запустится обновленный курс «История России» в объеме не менее 144 часов, с большой аудиторной нагрузкой. Для юридических вузов эта дисциплина неюридическая, студенты-юристы бакалавриата и специалитета традиционно изучают и историко-правовые курсы. Их созвучие и кажущаяся близость не делают их содержание взаимозаменяемым, поскольку курс «История России» имеет свои цели и задачи, предмет и методы, формирует свои компетенции, а «История государства и права России» как фундаментальная юридическая дисциплина – свои; обе при этом входят в обязательную часть учебного плана. Вузы фактически оказываются в ситуации необходимости сокращения объема именно историко-правового курса, поскольку в соответствии с образовательными стандартами годовое количество зачетных единиц остается прежним. Учитывая значимость вводимой дисциплины, но также устойчивые традиции отечественного юридического образования, на разных исторических этапах включавшего отнюдь не малую историческую компоненту, крайне важно подходить к формированию учебных планов, конструированию промежуточных аттестаций, содержательному «размежеванию» обсуждаемых курсов со всей ответственностью.

Подводя итоги, Н. Н. Зипунникова еще раз подчеркнула значимость неравнодушного и заинтересованного разговора об особенностях и перспективах преподавания новой дисциплины будущим юристам, обратив внимание на накопленный в вузах опыт использования в учебно-исследовательских целях университетских и иных музейных, архивных, библиотечных пространств. С учетом региональной проблематики, курса на познание отечественной культуры, а также необходимости творческой рефлексии по поводу профессиональной – юридической – деятельности, предусмотренных Концепцией и методическими рекомендациями Минобрнауки России, особую роль приобретают и так называемые выездные занятия, особенности проведения которых выработает практика. Занятия по «Истории России», формируя нравственно-ориентированную, патриотичную, профессиональную личность юриста, будут полезны также в проектной деятельности, очевидно, давая кумулятивный эффект и в познании отечественных и зарубежных государственно-правовых традиций. Одним из важных результатов состоявшегося обсуждения Н. Н. Зипунникова назвала сформировавшиеся для будущих встреч коллег из разных юридических вузов, реализующих курс «История России», темы для обсуждения, включая проблематику сохранения исторической, культурной памяти, цифровизации образовательных и исследовательских практик, совершенствования исторической и историко-правовой компоненты в подготовке профессиональных юридических кадров.

Список литературы

Владимирский-Буданов М. Ф. Лекции по истории русского законодательства И. Д. Беляева. Москва, 1879 года. М.: Книга по требованию, 2012. 29 с.

References

Vladimirskii-Budanov M. F. (2012) *Leksii po istorii russkogo zakonodatel'stva I. D. Belyaeva. Moskva, 1879 goda* [Lectures on the history of Russian legislation by I. D. Belyaev. Moscow, 1879]. Moscow, *Kniga po trebovaniyu*, 29 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 04.06.24.
Уч.-изд. л. 6,99. Объем 1,91 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит